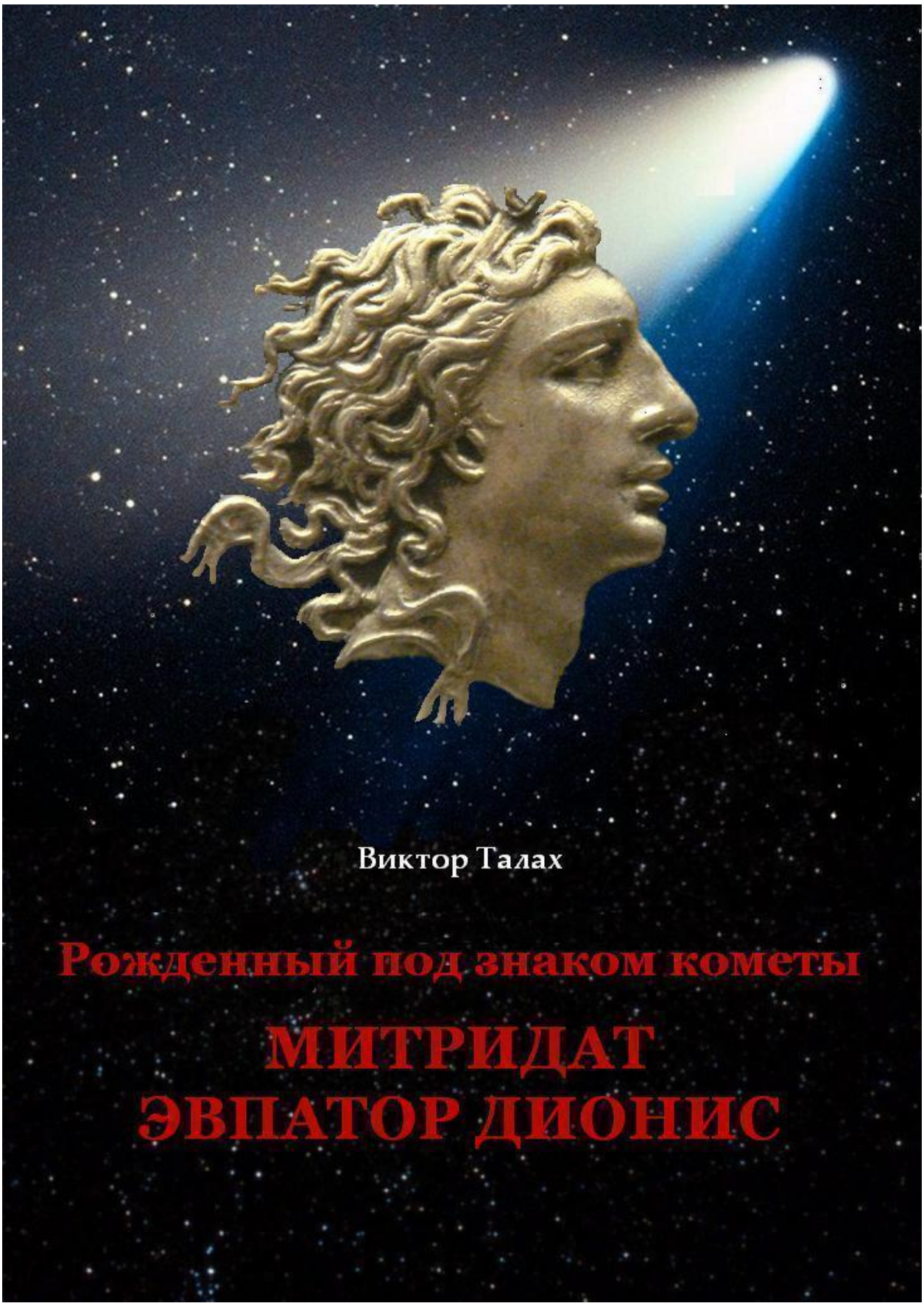


Виктор Талах

Рожденный под знаком кометы

МИТРИДАТ ЭВПАТОР ДИОНИС

Виктор Талах.

РОЖДЕННЫЙ ПОД ЗНАКОМ КОМЕТЫ: МИТРИДАТ ЭВПАТОР ДИОНИС

Киев
Blok.NOT
2012

Это электронное издание
Второе, исправленное

Талах В. Н. Рожденный под знаком кометы: Митридат Эвпатор Дионис / под ред. В. Талаха. — К.: Blok.NOT, 2012. — 199 с.
ISBN 978-966-XXXX-XX-X

Вниманию читателя предлагается второе исправленное издание книги об одной из самых интересных фигур античности – Митридате VI Эвпаторе.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей исторических факультетов, а также всех тех, кто интересуется античностью, в частности историей Боспорского и Понтийского царств.

ISBN 978-966-XXXX-XX-X

© В. Талах, издание второе, исправленное, 2012,
Перевод, вступление, редактирование, комментарии

© А. Скромницкий, 2012,
Оформление

ΜΙΘΡΑΔΑΤΗΣ ΕΥΠΑΤΩΡ ΔΙΟΝΥΣΟΣ

МИТРИДАТ ЭВПАТОР ДИОНИС

"Митридат, муж, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем невнимательно, в войне изощренный, великий в доблестях, иногда в воинском счастье, в бою – воин, замыслами – вождь..."

Веллей Патеркул

Введение

Историческая память о прошлом нашей страны начинается с событий, произошедших задолго до того, как «нача прозыватися Русская земля», и участники их не только славяне и тюрки. Однако, деятели до Вещего Олега практически не оставили следов на современной карте Украины. Мы не находим на ней имен ни скифских и сарматских витязей, ни эллинских героев, ни готских конунгов… За одним исключением: названия сразу двух географических точек – город Евпатория и гора Митридат в Керчи – сохранили имя жившего более чем две тысячи лет назад царя Митридата Эвпатора Диониса.

Рисунок 1. К. Боссоли. Вид на гору Митридат в Керчи в первой трети XIX в.

Правда, название «Евпатория» является в некоторой степени плодом недоразумения: «возвращая» в последние десятилетия XVIII века «исконные названия» северопричерноморским городам, екатерининские чиновники не очень считались с исторической географией, поэтому город, основанный в местности между древними Тирой и Ольвией, получил имя античной Варны – Одесса, расположенный в устье Днепра порт стал Херсоном, хотя древний Херсонес находился в окрестностях нынешнего Севастополя, а название «Севастополь» имел в древности современный Сухуми. Точно также в 1784 году турецкий Гезлев был переименован в Евпаторию, хотя упоминаемый древнегреческим географом Страбоном крымский Эвпаторий располагался по всей видимости на территории современного Севастополя (согласно другой точке зрения – возле Балаклавы), а на месте Евпатории находилась античная Керкинитида [1]. Впрочем, звучное греческое название, означающее в переводе «город благородного», прижилось, и в течение следующих двухсот

[1] Следует заметить, что в научных кругах это было хорошо известно и в XVIII веке: в написанной в 1777 году книге «Крымское ханство» профессор университета в Галле Тунманн пишет о Геслеве: «вероятно, здесь находился древний Керкинитис, называвшийся впоследствии Коронитис» (Тунманн. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Эрнста и С.Л.Белявской. Симферополь,1991. С.38)

двадцати лет ни у кого не возникло соблазна заменить его, скажем, на еще один «Ленинск», «Октябрьск» или «Кировск».

Вероятно, не случайно из деятелей античности именно имя Митридата Эвпатора закрепилось на карте Украины. Он принадлежит к наиболее ярким фигурам минувшего, связанным с Северным Причерноморьем. Неполные два года, с лета 65 до весны 63 года до н.э., когда Митридат находился в Пантикапее-Керчи, город находился в центре «большой» мировой политики, за происходившим в нем с пристальным вниманием следили и сенат в Риме, и шедший со своими легионами по Сирии и Палестине Помпей, и могучие парфянские владыки в Ктесифоне на Тигре, и слабые египетские цари в Александрии.

Между тем, нельзя сказать, чтобы биография Митридата Эвпатора была ~~очень~~ хорошо известна нашим современникам и соотечественникам. Автор надеется, что для читателя этой небольшой книжки названия «Митридат» и «Евпатория» станут большим, чем диковинно звучащие слова чужих языков.

Греческие и римские имена и названия так часто нами употребляются, что, кажется, их чтение не представляет никаких проблем. Между тем, в нашем произношении они весьма отличаются от звучания своих древних прототипов.

Это можно объяснить по крайней мере тремя причинами.

Во-первых, в древнегреческом и латинском произношении были явления, которые невозможно воспроизвести в восточнославянских языках, например, разная долгота гласных, музыкальное ударение.

Во-вторых, при заимствовании слов они приспосабливались к нормам грамматики другого языка: так, существительные мужского рода утратили окончания именительного падежа *–us* и на *-ς*.

В-третьих, и греческий, и латынь развивались, а заимствования из них в восточнославянские языки произошли, самое ранее, в X веке, когда они уже отличались от классических вариантов.

Относительно латыни это касается, в частности, произношения *-c-* перед *-i-* и *-e-*, *-t-* перед *-i-* и дифтонга *-ae*. В средневековой латыни *ce-, cae-, ci-, ti-* читались соответственно *це-*, *ци-*. Однако в том языке, на котором говорили в Риме II-I вв. до н.э., *C* и *T* всегда читались как *-к-* и *-т-* (перед *-е-* и *-i-* с некоторым смягчением). Дифтонг («двугласный») *AE* в древности читался приблизительно как *-аэ-*, а в средневековье как просто *-э-*. Кроме того, *-s-* между гласными в классической латыни никогда не читался *з-*. Таким образом, в Древнем Риме не было Цезаря, Марция, Цицерона, Лициния Лукулла, Цецилия Метелла, а были Каэсар, Маркиус, Кикеро, Ликиниус Люкуллюс, Каэкилиус Метеллюс.

Еще запутаннее дело обстоит с греческим. В языке средневековой Византии буквы *B* («бета»), *H* («эта»), *Θ* («тета») читались *“в”*, *“и”*, *“ф”*, сочетания *-AI-, -OI-* – *“э”*, а сочетание *-EI-* – *“и”*. Так предлагал читать и древнегреческие слова известный немецкий филолог эпохи Возрождения И.Рейхлин.

Однако, его современник Эразм Роттердамский установил, что в античной древности *B* читалось как *“б”* , *H* – как *“э”*, *Θ* – близко к *“т”*, а *-AI-, -OI-, -EI-* – *“ай”*, *“ой”*, *“эй”*. Например, название города *Θηβαι*, которое мы по византийской традиции читаем «Фивы», на самом деле произносилось как «Тэбай». Именно в таком виде древнегреческие слова вошли в латынь и некоторые восточные языки. Поэтому в тех случаях, когда древнегреческие имена и названия были заимствованы восточнославянскими языками из языка средневековой Византии (так называемого «среднегреческого»), они читались «по-Рейхлину»: Афины (а не «Атенай»), Феофил (а не «Теофил»), Вифиния (а не «Битиния»). Когда же заимствование происходило через латынь или западноевропейские языки, в русском и украинском закреплялись формы «по-Эразму»: Гера, Гераклея, «библиотека» (хотя в российских книгах до конца XVIII века встречается «вивлиофика»), «теология».

К последним относится и имя «Митридат». Будучи иранским по происхождению («Данный Митрой»), в греческих документах, происходящих из Понтийского царства, оно

записывается *Μιθραδατης*, «Митрадат», но в латыни утвердилась форма *Mithridates*, «Митридат», которая в настоящее время и является общепринятой, хотя, как оказывается, не вполне точной.

Полный разнобой сложился в русском правописании с передачей начального *ευ*– древнегреческих слов. В давно заимствованных непосредственно из греческого словах оно передается как правило через «ев-», в новозаимствованных или заимствованных из западноевропейских языков – через «эв-». Пишется «эвритмия», «эвристика», «эвтаназия», «эвпатриды», «эвфония», но «евангелие», «евгеника», «евхаристия». Относительно личных имен допускается двоякое написание: «Эвдокс» и «Евдокс», «Эвклид» и «Евклид». Автор вместо принятой с XVIII века формы «Евпатор» употребляет более близкую к оригиналу «Эвпатор».

СОПЕРНИКИ

Вот искусство твое – покой приносить и порядок,
Милость покорным являть и смирять горделивых

Вергилий

В конце лета 330 года до н.э. близ границы Мидии и Гиркании, в брошенной у безымянного степного ручья бедной повозке умер последний персидский царь Дарий III, разбитый Александром, низложенный и смертельно раненый людьми из своего ближайшего окружения[2]. В следующем году и свергнувший его Бесс (Артаксеркс IV) попал в плен к македонянам и был казнен. Закончилась двухсотдвадцатичетырехлетняя история могущественнейшей из древневосточных держав – империи Ахеменидов. Однако, традиция персидской государственности не исчезла полностью и повсеместно. Ее в той или иной степени продолжили три царства, созданные уцелевшими ахеменидскими вельможами в бурные годы борьбы за наследство Александра.

Первым из них стала Малая Мидия, чей сатрап Атропат после убийства в 321 году до н.э. своего зятя регента Пердикки отказался признавать новых правителей македонской державы[3].

Через пять лет, после очередного поворота междоусобицы преемников Александра независимости добился наместник Армении Ерванд (Оронт).

Основателем третьего царства, продолжившего ахеменидскую государственную традицию, стал Митридат, сын Митридата (родился около 335, умер в 266 г. до н.э.). Он происходил из древнего и знатного персидского рода: позднее утверждали даже, что Митридатиды были потомками Артабаза, младшего из сыновей Дария Великого[4], согласно более ранним и, вероятно, более достоверным сведениям, они происходили от одного из "семи персов", сообщников Дария в убийстве "мага Гауматы", скорее всего от Отана[5]. Впрочем, Митридат в любом случае был связан с Ахеменидами кровными узами: его мать была сестрой Дария III.

Дед этого Митридата, Ариобарзан с 387 года до н.э. занимал одну из важнейших административных должностей на западе Персидской державы – был сатрапом Фригии. Около 367 года до н.э. Ариобарзан вместе с наместником Каппадокии и Пафлагонии Датамом возглавил так называемый "великий мятеж" сатрапов против царя Артаксеркса II. Первоначально ему сопутствовал успех, но к концу 360-х годов до н.э. поражение бунтовщиков стало очевидным, и сын Ариобарзана Митридат (родился около 380 г. до н.э.) в 360 году выдал отца Артаксерксу, затем он же вероломно убил Датама[6]. По всей видимости за эти заслуги перед престолом Митридат получил расположенную в прежних владениях Датама, близ границы Каппадокии и Пафлагонии, сильную горную крепость Кимиаты с округой. В 337 году до н.э., за год до воцарения в Македонии Александра, Митридат унаследовал от старшего брата Ариобарзана город Киус на Пропонтиде (Мраморном море). После крушения персидской власти в Малой Азии он, хоть и был царским родственником, признал власть Александра и сохранил свои владения. К 302 году до н.э. Митридат-старший был сторонником повелителя малоазийских сатрапий Антигона, но так как положение последнего становилось шатким, переметнулся на сторону его врага Кассандра, за что был по приказу Антигона убит[7]. Его сына, тоже Митридата, предупредил об опасности сын Антигона

---

[2] *Arr. Anab.*,III,21-22; *Curt.,* V,13,13-25; *Diod.*,XVII,73; *Iust.*,XI,15; *Plut.Alex.*,43

[3] Название этого государства "Мад-и-Атурпаткан" (Мидия Атропатова), со временем изменившееся, сохранилось в современном названии "Азербайджан" (Атурпаткан – Адарбаган – Азербайджан)

[4] *Sall.Hist.*,fr.II,53

[5] *Aur.Vict. Vir.il.*,76,1; *Diod.*,XIX,40,2; *Polyb.*,V,33; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.17-37

[6] См.: Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы/ М., 1985. С.243-247; Olmstead A.T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948. Pp.411-422

[7] *Diod.*,XX,111,4

Деметрий Полиоркет, тот бежал и укрылся в Кимиатах. Позднейшая легенда повествовала, будто Антигону «приснился сон, что Митридат пожинает золотые колосья; он решил казнить Митридата и сказал об этом сыну своему Деметрию, взяв с него клятву молчать. Но тот взял Митридата с собою, повел на берег моря и там, гуляя, начертил острием копья: "Спасайся, Митридат!". Тот понял, бежал в Понт и царствовал там до самой смерти»[8].

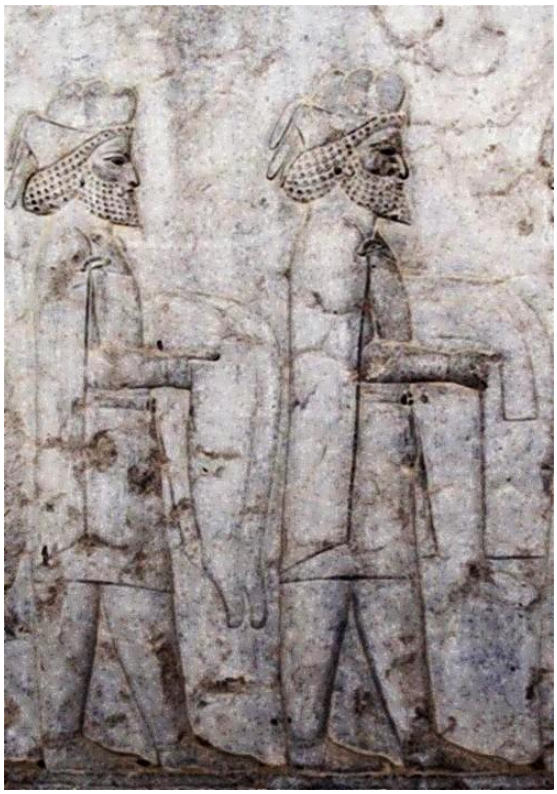


Рисунок 2. Каппадокийцы. Рельеф из Персеполя.

Митридат-сын, называемый Ктистом («Основателем»), после поражения Антигона при Ипсе в 301 г. до н.э. овладел приморскими областями Каппадокии, а в 281 г. до н.э., после разгрома и гибели Лисимаха, прибравшего к рукам малоазийские владения Антигона, провозгласил себя царем[9].

Рисунок 3. Фарнак I Понтийский. Монета.

До начала II в. до н.э. Понтийское царство играло второстепенную роль, находясь в тени своего могущественного соседа – царства Селевкидов, но после краха власти потомков

[8] *Plut.Reg.*,28,18; *Plut.Dem.*,4; App. Mithr.,9

[9] Молев Е.А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатидов // Вестник древней истории. 1983, №4. С.136-137; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С.27-28

Селевка к северу от Тавра и подчинения южнопричерноморских полисов стало приобретать все большее значение в международных делах. Фарнак I (185 - ок.170 г. до н.э.), вероломно захвативший в 183 г. до н.э. Синопу, за что приобрел репутацию «беззаконнейшего из царей», первым из Митридатидов предпринял попытку объединения под своей властью причерноморских земель, но в войне 183-179 гг. потерпел поражение от коалиции малоазийских государств, после чего отказался от завоеваний, во внешней политике избрав ориентацию на Рим[10]. Эту линию продолжили его преемники Митридат IV Филопатор Филадельф, «Любящий отца и сестру» (ок. 170 – ок. 150 гг. до н.э.)[11], отправивший посольство в Рим и получивший звание «друга и союзника римского народа»[12], и Митридат V Эвергет, «Благодетель» (ок. 150 – 121 гг. до н.э.), пославший в III Пуническую войну пять триер под стены Карфагена[13].

Рисунок 4. Щит с именем царя Фарнака. Музей Гетти, Лос-Анджелес.

Правящая династия считала права на царство унаследованными от персидского «царя великого, царя царей, царя многоплеменных стран, царя земли великой, далеко простирающейся». Эмблема иранских Ахеменидов – восьмилучевая звезда и полумесяц – была официальным символом царства. Вместе с тем, усвоив греческую ученость, Митридатиды объявили своим предком и эллинского героя Персея, которого античные знатоки мифов по созвучию имени считали родоначальником персидских царей[14]. Изображения Персея стали одним из излюбленных мотивов понтийского царского чекана. В целом, в течение III – II веков до н.э., особенно после включения в свой состав крупных греческих городов, Понтийское царство существенно изменило облик. Оно перестало быть обломком Ахеменидской державы, приблизившись по характеру к соседним эллинистическим

[10] Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // Вестник древней истории. 1949, №3. С.27-35; Сапрыкин С.Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // Вестник древней истории. 1979, №3. С.57-59; Его же. Понтийское царство. М,:1996. С.69-86

[11] О нем см.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.86-92

[12] IG,IV:987a; CIL, VI: 30922a. Статус «друга римского народа» (amicus populi Romani) предусматривал взаимное ненападение, право гостеприимства для носителя этого статуса и его послов в Риме и обязанность предоставлять гостеприимство римским гражданам и послам. Звание «союзника римского народа» (socius populi Romani) предполагало взаимное обязательство вооруженной помощи во время войн с третьими сторонами

[13] *App.Mithr.*,10; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.92-103

[14] *Apoll.*,II,4,5

монархиям Селевкидов и Атталидов. С последней трети III в до н.э. понтийские правители породнились с узким кругом связанных между собой кровными узами преемников Александра и диадохов: сначала Селевк II выдал за Митридата III свою сестру Лаодику, а затем его сын Антиох III женился на дочери Митридата III, тоже Лаодике.

Власть царя в Понте являлась абсолютной и неограниченной. Впрочем, согласно персидским представлениям о монархе, его обязанностью было обеспечение справедливости. Дарий I провозглашает в Накш-и-Рустамской надписи: «Для правдивого я друг, для несправедливого – я недруг. Не таково мое желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, но и не таково мое желание, чтобы сильный терпел несправедливость ради слабого. Мое желание – справедливость»[15].

Ближайшее окружения царя составляли «друзья» – институт, известный как персидскому, так и эллинистическим дворам. В «друзья» жаловались по царской воле, получая в качестве знаков отличия пурпурную одежду, золотую чашу и коня в золотой сбруе[16]. У Селевкидов, традиции которых в значительной степени унаследовали в Понте, «монарх обо всех серьезных обстоятельствах сообщал своим «друзьям» и не принимал никакого важного решения, не спросив их мнения»[17]. Совет «друзей» имел право присуждать к смерти[18]. Члены иерархии «друзей», «первых друзей», «почитаемых друзей», а также стоявшие в придворной табели о рангах ступенькой выше «совоспитанники» царя занимали главные должности при дворе и высшие посты в государственном управлении: «ведающий делами военного командования» (*τεταγμενος επι του δυναμεον*), «ведающий делами следствия» (*τεταγμενος επι τσν ανακρισεον*), «ведающий делами правосудия» (*ταχθεις επι της δικαιοδοσιας*), «ведающий тайными делами» (*τεταγμενος δε και επι του απορρετου*). Первые два поста при Митридате Эвпаторе совмещались с придворными должностями «начальника кинжала» (*ο επι του εγχειρισιου*, начальника охраны) и «главного врача» (*αρχιιατρος*)[19]. О финансовом ведомстве понтийских государей, тоже несомненно существовавшем, никаких сведений не дошло.

Понтийское царство, как и другие эллинистические государства, включало две части: территории, непосредственно подчиненные царю, и ассоциированные общины. Непосредственные подданные царя, платившие ему дань-форос и исполнявшие повинности в пользу государства, были распределены по сатрапиям, стратегиям или эпархиям. Т.Рейнак полагает, что приводимый Страбоном перечень понтийских областей соответствует этим единицам[20]. Управляли ими назначенные царем сатрапы, стратеги, эпархи и диойкеты[21]. Материальным воплощением господства царей над землями Понта были многочисленные крепости - фруры[22]. Например, дед по матери того же Страбона начальствовал не менее как над пятнадцатью крепостями[23]. Цари поддерживали обособленность гарнизонов крепостей от местного населения: согласно надписи из Газиуры внутрь крепости запрещалось входить без

---

[15] Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М.А.Коростовцева, И.С.Кацнельсона, В.И.Кузищина. Т. 2. М.,1980. С.37

[16] *Plut.Pomp.*,36

[17] Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С.47

[18] *App.Mithr.*,47

[19] Reinach Th. Mithridate Eupator, Roi du Pont. Paris, 1890. P.252-253, 458-459

[20] Ibidem. P.257

[21] Можно согласиться с мнением Б.Макгинга, что "искать здесь четкую и стандартизированную систему управления было бы ошибочным" (Макгинг Б. На рубеже. Культура и история Понтийского царства // Вестник древней истории. 1998,№3. С.110), вероятнее, что административные единицы с разным статусом, отраженным в разных названиях, сосуществовали в Понтийском царстве

[22] См.: Mitchell S. Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Vol. I . Oxford, 1993. P.84; Olshausen E. Der König und die Priester. Die Mithridatiden im Kampf um die Anerkennung ihrer Herrschaft in Pontos // Stuttgarter Kolloquium zur Hist. Geogr. Des Altertums. I.,1980. P.198f.

[23] *Strabo*, XII,3,33

разрешения командира гарнизона, нарушившего запрет раба подвергали бичеванию, а свободному оставалось "пенять на себя"[24].

Вероятно, что в Понте, как и в государстве Селевкидов, царь мог уступать своим приближенным доходы и определенные административные права в тех или иных непосредственно подчиненных ему общинах, хотя прямых данных об этом нет.

Рисунок 5. Понтийское царство.

Прибрежную часть царства к западу от Галиса населяли пафлагонцы, особый народ, который Геродот некогда описывал следующим образом: «Пафлагонцы шли в поход в плетеных шлемах, с маленькими щитами и небольшими копьями, кроме того, у них были еще дротики и кинжалы. Ноги у них были обуты в местные сапоги, доходившие до середины ноги»[25]. В центральной, большей части страны по правому берегу Галиса и в долине Ириса с притоками жили каппадокийцы или, как их называли греки, «белые сирийцы» (левкосиры)[26]. На юго-восточных границах царства в горах обитали отличавшиеся немалой экзотичностью моссинойки или гептакометы. Ксенофонт писал, что ему и его спутникам «показали разжиревших сыновей самых богатых моссинойков, откормленных вареными каштанами, изнеженных, бледных, почти таких же в толщину, как и в вышину, с грудью и спиной, разукрашенными наколотыми цветами. Моссинойки домогались гетер, которых привели греки, чтобы те совокуплялись с ними при всех: таков у моссинойков обычай. Все они, и мужчины, и женщины, белокожи. Все участники похода говорили, что моссинойки – из варваров варвары… На людях они делают то, что все прочие делают наедине, а оставшись одни, ведут себя так, как будто рядом кто-то есть: сами с собою разговаривают, смеются, останавливаются, где попало, и начинают плясать, словно другим напоказ»[27]. Три столетия спустя Страбон по-прежнему называет моссинойков превосходящими всех по дикости, и сообщает, что некоторые из них «живут даже на деревьях или в башнях… они питаются

[24] Макгинг Б.На рубеже … С.104
[25] *Herod.*,VII,72
[26] *Strabo*, XII,3,25; *Herod.*,VII,72
[27] *Xen.Anab.*,V,IV,30

звериным мясом и древесными плодами; они нападают также на путников, спрыгивая на них прямо из своих дощатых шалашей на деревьях»[28].

Рисунок 6. Амасья (древняя Амасия). Общий вид города.

К ассоциированным общинам Понтийского царства принадлежали полисы и святилища.

Полисы – самоуправляющиеся гражданские общины, захваченные понтийскими царями как Синопа, Амис, Трапезунд, Амастрия, Абонутейх, или вновь основанные как Амасия, Лаодикея, Фарнакия, Эвпаторий – также выплачивали царю форос, в них размещались царские гарнизоны во главе с фрурархами, но в то же время они сохраняли народное собрание, избирали некоторых должностных лиц, например, астиномов, ведавших благоустройством и надзиравших за мерами и весами, имели институт гражданства, известную автономию во внутренних делах, право чеканки бронзовой монеты, хоть и под контролем назначенных царем чиновников, им подчинялась сельская округа, правда, урезанная Митридатидами[29].

[28] *Strabo*, XII,3,18

[29] Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья: Синопа, Амис, Трапезунд. М.-Л., 1956. С.182-184; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.206-247

Рисунок 7. Амасья. Цитадель. Современный вид.

Важнейшим из этих греческих по культуре и населению городов была Синопа, единственная удобная природная гавань на южном побережье Черного моря и, по словам Страбона, «наиболее замечательный город в той части света»[30]. Древний географ описывает ее: «Синопа благоустроена от природы и стараниями людей: ведь она построена на перешейке полуострова; по обеим сторонам последнего расположены гавани, корабельные стоянки и замечательные заведения для засола пеламид… Самый город прекрасно укреплен стенами, а также украшен великолепными гимнасиями, рыночной площадью и портиками …»[31]. Здесь же находились царские дворцы, "пышно разукрашенные и переполненные всякими сокровищами"[32]. Основателем города синопейцы считали Автолика, одного из аргонавтов, которого почитали как бога и оракул которого имели в городе. Впрочем, согласно приводимому Плутархом мифу Синопа была основана гораздо раньше левкосирами, а "Автолик ... ходил с Гераклом из Фессалии в поход на амазонок, а отцом его был Деимах; когда он вместе с Демолеонтом и Флогием плыл назад, корабль его разбился возле Педалия на полуострове, однако сам он вместе с доспехами и товарищами спасся и отвоевал у сирийцев Синопу"[33].

В Синопе, помимо того, был знаменит храм Зевса Гадеса (Подземного) и Персефоны. По преданию в начале III в. до н.э. идол Зевса был перенесен в Александрию Египетскую и стал почитаться под именем Сараписа, Персефона же осталась в Синопе[34]. Из Синопы происходили знаменитый философ Диоген-киник (тот самый, что жил в глиняной бочке-пифосе и будто бы сказал Александру Великому: «Не заслоняй мне солнце»), комедиограф

---

[30] *Strabo*, XII,3,11

[31] *Strabo*, XII,3,11. Площадь античной Синопы составляла более 80 гектаров, что предполагает население около 40 тысяч человек. Современный турецкий Синоп так и не достиг размеров древнего города. По свидетельству очевидцев «античные облицовочные плиты еще хорошо видны в стенах. В разных районах города можно видеть барабаны и базы колонн, обломки кирпичей и посуды, даже пьедесталы статуй. Несколько колонн встроены в стены к югу от главной улицы, в крайней западной части города» (Хайнд Д. Памятники античных городов Южного Причерноморья // Советская археология. 1964, №3. С.177)

[32] *Cic.Man.*,VIII (21)

[33] *Plut. Luc.*,23; ср.: *App.Mithr.*,83

[34] *Tac. Hist.*,IV,83-84

Дифил и автор «Истории Персии» Батон. Во II в. до н.э. Синопа превратилась в крупнейший центр черноморской торговли. Находки синопейских клейм на керамике, обнаруженной в Северном Причерноморье, являются самыми многочисленными, их число превысило 10 тысяч [35]. Из Синопы вывозили вино, оливковое масло, глиняную посуду, черепицу, металлические изделия.

Рисунок 8. Синоп (древняя Синопа). Снимок из космоса.

Вторым по значению полисом Понтийского царства был расположенный в 150 километрах восточнее Амис (нынешний Самсун), важный центр обработки металла. Город замыкал единственный сухопутный путь от Средиземного моря к Понту Эвксинскому, его жители гордились происхождением от афинских колонистов, поселившихся здесь во времена Перикла.

Крупным городом была также старая столица понтийских царей Амасия. Страбон в самых восторженных выражениях пишет о своей родине: «Город лежит в глубоком большом ущелье, через которое течет река Ирис. Он удивительно благоустроен как искусными человеческими мероприятиями, так и самой природой, и сочетает одновременно преимущества города и крепости. Это высокая и со всех сторон обрывистая скала с крутым спуском к реке; с одной стороны ее идет стена по берегу реки, где построен город; на другой стороне стена поднимается по обеим сторонам к вершинам. Вершин две, они естественно соединены друг с другом и очень красиво поднимаются в виде башен. На этом пространстве расположены дворцы и гробницы царей… На скале внутри есть водохранилища, от которых нельзя отрезать, так как в скале вырублены два подземных канала: один – к реке, другой – к перешейку»[36]. Предместьями Амасии восторгался поэт Мариан Схоластик:

Да, хороша эта роща Эрота, где нежным дыханьем
Стройных деревьев листву тихо колышет зефир,
Где, освеженная влагой, цветами вся блещет поляна,
Радуя глаз красотой свитых с фиалками роз
И из тройных, друг над другом лежащих сосцов на поляну
Льет водяную струю нимфы-красавицы грудь.
Там под тенистою кущей деревьев течет седовласый
Ирис – там гамадриад пышноволосых приют.

[35] Античные государства Северного Причерноморья. М.,1984. С.180
[36] *Strabo*, XII,3,39

Раскопки обнаружили в Амасии пять царских гробниц, одна из которых осталась незаконченной[37].

Рисунок 9. Процессия в честь Кибелы. Блюдо из Парабьяго. Милан, Археологический музей.

В Понтийском царстве имелись автономные общины, сложившиеся вокруг почитаемых святилищ: Кибелы в Комане, Мена в Америи у Кабир, Анаиты, Омана и Анадата в Зеле[38], которые являлись одновременно крупными земле- и рабовладельцами[39]. Культ Мена (Мена Фарнакова) пользовался особым покровительством царей, «так что следующим образом произносили так называемую царскую клятву: “Клянусь удачей царя и Меном Фарнака”»[40]. Верховный жрец Команы «два раза в году при так называемых “выходах” богини … носил диадему, занимая второе место по достоинству после царя». Почитавшаяся в Комане храмовая статуя считалась тем самым священным идолом Артемиды Таврической, которому тавры приносили человеческие жертвы, и который похитил Орест[41] Сложившийся вокруг святилища Кибелы город был многолюден и являлся важным центром торговли с Арменией. «Во время “выходов” богини народ, мужчины и женщины, – писал очевидец – стекаются сюда отовсюду, из городов и из округи, справлять праздник. Некоторые по обету даже постоянно проживают здесь, принося жертвы богине. Обитатели города живут в роскоши, а все их земельные участки – под виноградниками. Множество женщин там торгует своим телом; большинство их посвящено богине»[42]. При Митридатидах автономия храмовых общин ослабела, царь назначал верховного жреца Команы из числа своих «друзей» и «совоспитанников».

---

[37] Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. С. 47

[38] Подробнее о них см.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.248-262. Команы отождествляются с нынешним селением Гюменик у Токата, Зела - с Зиле в том же вилайете Турции, Кабиры – с Нексаром

[39] *Strabo*, XII,3,31; 34

[40] *Strabo*, XII,3,31

[41] *Dio Cass.*, XXXVI,11,1

[42] *Strabo*,XII,3,36

Главным источником дохода понтийских царей был налог-форос. Кроме того, государство вероятно получало доходы с железных и серебряных рудников в Фарнакии, копей в Кабирах и на горе Сандаракургий в Пимолисене, «полой внутри вследствие рудокопных работ»[43], а также разработок каменной соли в Ксимене и Камисене[44]. Страбон сообщает, что пимолисенские рудники разрабатывались откупщиками, однако неясно, существовала ли такая практика при понтийских царях или была римским нововведением.

Прямых данных о размере поступлений в казну Митридатидов нет, но приблизительную оценку можно сделать на основании сообщения Плутарха о том, что доходы с завоеванных Помпеем земель, то есть Вифинии, Понта и Сирии с Киликией Равнинной, составили 35 миллионов драхм в год[45]. Если считать, что доходы с Сирии были равны поступлениям из приблизительно одинаковой по населению провинции Азия (15 миллионов драхм), а с Вифинии и Понта были равновеликими, годовой доход понтийских царей можно оценить приблизительно в 10 миллионов драхм или 1,7 тысячи талантов. Правда, созданная Помпеем провинция включала только часть прежнего Понтийского царства, так что средства, получаемые царями, могли быть и большими. Очевидным свидетельством финансовых возможностей Митридатидов является обильный, полновесный и высокопробный монетный чекан.

Основу экономики Понтийского царства составляло земледелие. Житницей страны была хорошо орошаемая равнина Темискиры, где кроме пшеницы выращивалось просо и сахарный тростник, и были развиты коневодство и разведение крупного рогатого скота[46]. «Плодородными» древние авторы называют также Газелонитиду, славившуюся кроме того тонкорунными овцами, Диакомену, Пимолисену и Сидену. Недалеко от Амасии на Ирисе находилась знаменитая в древности "Долина Тысячи Селений", Хилиокомум. Область у Синопы и Фанарея были богаты насаждениями маслин, та же Фанарея и район Команы – виноградниками. Синопская область кроме того была славна своими садами [47]. Небольшой город Керасунт между Фарнакией и Трапезундом прославился вишнями. Именно там их впервые встретили римляне, дав название «керасунтских плодов», cerasi [48] . Помимо земледелия и рудного дела, Понтийское царство было известно лесоразработками близ Амастрии, откуда происходило лучшего качества буковое дерево, и под Синопой, где рубили корабельный лес[49], а также морскими промыслами: выловом пеламиды в водах под Синопой и Фарнакией и добычей дельфинов[50].

Лежавшая на запад от Понтийского царства Вифиния (собственно, в древнегреческом произношении – Битиния) имела славу страны богатой, известной роскошью своих царей. Римские авторы пишут об их многолюдных пиршествах, пурпурных одеяниях и золотых ложах, будто бы прельстивших юного Гая Юлия Цезаря [51]. Основная часть населения и царствующая династия считали себя выходцами из Фракии. В то же время вифинским царям были подвластны многие эллинские полисы: Халкедон на Босфоре, Никомедия, служившая царской резиденцией, Прусиада-Киус и Апамея на побережье Пропонтиды (Мраморного моря), Пруса, Битиний и Никея – в глубине страны. Правда, крупнейшему греческому городу черноморского побережья Вифинии – Гераклее Понтийской, метрополии Херсонеса, удавалось сохранять независимость.

---

[43] Ibidem,XII,3,19; 30;40
[44] Ibidem,XII,3, 37;39
[45] *Plut.Pomp.*,XLV. Аттическая драхма (4,36 г серебра) составляла обычный дневной заработок квалифицированного работника
[46] *Strabo*,XII,3,15-16
[47] Ibidem, XII,3,11;12;13;30;35
[48] *Amm. Marc.*,XXII,8,16. Отсюда итальянское ciliega, французское cerise, испанское cereza, португальское cereja, немецкое Kirche, английское cherry, русское «черешня»
[49]*Strabo*, XII,3,10;13
[50] Ibidem, VII,6,2; XII,3,11;19
[51] *Suet. Div. Iul.*, 49,2-3

Значимость Вифинии определялась не только ее богатствами и городами: контролируя азиатский берег Босфора вифинский царь мог определять, будет ли Понт Эвксинский морем, или закрытым со всех сторон озером.

Горную местность между Вифинией и Понтом занимала Пафлагония, страна гористая, маленькая и бедная, населенная тем же народом, что и западная часть Понтийского царства. Она делилась на четыре области – Тимонитиду, Мармолитиду, Санисену и Потамию. Столицу Пафлагонии – Гангры – Страбон называет «маленьким городком»[52].

С юго-запада царство Митридатидов соседствовало с чрезвычайно своеобразным государственным образованием. Там, на землях древней Фригии с 70-х годов III в. до н.э. поселились выходцы из Западной Европы – галлы (или как их называли греки, галаты). Они подразделялись на три племени – трокмов, толистобогов и тектосагов (одноименное последним племя жило в европейской Галлии, в районе современной Тулузы), каждое из которых в свою очередь делилось на четыре части, управляемые тетрархами[53]. Римский историк писал о них: «… Воинской славой галлы превосходят все остальные народы Азии… Они высокого роста; их длинные, крашеные в рыжий цвет волосы, огромные щиты, непомерно длинные мечи, к тому же еще их боевые песни перед началом сражения, громкие выкрики, пляски, ужасающий звук оружия, который возникает от того, что они по обычаю особым образом стучат в щиты, – все это у них именно затем, чтобы внушить страх»[54]. Впрочем, поражения, понесенные в 188 г. до н.э. от римлян, сильно поумерили воинственность галатов, и во второй половине II в. до н.э. существенной роли в Малой Азии они уже не играли. Сама малоазийская Галатия, то отдаваемая пергамским царям, то делимая между правителями Вифинии и Понта, то объявляемая «свободной», стала разменной монетой в римских политических комбинациях на Востоке.

Южной соседкой Понтийского царства была занимавшая обширные пространства Каппадокия[55]. Во времена персидского владычества она составляла единое целое с будущим царством Митридатидов, большая часть населения обоих государств говорила на одном и том же языке[56]. Отрезанная от моря, по большей части гористая и засушливая Каппадокия в эллинистические времена считалась страной отсталой и бедной. В Риме даже бытовала поговорка:

«Много рабов у царя Каппадокии, а денег – мало»[57].

К концу II в. до н.э. в стране было всего два города: столица Эвсебия-Мазака и Эвсебия Таврическая в Тианитиде[58]. Впрочем, по сообщению Страбона, страна была богата хлебом и скотом всякой породы, в расположенной на Евфрате Мелитене выращивали оливки и виноград. В Каппадокии добывалась «синопская киноварь, лучшая из всех», имелись богатые месторождения горного хрусталя, оникса и слюды[59].

Царская власть в стране была слабой. В свое время римляне, заключая после победы над Антиохом III союзы с малоазийскими государствами, во всех остальных царствах союз заключали лично с царями, а в Каппадокии – с царем и «народом»[60]. Немалая часть господствовавших над горными долинами крепостей принадлежала «друзьям» царя, под чью

---

[52] *Strabo*,XII,3,41
[53] *Strabo*,XII,5,1
[54] *Liv.*,XXXVIII,17,2-5
[55] Согласно Страбону Каппадокия на рубеже н.э. делилась на 10 областей: Мелитена, Катаония, Киликия, Тианитида, Гарсавритида, Лавиансена, Саргаравсена, Саравена, Хаманена, Моримена (*Strabo*,XII,1,4)
[56] *Strabo*,XII,1,1
[57] *Horat.Epist.*,I,6,39
[58] *Strabo*, XII,2,7
[59] *Strabo*, XII,2,1;10
[60] *Strabo*, XII,2,11

защиту укрывалось в случае опасности население[61]. Кроме того, в Каппадокии имелось множество автономных святилищ, располагавших большими богатствами. Храму Энио-Ма в Комане Каппадокийской принадлежало 6 тысяч рабов, его верховный жрец был вторым лицом в государстве; храм Зевса в Венасах владел 3 тысячами рабов и землями, приносившими 15 талантов ежегодного дохода. Кроме того, источники упоминают святилища Зевса Дакиейского, Аполлона Катаонского в Дастарке, Артемиды Перасийской в Кастабалах[62]. Доходы каппадокийских святилищ и царских «друзей» несомненно влекли и понтийскую верхушку, но так как доступ к ним зависел от воли каппадокийского царя (он назначал верховных жрецов в храмы и определял состав «друзей»), чтобы получить их следовало подчинить Каппадокию.

С востока Понт граничил с Малой Арменией, страной, центром которой была долина Верхнего Евфрата, но занимавшей также часть побережья между Фарнакией и Трапезунтом[63]. Страбон называет ее «довольно плодородной»[64], хотя горы Париадра занимали значительную часть этого царства. Об этом государстве мало что известно. Тот же Страбон сообщает, что Малой Арменией «всегда правили местные властители, которые то сохраняли союзные отношения с остальными армянами, то были независимы от них»[65].

Однако, даже установить с достоверностью имена правителей этого царства во II в. до н.э. не представляется возможным. Полибий упоминает царя Митридата, который был союзником Фарнака Понтийского во время захвата Синопы и получил за это Трапезунт[66]. Вероятно около того же времени цари Малой Армении установили свою власть над халибами и тибаренами[67]. Халибы (халды) заселяли область от восточной границы Понта у Фарнакии и далее на юго-восток склоны Понтийских гор вплоть до реки Гарпас (Чорох). Они считались у греков первыми, кто начал обрабатывать железо[68].
Анаит-Афродита из Сагалы.

Ксенофонт в начале IV в. до н.э. характеризовал халибов как «самый воинственный народ из всех». Он писал: «панцыри у халибов льняные и доходят до низа живота, вместо чешуек – туго сплетенные веревки. Носят они поножи, и шлемы, и у пояса – мечи, кривые, вроде спартанских, которыми добивают тех, кого удалось одолеть, и отрезают головы, а потом уносят их с собой. И каждый раз, когда враги могут их видеть, они начинают петь и плясать. Есть у них и пики в двенадцать локтей с одним жалом… Жилища их укреплены…»[69]. К северу от халибов, на побережье от Фарнакии до Трапезунда располагались земли тибаренов. Еще восточнее, между Тибаренией и Колхидой жили макроны (санны), носившие в бою рубахи из волоса и плетеные щиты[70].

О Колхиде II в. до н.э. известно очень немного. Ее описывают как страну, богатую зерном, железом и товарами, необходимыми для кораблестроения: лесом, льном, пенькой и смолой[71]. Центральная власть здесь была слабой – Страбон пишет, что «цари … владели страной, разделенной на владения “скиптроносцев”, но благополучие их было невелико»[72]. До нас дошло лишь одно имя колхидского правителя II в. до н.э. – согласно Плинию: «В Колхиде царствовал Ээтов потомок Савлак, который добыл … огромное количество золота и серебра

---

[61] Ibidem,XII,2,9
[62] Ibidem,XII,2,3
[63] Малая Армения делилась на четыре области: Орбалисена, Этуиана, Орсена и Орбисена (Reinach Th. Op.cit. P.257)
[64] *Strabo*, XII,3,28
[65] Ibidem
[66] *Polyb.*,XXV,2
[67] *Strabo*, XII,3,28
[68] См.: *Amm. Marc.*, XXII, 8,21
[69] *Xen.Anab.*,IV,7,15-17
[70] *Xen. Anab.*,IV,8,3
[71] *Strabo*,XI,2,17; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.,1985. С.51-52
[72] *Strabo*,XI,2,18

в земле племени сванов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудами»[73]. В Колхиде, как и в Каппадокии и Понте, существовали храмовые общины, такие как святилище богини, которую Страбон отождествляет с греческой Левкотеей, раскопанное в Вани, у слияния рек Сулори и Риони. Важную роль играли торговые порты: греческая Диоскуриада и местный Фасис. Согласно Страбону в Диоскуриаду собирались на торг 70 народов[74]. С III в. до н.э. в колхидской внешней торговле господствующее положение заняла Синопа, хотя связи поддерживались также с Эгейским бассейном[75].

Рисунок 10. Монета Савлака Колхидского.

На берегах Керченского пролива под скипетром династии Спартокидов сложилось Боспорское царство, включавшее кроме двух десятков эллинских городов и городков земли местных племен: синдов, дандаров, керкетов, меотов. По северному и западному побережью Черного моря были рассеяны греческие города-государства, сохранявшие демократическое устройство: Херсонес в Крыму, Ольвия на Бугском лимане и Тира на Днестровском, Томы (Констанца), Каллатия (Мангалия), Одесс (Варна), Месембрия (Несебр), Аполлония (Созополь), Византий на Боспоре Фракийском.

По размерам и численности населения северопонтийские города существенно уступали средиземноморским и малоазийским. Лишь площадь боспорской столицы Пантикапея и Ольвии достигала 50-60 гектаров, у остальных она была значительно меньшей (в Херсонесе, скажем, – чуть более 30 гектаров)[76]. Соответственно население Херсонеса составляло 10-15 тысяч человек[77], Ольвии и Пантикапея – по 20-30 тысяч. Пантикапейские верфи были рассчитаны всего на 30 кораблей (для сравнения, афинские верфи в Пирее могли вместить 400 кораблей, карфагенские – 200 кораблей)[78].

Для античных государств Северного Причерноморья II в. до н.э. был не самым благоприятным временем. Северопричерноморский хлебный экспорт, который двумя столетиями ранее только для Боспора составлял до 800 тысяч медимнов (42 млн. литров) в

---

[73] *Plin.Hist.Nat.,* XXXIII,52. Ю.Н.Воронов считает Савлака правителем сванов, а не колхов [Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. М.,1980. С.74], но это мнение недостаточно аргументировано. Интересно отметить, что имя колхидского правителя – западноиранское (ср. осетинское *сау*- – «черный»)
[74] Ibidem, XI,2,18
[75] Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. С.52
[76] Давня історія України. У двох книгах / П.П.Толочко та інш. Кн.1. К.,1994. С.183,231
[77] Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. К.,1993. С.18
[78] *Strabo*, VII,4,4; Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.,2001. С.269

год[79] и приносил до 4 миллионов драхм, не выдержал конкуренции с египетским, а в дальнейшем и с североафриканским зерном. Во внешней торговле северопонтийских городов на первое место выходят скот, кожи, рыба, рабы[80]. Полибий писал в середине II в. до н.э.: «Прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно превосходнейших; из предметов роскоши они же доставляют нам в изобилии мед, воск и соленую рыбу»[81]. Однако, это не могло восполнить потерю греческого зернового рынка. В Боспорском царстве в III в. до н.э. наблюдается тяжелый монетарный кризис: чеканка золотой и серебряной монеты полностью прекращается, а денежный рынок заполняется обесцененной и деградировавшей пантикапейской медью. Аналогичная картина наблюдается в Херсонесе: после выпуска около 180 г. до н.э. монет из низкопробного серебра и уменьшенного почти вполовину по сравнению с обычным веса, серебряный чекан в городе приостанавливается[82].

Рисунок 11. Перисад IV, царь Боспора (150-125 до н.э.)

В связи с упадком Балканской Греции – прежнего главного торгового партнера – меняется и география внешнеэкономических связей Северного Причерноморья. Во II в. до н.э. на первое место среди них выдвигается Синопа, значительным является импорт из Гераклеи и Амиса. Боспорская медная монета второй половины II века чеканится из понтийской меди, поступавшей через Амис[83]. По мнению Е.А.Молева во II в. до н.э. сложился единый черноморский рынок, поглощавший абсолютное большинство товарной продукции, производимой приморскими городами, и позволявший торговым обменом развивать все (или почти все) отрасли хозяйства причерноморских областей[84]. Из-за пределов Понта Эвксинского

[79] Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С.499
[80] Там же. С.182
[81] *Polyb.*,V,38
[82] Античные государства Северного Причерноморья. С.15; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса IV в. до н.э. – XIII в. н.э. К.,1977. С.41; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С.297
[83] Карышковский П.О. Еще раз о книге А.Н.Зографа "Античные монеты" // Вестник древней истории. 1953, №1. С.108-109
[84] Молев Е.А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. Саратов,1976. С.57

значительные количества вина ввозились через тогдашний главный центр восточносредиземноморской торговли – Родос, хотя по численности родосские керамические клейма уступают синопским[85].

Экономические сложности были усугублены изменением расстановки сил в северопричерноморской степи.

В конце III в. до н.э. сарматы вытеснили скифов с днепровского Левобережья, а в первой половине II в. до н.э. в низовьях Дуная и Прута появляются германские или кельтские племена бастарнов и певкинов. От прежней Великой Скифии осталась небольшая территория на приморской равнине к югу от устья Дуная (нынешняя Добруджа) да земли между нижним Днепром и Азовским морем со степным Крымом.

К середине II в. до н.э. Скифское царство в Крыму и Приазовье оправилось после поражений, понесенных от сарматов, и начало активное наступление на приморские греческие города. В немалой степени это было связано с тем, что, потеряв угодья для выпаса скота, скифы стали переходить к земледелию и старались захватить территории, уже освоенные греками. В середине II в. до н.э. скифами были захвачены херсонесские владения в северо-западном Крыму, включая Керкинитиду и Прекрасную Гавань. В те же годы под власть скифского царя Скилура попала Ольвия, в городе от его имени чеканилась монета. Наконец, в последние десятилетия II в. до н.э. скифы стали угрожать непосредственно Херсонесу[86]. Обстоятельства заставляли причерноморских эллинов искать защиты и поддержки на стороне.

Рисунок 12. Скилур и Палак. Рельеф из Неаполя Скифского (слепок, оригинал утрачен).

В Черноморском бассейне к концу II в. до н.э. сложились экономические и политические предпосылки объединения. На роль его центра претендовало наиболее сильное на тот момент из местных государств – царство понтийских Митридатидов. Однако, черноморская торговля и экономика были неотъемлемой частью торговли и экономики общесредиземноморской.

---

[85] Античные государства Северного Причерноморья. С.181-182

[86] Там же. С. 12, 55-56; Зубарь В.М. Ук.соч. С.29-30

Между тем, с конца III в. до н.э. основной линией политических событий в Средиземноморье стало превращение Рима в его гегемона, а затем и в хозяина. К 120 г. до н.э. «республика римского народа», насчитывавшего около 400 тысяч граждан (по цензу 135 г. до н.э. – 370,9 тысяч, по цензу 128 г. до н.э. – 390,7 тысяч, по цензу 114 г. до н.э. – 394,3 тысячи[87]) распоряжалась территорией примерно 1,4 миллиона квадратных километров от Гибралтара до Босфора.

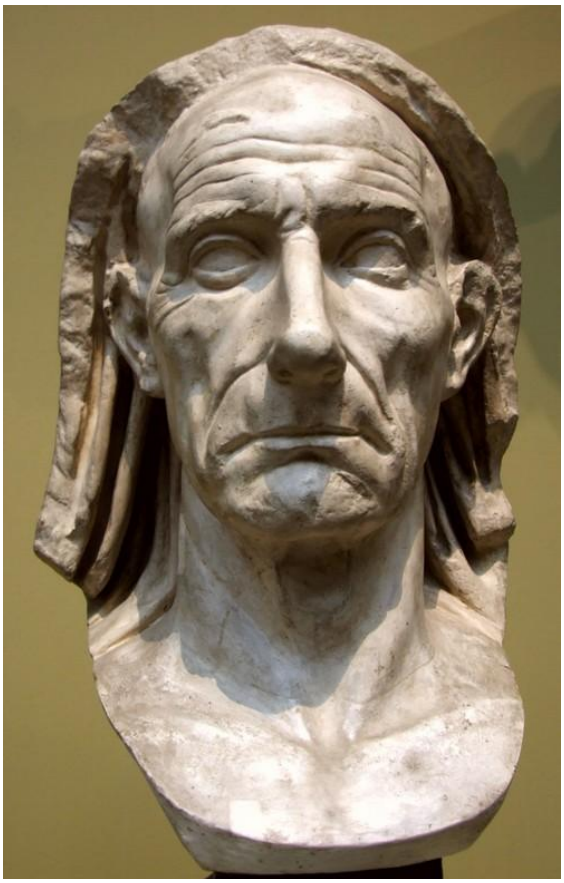


Рисунок 13. Знатный римлянин в уборе понтифика ("Старец Кьярамонти"). Музей Кьярамонти, Ватикан.

Рим стал объединительным центром в первую очередь потому, что обладал наиболее совершенной военной машиной античности, выкованной в ходе борьбы за Италию и Пунических войн. «Воинская доблесть, – заявлял Цицерон, – возвысила имя римского народа. Это она овеяла наш город вечной славой, это она весь мир подчинила нашей державе»[88].

Система гражданского ополчения обеспечивала Рим огромными и очень быстро восстанавливаемыми войсковыми ресурсами. В начале II Пунической войны римляне обладали армией в 70,2 тысячи человек[89], большая часть которой погибла в битвах 218-217 гг. Но уже в 216 г. до н.э. под Каннами у них опять было 87 или даже 92 тысячи человек[90]. Это войско тоже было почти полностью уничтожено противником, однако к 205 г. до н.э. Рим смог выставить для экспедиции в Африку 35 тысяч человек, не считая сил, действовавших в других местах. В 103 г. до н.э. при Аравзионе в битве с кимврами и тевтонами римляне потеряли 84 тысячи человек[91], а в следующем году при Аквах Секстиевых Гай Марий вновь имел войско в 35-40 тысяч человек, при том, что Рим должен был одновременно подавлять восстание рабов на Сицилии.

---

[87] *Liv.Per.*, 56;60;63
[88] *Cic.Pro Mur.*,22
[89] *Liv.*,XI,17,5-9
[90] *Plut.Fab.*,14; *Polyb.*,III,107,9-12; Кораблев И.Ш. Ганнибал. М.,1981. С.118
[91] *Liv.Per.*,67

Экономической основой могущества «республики квиритов» была доведенная до совершенства эксплуатация рабского труда. В позднереспубликанском Риме его применение стало всеохватывающим: рабами были от рудокопов и пастухов до управляющих имениями. В 136 г. до н.э. только в части Сицилии в казармах-эргастулах содержалось не менее 60 тысяч рабов[92]. Можно морально осуждать рабство, но именно рационализированная варроновская вилла освободила римского гражданина для мирозавоевательных походов.

Рисунок 14. Римский патриций с портретами предков ("Тогатус Барберини"). Рим, Палаццо Консерваторе.

Превращению Рима в политический центр Средиземноморья немало способствовала чрезвычайно гибкая политика в отношении покоренных. Тит Ливий с видимым удовольствием сообщает, что после обращения Македонии и Иллирии в провинции дань римскому народу в них была установлена в половину той, что прежде платили царям[93].

Рим, сложившийся как община разноплеменных изгнанников, был изначально и по сути своей терпим к иным народам и открыт инокультурным влияниям. Мы не очень над этим задумываемся, но «просвещенная» часть римского общества Поздней Республики была двуязычной: и Цезарь, и Помпей, и Цицерон, и даже Катон Утический в равной мере владели

[92] *Flor.*,III,19
[93] *Liv.*,XLV,18,6-7

и латынью, и греческим. Плутарх как о курьезе говорит о том, что Гай Марий «ни в одном серьезном деле не пользовался греческим языком»[94].

Наконец, власть Рима несла с собою порядок, основанный на выработанном гражданской общиной законе, который в общем и целом был менее тягостным, чем непредсказуемость царственного произвола наследников Александра.

Римский порядок осуществляли и поддерживали народное собрание, магистраты и сенат.

Народное собрание (комиции), собиравшееся в зависимости от решаемых вопросов по 30 родовым куриям, 35 территориальным трибам или 193 имущественным центуриям, принимало законы, избирало магистратов и назначало наместников в так называемые «преторские» провинции. В идеале оно охватывало всех граждан-мужчин, но когда их число достигло сотен тысяч, созыв комиций в полном составе оказался практически невозможным, и на деле римское народное собрание выступало как своего рода заменитель с более или менее случайным составом.

Власть осуществляли магистраты, выборные должностные лица. К обычным магистратам относились ежегодно избираемые два консула, которые имели полномочия созывать комиции и сенат, ведали внутренним управлением, комплектовали войско и командовали им; шесть (с конца 80-х годов – восемь) преторов, вершивших суд, наблюдавших за общественным порядком и замещавших консулов в случае их отсутствия в Риме; десять народных трибунов, исполнявших контрольные функции; два эдила, управлявших городским хозяйством, и восемь (с конца 80-х годов – двадцать) квесторов, ведавших казной. Консулы и преторы обладали империем – полной и неделимой властью, включавшей в себя право ауспиций (определения благоприятной или неблагоприятной воли богов), набора войск, созыва народного собрания, принуждения и наказания, а за пределами городской черты Рима – также командования войсками и распоряжения жизнью и смертью других лиц. Империй предоставлялся, кроме консулов и преторов, также назначаемым в провинции наместникам и, в чрезвычайном порядке, полководцам, получавшим главнокомандование на войне. Отправление обязанностей магистрата не оплачивалось, наоборот, было связано с большими расходами, поэтому исполнять их могли только весьма небедные люди. К концу II в. до н.э. высшие магистратуры стали достоянием ограниченного круга знатных семейств: в течение десятилетия 140-130 г г. до н.э. консулами три раза избирались Кальпурнии Писоны и два – Фульвии Флакки, за двадцать лет со 127 по 107г г. до н.э. консульские должности трижды получали Кассии Лонгины, за четверть века между 123 и 98 г г. до н.э. консулат семь раз принадлежал Цецилиям Метеллам и дважды их свойственнику Марку Эмилию Скавру.

Исполнившие свои обязанности магистраты пополняли сенат, состав которого насчитывал до 81 г. до н.э. 300 человек, а после этого – 600 человек, хотя реальное число сенаторов было меньшим (например, в 57 г. до н.э. в сенате голосовало 417 человек). Список сенаторов составляли цензоры, избиравшиеся каждые пять лет на полтора года. Сенат располагал законодательной властью, практически равной власти народного собрания, и принимал решения по всем важнейшим вопросам, в том числе назначал наместников в «консульские» провинции.

Огромное значение в Риме имели клиентские связи, возникавшие из отношений покровительства и помощи богатых и могущественных членов общины нуждавшимся и требовавшим поддержки. Такая помощь и покровительство порождали у клиента обязательства поддерживать патрона, вплоть до насильственного отстаивания его интересов. При этом во времена Поздней Республики клиентами тех или иных римских деятелей были уже не только частные лица, но и целые общины. Наличие многочисленной клиентелы в римской политической жизни имело не меньшее значение, чем богатство или военные успехи. Саллюстий писал, что для римской знати – нобилей "защитой ... служили древнее

[94] *Plut. Mar.*,2

происхождение, подвиги предков, влияние родичей и свойственников, многочисленные клиентелы"[95].

С расширением Римской державы внутри сообщества квиритов происходила глубокая и болезненная перестройка. Хлынувший из завоеванных земель поток богатств и рабов разрушил прежнее относительное имущественное равенство граждан. Неизвестный римский историк (возможно это был Азиний Поллион или Кремуций Корд), которого излагают Аппиан и Плутарх, почти современным нам слогом пишет о происходящем: «Богатые, захватив себе большую часть неразделенной на участки земли, с течением времени пришли к уверенности, что никто никогда ее у них не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежавших им земель небольшие участки бедняков богатеи отчасти скупали за деньги, отчасти отбирали силою. Таким образом богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах…

Рисунок 15. Жертвоприношение в знатной римской семье. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр.

При этом богатеи пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов… Все это приводило к чрезмерному обогащению богатых, а вместе с тем к увеличению в стране числа рабов. Напротив, число италийцев уменьшалось…»[96]. Италию раскололо противостояние крестьянства, сгоняемого с земли, и рабовладельцев, занимавших ее под виллы и латифундии. Очень скоро и среди римских политиков определилось два направления или, скорее, два типа деятелей, которым позже дал знаменитую характеристику Цицерон: "Среди наших граждан было два рода людей, стремившихся участвовать в государственной деятельности и играть в государстве выдающуюся роль: одни из этих людей хотели и считаться и быть популярами, другие – оптиматами. Те, кто хотел, чтобы их поступки и высказывания были приятны толпе, считались популярами, а те, кто действовал так, чтобы их решения находили одобрение у всех честнейших людей, считались оптиматами"[97].

Несмотря на попытки приостановить обезземеливание мелких сельских хозяев, римское общество быстро расслаивалось на олигархическую верхушку, в которой то соперничали, то сотрудничали землевладельцы-сенаторы и оседлавшие финансовые обороты римские всадники (сенаторам запрещалось заниматься торговлей и ростовщичеством), и массу деклассированных люмпенов. «Огромное количество разоренных людей так и не могло найти себе постоянной работы. В италийских городах, и прежде всего в Риме, они заполняли кварталы, влача полуголодное существование. Они ничем не брезгали в поисках случайного

[95] *Sall.Iug.*,85,4
[96] *App.Bell.Civ.*,I,7
[97] *Cic.Pro. Sest.*, 96

заработка: лжесвидетельскими показаниями в судах, продажей своих голосов на выборах, доносами, воровством. Они жили на счет общества, на те жалкие крохи, которые перепадали им во время государственных раздач, триумфов победоносных полководцев или от щедрот римских политических деятелей…» [98]. Впрочем, большую часть городского плебса паразитический способ жизни вполне устраивал, возникла своеобразная экономическая система, когда имущая верхушка делилась с обездоленными низами частью богатства, созданного трудом рабов либо награбленного в завоеванных странах. В таких условиях народное собрание превращалось в фикцию. Располагавший средствами политик всегда имел возможность купить нужное число голосов, чтобы провести желаемое решение. "Лица, домогающиеся должностей, сидели на площади со своими столиками с деньгами и бесстыдно подкупали чернь, – приводит Плутарх слова современника событий, – а нанятый народ приходил в Собрание, чтобы бороться за того, кто дал ему денег, – бороться не с помощью голосования, а луками, пращами и мечами"[99]. Упомянутый уже римский историк гражданских войн с нескрываемым ехидством пишет о сенатских республиканцах: «… Им приходилось рассчитывать на два друг другу противоположных настроения, то есть, чтобы окружающие их любили свободу и, одновременно, служили их интересам за плату»[100].

Не имевший средств к существованию пролетарий и в войске мог служить лишь постольку, поскольку ему за это платили[101]. Когда в конце II в. до н.э. Гай Марий открыл доступ к военной службе неимущим, армия менее чем за десятилетие сделалась профессиональной и полностью преданной своему полководцу, который обеспечивал выплату жалованья, распределял добычу и наделял землей вышедших в отставку ветеранов.

Совершенно непригодной старая римская политическая система оказалась для управления провинциями: очень скоро стало очевидным, что краеугольные принципы сдержек и противовесов, принятые в Риме – коллективность магистратур, их кратковременность и сложные процедуры взаимного контроля – совершенно не подходят для поддержания власти римлян в отдаленных, чужих и по больше части враждебных странах. Там наместник по необходимости выступал как единодержавный правитель.

Таким образом, с конца II в. до н.э. в Риме неизмеримо возросло значение отдельных лиц, имевших влияние на народное собрание, командование войсками и власть в провинциях (обычно все это соединялось и поддерживало одно другое), несовместимое с коллективными началами республики.

После 133 года до н.э. противостояние возглавленных вождями нового поколения враждующих группировок вылилось в открытую вооруженную борьбу. «Часто пускались в ход кинжалы, и то одно, то другое должностное лицо в промежутках между волнениями находило свою смерть либо в храмах, либо в народном собрании, либо на форуме. Все время, за исключением коротких промежутков, царила беззастенчивая наглость, полное пренебрежение к законам и праву. Зло росло все больше и больше; происходили открытые покушения на существующий государственный строй, великие вооруженные насилия против отечества со стороны лиц изгнанных, или осужденных, или соперничающих между собой из-за какой-либо должности… Лишь только одной партии удавалось овладеть Римом, другая начинала войну – на словах против бунтовщиков, на деле же против родины»[102]. В чем все соперничающие в Риме силы сходились – так это в необходимости дальнейшего ограбления провинций.

Особое значение в системе позднереспубликанской римской державы имели восточные владения: Македония, греческие союзные города и особенно присоединенная в

---

[98] Утченко С.Л. Цицерон и его время / Издание второе. М., 1986.С.47

[99] *Plut.Caes.*,28

[100] *App.Bell.Civ.*,II,120

[101] В позднереспубликанский период годовое жалование рядового легионера составляло 120 денариев, Цезарь увеличил его до 225 денариев (Покровский М.М. Военное дело у римлян во времена Цезаря // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Том I. М.,1991. С.19). Республиканский денарий (4,55 г серебра, после 91 г. до н.э. – 3,98 г) считался равным 16 ассам.

[102] *App.Bell.Civ.*,I,2

133-129 гг. до н.э. провинция Азия (бывшее Пергамское царство, старинные области Мисия, Лидия, Кария и Фригия). Поступления в государственную казну Рима от десятины, пастбищных сборов, портовых сборов (два с половиной процента стоимости ввозимых и вывозимых товаров) и сборов за аренду государственных земель (бывших владений пергамских царей) в Азии в первой половине I в. до н.э. составляли 15 миллионов денариев или треть доходов Римского государства[103]. Македония в это же время платила 600 тысяч драхм в год[104], остальные провинции Римской республики – около 35 миллионов драхм[105]. «Податей, получаемых в других провинциях, – подчеркивал Цицерон в народном собрании,– едва хватает на оборону самих провинций. Азия же так богата и так плодородна, что и тучностью своих полей, и разнообразием своих плодов, и обширностью своих пастбищ, и обилием всех предметов вывоза намного превосходит все другие страны»[106]. Еще большее значение Азия, в силу введенной здесь по Семпрониеву закону 123 г. до н.э. откупной системы взимания налогов, имела для римских финансистов – откупщиков-публиканов и ростовщиков-аргентариев. «Весь кредит, все денежные операции, производимые здесь, на форуме, – отмечал превосходно разбиравшийся в римской финансовой кухне Цицерон, – стоят в тесной связи с денежными оборотами в Азии; крушение последних силою того же удара расшатает и здешние состояния» [107]. Кроме того, опираясь на Азию, римские ростовщики распространили свои операции на соседние царства, прежде всего на Вифинию. Отличались они крайним хищничеством, и сами римляне не питали ни малейших иллюзий по поводу моральных качеств своих торговцев и финансистов. Гораций писал:

А коль для тебя добродетель–
Слово пустое и в роще священной дрова только видишь,
В гавани ты обретайся, чтоб ценный товар азиатский
В руки другим не попал[108].

Хотя близкие римлянам деятели получали освобождение от налогов, а местные должностные лица, которым поручалось ведение внутренней торговли [109], и местные ростовщики, благодаря увеличению спроса на кредит, даже получали долю дохода, в целом римское господство и деятельность римских публиканов, сопровождавшееся массовым захватом имущества должников, продажей в рабство их и членов их семей в первые десятилетия привели к ухудшению положения широких слоев местного населения. "Трудно выразить словами, – говорил Цицерон, обращаясь к согражданам, – как чужеземные народы ненавидят нас за распущенность и несправедливость тех людей, которых мы в течение последнего времени к ним посылали облеченными властью"[110]..

Что это была не только риторическая фигура свидетельствует подробно освещенная в письме «красноречивейшего из внуков Ромула» к другу Аттику история, в которой он сам оказался замешанным. «Благороднейший» Юний Брут через неких Марка Скантия и Публия Матиния ссудил крупную сумму городу Саламину на Кипре под грабительский и запрещенный римским законом процент в 48 годовых. Когда саламинцы отказались платить, Скантий получил от наместника Киликии Анния несколько конных отрядов и запер саламинских старейшин в здании, где заседал совет, пока пятеро из них не умерли от голода. Сменивший Анния Цицерон отобрал у Скантия конницу, однако, памятуя, чьи были деньги,

---

[103] Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.,1951. С.33
[104] *Plut.Aem.Paul.*, 28
[105] Неясно, правда, идет ли речь в сообщении Плутарха (Plut.Pomp., 45) действительно об аттических драхмах, или он просто перевел греческим δραχμα латинское denarius.
[106] *Cic. Man.*,VI (14)
[107] Ibidem,VII,19
[108] *Horat.,Epist.*,I,6,31-33
[109] См.: Cic. Ad Quint.frat.,I,1,11
[110] *Cic.Man.*,XXII (65)

«уступил бесстыдной просьбе этого человека и подтвердил сумму долга, исходя из сорока восьми процентов годовых»[111].

За счет разграбления провинций обогащалась в первую очередь верхушка римской олигархии. «… Все достояние целых народов перешло в руки нескольких человек …, – беспокоился Цицерон, – Афины, Пергам, Кизик, Милет, Хиос, Самос, словом, вся Азия, Ахайя, Греция, Сицилия заключены в столь немногих усадьбах»[112]. «Цари и свободные народы, - вторил ему Саллюстий, – платят дань нескольким знатным людям»[113]. Однако, живой интерес к грабежу покоренных земель проявляли и более широкие круги квиритов. Восточные провинции для римлян конца II – I вв. до н.э. были чем-то вроде позднейших американских колоний для испанцев или Индии для англичан: не только богатеи, но и неимущие старались поправить там дела. Даже великий поэт Валерий Катулл в свите претора Меммия отправился для этого на Восток. О своей поездке он поведал с предельной откровенностью:

Сели, стали болтать. Зашла беседа
Про Вифинию, – как, мол, там живется
И как много нажить сумел я денег.
Отвечал я как есть: что возвратились
Все ни с чем, как один, начальству даже
И тому не пришлось принарядиться,
Да и претор – свинья: свои же люди,
А ни на волос к ним вниманья[114].

Впрочем, товарищ Катулла Гай Цинна даже в таком неудачном путешествии раздобыл себе «шестерых верзил здоровых» для носилок.

Удачливый Гай Корнелий Веррес за три года своего наместничества (73 - 71 до н.э.) ограбил Сицилию на 40 миллионов сестерциев[115] (около 10 миллионов драхм); это был, конечно, из ряда вон выходящий случай, но дело в том, что подобных верресов, пусть чуть менее наглых, было немало.

При таких обстоятельствах надежды на лучшее будущее стали связываться у жителей Азии с освобождением от римского господства, а всякое крупное государство, находящееся возле ее границ, начинало представлять для римлян опасность. Объединительные процессы неотвратимо влекли два центра – общесредиземноморский и региональный – к столкновению.

---

[111] *Cic.Ad Att.*,V,21; VI,1,2
[112] *Cic. Verr.,* V, XLVIII, (126-127)
[113] *Sall.Iug.*,31,9
[114] *Catul.Carm.*,X
[115] *Cic.Verr.*,I,XVIII (56)

НАЧАЛО

Некрасивые, прозаические и жестокие лица … с чертами, отмеченными какой-то неприятной плотоядностью, … сменяют лучащиеся идеальной красотой изображения юного Митридата …, гордо вскинувшего голову в венце развевающихся длинных кудрей

О.Я.Неверов

Митридат Эвпатор родился в 134 г. до н.э.[116] в Синопе и был долгожданным мальчиком в семье имевшего к тому времени нескольких дочерей царя Митридата Эвергета.

Мать новорожденного происходила из рода Селевкидов[117], потомков македонянина Селевка Никатора, наиболее удачливого и могущественного из наследников Александра[118]. За сто с небольшим лет до рождения Митридата они правили гигантской державой от Дарданелл до Сыр-Дарьи, но к последней трети II в. до н.э. это ослабленное междоусобицами и поражениями в войнах с римлянами и парфянами царство сократилось до Сирии с соседними Финикией и Киликией.

Рисунок 16. Митридат Эвергет.

Предполагаемый дед Митридата Эвпатора, Антиох Эпифан[119], снискал славу странного правителя: «… Названный Эпифаном («Явленным») и потом за беспутное поведение

[116] Убедительные доводы в пользу этой даты приводит С.Ю.Сапрыкин (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.С.123-125)

[117] *Iust.*, XXXVIII,7,1

[118] Сохранились сведения, неизвестно, насколько достоверные, о том, что Селевкиды состояли в родстве с Аргеадами, македонским царским родом, к которому принадлежал Александр Великий (*Liban.Orat.*,XI,91)

[119] Гипотеза о том, что мать Митридата Эвпатора, тождественна Лаодике, дочери Антиоха Эпифана, была выдвинута в свое время Т.Рейнаком (Reinach Th.Op.cit.C.50-51). До настоящего времени не установлено данных, которые бы подтверждали либо опровергали это предположение. Она могла быть также дочерью Деметрия I (162 – 150 гг. до н.э.), сестрой Деметрия II (145 – 141, 129 – 126 гг. до н.э.) и Антиоха VII (137 – 129 гг. до н.э.). В сравнении с трагической историей этой семьи блекнет любая театральная драма и любой роман: Деметрий I, отправленный дядей в качестве заложника в Рим, бежавший оттуда и вступивший на престол через труп малолетнего двоюродного брата, в конце концов погиб в битве с самозванцем

переименованный в Эпимана («Полоумного»), – писал его младший современник Полибий, – Антиох … иногда … скрывался из дворца и бродил там и сям по городу на виду у всех … Он заводил знакомства и разговоры с первым встречным и бражничал с беднейшими из чужеземцев…», «и настолько переменчив он был в своем образе жизни, что ни сам о себе, ни другие о нем не могли сказать, что он за человек. С друзьями он не заговаривал, а едва знакомым дружески улыбался, … людям, весьма почтенным, полным самоуважения, дарил, как детям, игрушки и сласти, а других, ничего от него не ждавших, делал богачами. Поэтому иным казалось, что он не знает и сам, чего хочет, иным, что он просто шутник, а иным – что он впрямь не в своем уме. Однако в двух важных и достойнейших делах дух его был поистине царственным – в дарах городам и в почитании богов… Также и пышностью зрелищ он превзошел всех прежних царей»[120].

Матери Митридата, если она действительно тождественна Лаодике, дочери Эпифана, довелось совсем девочкой пережить убийство брата, Антиоха Эвпатора, затем – двенадцатилетнее изгнание и возвращение, волею судьбы и римского сената, в Антиохию вместе с самозваным «братом» Александром Балой, который где-то во время своего непродолжительного царствования (150-145 гг. до н.э.) выдал ее замуж за понтийского союзника[121].

Рисунок 17. Митридат Эвпатор – юноша. Тетрадрахма.

Митридат родился при свете кометы, в течение семидесяти дней закрывавшей полнеба, в отблесках молний, одна из которых ударила в колыбель младенца и обожгла ему лоб[122]. Впоследствии изображения этой кометы как знака сверхчеловеческой природы рожденного в

Александром Балой, приверженцами которого была убита и его жена Лаодика; Деметрий II, свергнувший Балу, был затем изгнан из Сирии узурпатором Трифоном, пережил двенадцатилетний плен у парфян, две попытки побега, возвращение, мятеж еще одного самозванца, и, наконец, принял мученическую смерть от убийц, подосланных женой, Клеопатрой Теей; Антиох VII, отвоевавший царство у Трифона, после блестящих побед в Иудее и Месопотамии, пал в неравном бою с парфянами. Никто из них не дожил до сорока лет.

[120] *Polyb.*,XXXVI; *Liv.,*XLI,20

[121] *Polyb.*,XXXIII,18,6-15; *Iust.*,XXXV,1,6-8

[122] *Iust.*,XXXVII,2,1-3; *Plut. Symp.*,I,624. Дж. Форзерингем относит появление кометы к 134 и 120 гг. до н.э. (Fortherinham J. The New Star of Hipparchos and the Dates of Birth and Accession of Mithridate // MNRAS. 1919, Vol.19, Jan. P.10). Дж.Финеган обнаружил сообщения об этой комете, появлявшейся в 134/133 и 120 гг. до н.э., в китайских источниках (Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С.81)

ее лучах царя чеканились на понтийских монетах: на одних изображена полумесяц-комета, от которой тянется хвост, перекрывающий Солнце, на другой – комета и конь[123].

Год рождения Митридата Эвпатора был знаменателен не только грозами и кометой. Несколько месяцев спустя умер, согласно официальной версии «от солнечного удара», правитель самого большого и богатого из малоазийских государств – пергамский царь Аттал III Филометор («Матерелюбивый»), по словам современного историка «странная и мрачная фигура», чьими любимейшими занятиями были лепка из воска, литье из бронзы, строительство мавзолея своей матери, а более всего – выращивание ядовитых растений и изготовление из них отрав, которые он испытывал на родственниках и приближенных. "Перестав заниматься делами правления, – писал древний историк, – он стал вскапывать грядки, высевать на них семена разных растений, ядовитые вперемежку с неядовитыми, и все это, напоенное ядовитым соком, посылал своим друзьям как особый дар"[124]. Аттал оставил завещание, которым передавал свои владения Риму[125]. Подлинность завещания оспаривалась, многие считали его "нечестивой подделкой"[126]. Оглашение документа послужило толчком к возглавленному побочным братом умершего Аристоником восстанию, в котором в сложный клубок сплелись династическая борьба, война за независимость и движение рабов и неполноправного населения Пергама против старых и новых угнетателей за создание государства равных. «Аристоник, – пишет Страбон, – считал себя потомком царского рода и стремился захватить царскую власть. После поражения, нанесенного Аристонику эфесцами в морской битве у берегов Кимы, он бежал из Смирны, затем направился вглубь страны и быстро собрал толпы бедняков и рабов, привлеченных обещаниями свободы, назвав их “гражданами Государства Солнца”»[127]. Движение приобрело такой размах, что в одиночку римлянам справиться с ним не удалось – в плен к повстанцам попал и погиб консул и великий понтифик Красс Муциан – и они обратились за помощью к царям Вифинии, Пафлагонии, Каппадокии и Понта[128]. Митридат Эвергет принял самое энергичное участие в войне и после победы над Аристоником в 129 г. получил большую часть Великой Фригии, некогда переданной Селевком II прадеду Эвергета в приданое за сестрой (протекторат над Галатией он вероятно приобрел раньше)[129].

Сочтя свои заслуги перед Римом достаточными, чтобы рассчитывать на благоприятное отношение сената, понтийский царь начал вести более активную внешнюю политику: он добился от пафлагонского царя объявления себя наследником престола[130], вмешался во внутреннюю борьбу в Каппадокии, где вдова погибшего в войне с Аристоником Ариарата V Эвсеба Лаодика перебила пятерых сыновей и узурпировала власть, а затем сама была "убита народом за жестокость". Митридат V сверг Лаодику и отдал трон оставшемуся в живых сыну Ариарата Эвсеба Ариарату VI Эпифану Филопатору, за которого выдал старшую дочь[131].

Вскоре, однако, бурная внешнеполитическая деятельность Митридата Эвергета была прервана. Вождь римского плебса Гай Гракх, стремясь нанести удар по своим политическим противникам в сенате, среди которых был и консул 129 г. до н.э. Маний Аквилий (старший), заявил, что тот отдал Фригию понтийскому царю за взятку, и в 123 г. провел в комициях закон об аннулировании договоров Аквилия с царями; Великая Фригия провозглашалась «свободной»[132]. Понтийский царь не собирался уступать добровольно. Надпись с текстом

---

[123] Голенко К.В. Понтийская анонимная медь // Вестник древней истории.1969, №1. С.141-142, 154; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.124
[124] *Iust.*,XXXVI,4, 3-5
[125] *App.Mithr.*,62; Idem. *Bell.Civ.*,V,4; *Flor.*,I,35; *Iust.*,XXXVI,4,6; *Liv.Per.*,58,59; *Plut. Tib. Gracch.*,14
[126] См.: *Sall.Orat.*, VI,8
[127] *Strabo*,XIV,1,38
[128] Ibidem; *Flor.*, XXXV; *Oros.*,V,10
[129] *Iust.*,XXXVII,1,2; Моммзен Т. История Рима. Том 2.М.,1937, примеч.1
[130] *Iust.*,XXXVIII, 5,4
[131] *App.Mithr.*,10; *Iust.*,XXXVII,1,3-5; *Strabo*, XIV,3,41
[132] App.Bell.Civ.,I,22; *App.Mithr.*,57; *Cic. Pro Flacco*,98; Idem. *De orat.* II,124,188,194-196; *Liv. Per.*,70

сенатского постановления из Синнады говорит, что Митридат "не хотел уступать власть над Фригией, ссылаясь на то, что его предки владели ею, а потому он правил ею законно"[133]; вероятно, готовясь к войне, он послал Дорилая Тактика для вербовки наемников на Крит[134]. Однако, в разгар кризиса, в 121 г. до н.э Митридат V был «изменнически убит в Синопе друзьями, составившими против него вероломный заговор»[135]. На престол взошла его вдова с двумя сыновьями: старшим – Митридатом Эвпатором («Славный отцом») и младшим – Митридатом Хрестом («Благой»). Она безропотно подчинилась римским требованиям. В 120/119 г. до н.э. Фригия была отторгнута от Понтийского царства, а еще через три года присоединена к провинции Азия[136].

Вдова Митридата Эвергета, кажется, не только во внешней политике отошла от направления мужа: она, возможно, покинула Синопу и стала строить новую столицу близ озера Стефани в Фаземонитиде. Некоторые деятели, близкие к Эвергету, сочли новую власть небезопасной для себя, например, Дорилай Тактик решил не возвращаться на родину[137].

Следующие семь лет являются самым темным периодом в жизни Митридата. Через некоторое время после вступления на престол некие не названные по именам опекуны начинают злоумышлять против малолетнего царя. Помпей Трог передает легендарного характера сведения о том, что "они сажали Митридата на необъезженного коня, заставляли ездить на нем и в то ж время метать дротики. Когда эти попытки ни к чему не привели, так как Митридат был не по возрасту искусен в верховой езде, то они попытались его отравить.

Но Митридат, опасаясь отравы, постоянно принимал противоядия и ... надежно сумел предохранить себя от этих покушений..."[138]. В конце концов тринадцатилетний[139] мальчик бежит из дворца[140]. Помпей Трог сообщает, что юный царь в течение семи лет скрывался от опекунов в лесах и горах[141], но, как справедливо заметил А.И.Немировский, «горы и дикие звери перекочевали в вымышленную историю Митридата из ходячих легенд о юности Кира, Ромула и других основателей великих государств… Этому противоречит всесторонняя образованность Митридата, знание им двадцати двух языков, глубокое понимание им греческого искусства»[142]. Сам А.Немировский, полагает, что содержащееся в знаменитом херсонесском декрете в честь Диофанта выражение «Перисада, выкормившего его», относится к Митридату Эвпатору, следовательно, по крайней мере некоторое время он провел на Боспоре[143].

---

[133] Drew-Bear Th. Three Senatus Consulta Concerning the Province of Asia // Historia: 1972, Vol.21.P.79-85
[134] *Strabo*,X,4,10
[135] Ibidem
[136] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.С.126
[137] *Strabo*, X,4,10; XII,3,33
[138] *Iust.*,XXXVII,2,4-6
[139] У Мемнона (*Memn.*,30,2) записано, что Митридат воцарился тринадцатилетним. Однако Страбон, несомненно, лучше знакомый с понтийскими делами, пишет, что Митридат Эвпатор унаследовал власть в возрасте одиннадцати лет (*Strabo*,X,4,10). Можно допустить, что Мемнон или излагающий его Фотий при сокращении источника указали для восшествия Митридата на трон его возраст во время какого-то другого важного события, по всей вероятности, бегства из дворца
[140] С.Ю.Сапрыкин полагает, что история бегства Митридата нашла отражение на любопытных бронзовых монетах, где изображена шапка Персея или Персей с чертами Митридата Эвпатора в шапке. Эта шапка, согласно мифу, делала невидимым, символизируя таким образом спасение царя от заговорщиков (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.С.121,126). Другой постоянный мифологический образ на монетах Митридата Эвпатора – пьющий Пегас, крылатый конь на котором герой Беллерофонт победил олицетворявшее зло чудовище Химеру, очевидно символизировавший победу царя над какими-то "силами зла"
[141] *Iust.*,XXXVII,2,7-9
[142] Немировский А.И. Пурпур и яд. М., 1973.С. 276
[143] Немировский А.И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды. Тбилиси,1978. С.66-70. Эту же точку зрения поддерживает С.Ю. Сапрыкин (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.С.142-144) Е.А.Молев предполагает, что юный изгнанник нашел убежище при дворе царя Малой

Обстоятельства возвращения Митридата Эвпатора на престол тоже весьма неясны. Мемнон очень кратко и невнятно сообщает, что Митридат, «бросив в тюрьму, мать, оставленную ему отцом соправительницей царства, убил насилием и продолжительностью [заключения]»[144]. Произошло это около 116 г. до н.э. По персидскому обычаю молодой царь женился на своей сестре Лаодике[145]. Младший брат, Митридат Хрест упоминается вместе с Эвпатором на делосских посвящениях, датируемых 116/115 и 115/114 гг. до н.э., хотя без царского титула[146]. Однако, еще до 112 г. до н.э. начавший взрослеть Хрест был убит по приказу старшего брата[147].

Рисунок 18. Митридат Эвпатор в молодости. Тетрадрахма.

В семьях наследников Александра тягчайшие преступления против близких родственников были явлением скорее обычным, чем чрезвычайным. К ним подталкивала сама политическая система эллинистических царств. Строй деспотической монархии практически не предполагал иных возможностей изменения политического курса, кроме физической смены властителя. Острота мадам де Сталь по поводу убийства Павла I: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою» – целиком приложима к царствам македонян на Востоке. С другой стороны, власть над завоеванными, «копьем взятыми» землями и городами рассматривалась, как по сути не отличающаяся от прочего имущества определенного лица и потому бесспорно наследуемая его родственниками. Соответственно круг лиц, имевших общепризнанное право притязать на государственную власть, ограничивался членами царского рода. При этом в мире, жившем по правилу: «Всегда справедливо то, что постановлено царем»[148] – царское достоинство, будучи приобретенным, делало законными любые способы его достижения. А

Армении Антипатра, сына Сисина (Молев Е.А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. С.19-20; Его же. Малая Армения и Митридат Евпатор // Проблемы античной истории и культуры. I. Ереван, 1979.С.185-189)

[144] *Memn.*,30,2

[145] *Iust.*,XXXVII,3,6

[146] OGIS: 368; 369

[147] *App. Mithr.*,112; *Memn.*,30,2

[148] Этот афоризм приписывается Селевку Никатору (*App.Syr.*,61; *Plut.Dem.*,38)

категорического нравственного запрета: «Не убий!» – дохристианская античность просто не знала. Потому достаточно было возникнуть противоборству политических направлений внутри государства, как оно выливалось в ожесточенную внутридинастическую борьбу. Последние десятилетия II века до н.э. отмечены чередой кровавых злодеяний в семьях родственных Митридату Селевкидов и Лагидов. Около 130 г. до н.э. египетский царь Птолемей VIII, прозванный «Фисконом» (Пузаном), враждуя с сестрой и супругой своей Клеопатрой II, которую поддерживали александрийцы, «вызвал из Кирены старшего сына и убил его, чтобы жители Александрии не признали этого сына царем в противовес ему… После этого народ сбросил статуи Птолемея и уничтожил его изображения. Полагая, что это сделано по наущению сестры, он убил и того сына, которого имел от нее, а труп убитого приказал рассечь на куски, сложить в ящик и поднести матери в день ее рождения во время пира»[149]. Через девять лет племянница Птолемея Фискона сирийская царица Клеопатра Тея, умертвив перед тем мужа и старшего сына, замыслила устранить и младшего, Антиоха Грипа, опасаясь его самостоятельности. «Когда Грип возвращался с военных учений, [мать] поднесла ему кубок с ядом. Грип, предупрежденный доносчиком, якобы из уважения к ней стал убеждать ее выпить этот кубок самой. Она отказалась это сделать, он стал настаивать. Наконец, вызвав доносчика на очную ставку, он обвинил ее и сказал, что она может только одним способом защитить себя от обвинения в этом преступлении – выпить то, что поднесла сыну. Так побежденная царица … погибла от яда, приготовленного ею для другого…»[150]. Пять лет спустя в Сирии разгорелась война двух сводных братьев, сыновей Клеопатры Теи от разных отцов: Антиоха Грипа и Антиоха Кизикена, женатых на сестрах, дочерях Птолемея Фискона. «Грип начал осаду Антиохии, в которой находилась жена Кизикийца Клеопатра… После взятия Антиохии жена Грипа Трифена приказала прежде всего отыскать сестру свою Клеопатру, но не для того, чтобы оказать пленнице помощь, но чтобы не смогла избежать всех несчастий, связанных с пленом, та, что вышла замуж в Сирийское царство главным образом из-за соперничества с нею, Трифеной. Явившись к супругу, она потребовала … казнить Клеопатру… Грип … просил, чтобы она не принуждала его совершать столь гнусное преступление, заклиная ее детьми, племянниками Клеопатры, но чем больше Грип говорил, тем более Трифена распалялась женским упрямством, полагая, что Грип говорит так не из милосердия, а из любви. Поэтому она сама вызвала воинов и послала их заколоть сестру. Когда воины вошли в храм, они не могли оттащить Клеопатру от статуи богини, которую она обняла, и отрубили ей руки…»[151]. В 101 г. до н.э. правившая в Египте вдова и племянница Птолемея Фискона Клеопатра III пала от рук своего сына, Птолемея X Александра. Среди этой вакханалии самоистребления Митридат Эвпатор вовсе не выглядит преступным чудовищем. Тем более – он защищался.

Можно предположить, что установлению полновластия Митридата способствовали греческие города: молодой царь немедля вернул столицу в Синопу. По крайней мере только так можно понимать слова Страбона, что "царь окружил город исключительным почетом и даже сделал столицей своего царства"[152]. Вероятно, еще большее, чем синопейцы, участие в возвращении Митридата Эвпатора к власти приняли амисенцы, составившие его ближайшее окружение: из шести известных нам высших сановников государства 102/101 г. до н.э. четверо были уроженцами Амиса[153]. В благодарность Митридат "украсил его храмами и заложил еще часть его"[154], названную Эвпаторием, там же был построен царский дворец[155]. При Митридате VI Амис занял преобладающее положение в выпуске понтийской медной монеты, приносившем немалый доход: в пяти найденных на территории Понтийского царства кладах с монетами 85-65 годов около 78 процентов приходится на монеты, битые в Амисе, 10

[149] *Iust.*, XXXVIII,8,12-13
[150] *Iust.*, XXXIX,2,7-8
[151] *Iust.*, XXXIX,3,6-11
[152] *Strabo*, XII,3,11
[153] Максимова М.И. Ук.соч. С.205
[154] *Strabo*, XII,3,14
[155] *App.Mithr.*,78; Cic. Man.,VIII (21)

процентов – на синопейские и около 9 процентов – на амастрийские, и это не принимая во внимание огромного (более 2 тысяч монет) клада из Баш-Кей, целиком состоящего из амисского чекана[156].

Более того Амис получил право чеканить серебряные драхмы и триоболы – случай, не имеющий аналогий в монетном деле Понта[157]. Одновременно право чеканить медную монету получили многие другие понтийские города: если до Митридата VI бронзовый чекан известен у пяти из них, то в его правление – у тринадцати[158]. Наконец, Митридат расширил права полисов в распоряжении землей: им был принят закон о наследовании, в соответствии с которым земельные участки горожан, не оставивших признаваемых законом наследников, переходили к общине, а не забирались в казну как ранее[159].

Во внешней политике молодой царь сразу же избрал курс на активное вмешательство в дела соседей. Первую пробу сил Митридат предпринял в Каппадокии. Там Ариарат VI Эпифан Филопатор был убит неким Гордием, бежавшим затем в Понт; Помпей Трог пишет, что за Гордием стоял Митридат VI[160]. Так это или нет, но понтийский царь вмешался в каппадокийские распри и установил в Мазаке регентство своей сестры Лаодики, матери малолетнего Ариарата VII Филометора.

Рисунок 19. Скифский всадник. Рельеф из Неаполя Скифского (утрачен).

[156] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 180
[157] Там же. С.131-132
[158] Голенко К.В. Понтийская анонимная медь.С.134
[159] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.211-216. Упоминание об этом законе содержится в надписи из Горгиппии времен царя Аспурга (10 - 37 гг. н.э.)
[160] *Iust.*,XXXVIII,1,1. Т.Рейнак относит гибель Ариарата VI к 111 г. до н.э. (Reinach Th.Op.cit.P.90-91). Однако, монеты Ариарата VI чеканились в течение 15 лет, монеты Ариарата VII – 16 лет, при этом последний погиб около 100 года до н.э. Следовательно, Ариарат VI царствовал около 130-116, а Ариарат VII – около 116-100 годов до н.э.

Между тем, в Северном Причерноморье местные греки едва сдерживали натиск варваров – скифов и сарматов.

Скифы, хоть и утратили былое могущество, оставались воинственным народом, сохранявшим обычаи, некогда шокировавшие Геродота: «Повергнув первого неприятеля, скиф пьет его кровь, и сколько ни убьет их в сражении, головы всех относит к царю, и принесший голову участвует в захваченной добыче, не принесший же не участвует. С тех голов он снимает кожу, а потом, очистив от мяса бычьим ребром, мнет в руках, и когда она станет мягкою, употребляет ее вместо утиральника, вешает на узде лошади, на которой ездит, и тщеславится ею. У кого же таковых кожаных утиральников наиболее, тот и почитается наихрабрейшим. А из содранных кож многие делают себе накидки, сшивая их наподобие кожуха, иные же, содрав кожу с правых рук убитых неприятелей вместе с ногтями, делают из них чехлы для колчанов… А раз в год каждый правитель округа для своего округа растворяет полную чашу вина, которую пьют все, кто убивал врагов на войне, а кому того не случилось, то вина не пьют, но сидят без всякой почести, что означает у них великое бесчестье»[161].

Рисунок 20. Перисад V. Монета Боспора.

Оказавшиеся более удачливыми сарматы, родственные скифам по культуре и языку, были беднее и сохраняли больше древних черт в общественном устройстве. В отличие от скифов у них так и не сложилось единого государства. Впрочем, они во многом походили на скифов. Аммиан Марцеллин в своем знаменитом описании одного из сарматских племен, алан, сообщает: «Аланы высокого роста и красивы лицом, волосы у них русые, взгляд, если не свиреп, то грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения… Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых»[162].

К началу самостоятельного правления Митридата Эвпатора сарматы взимали все увеличивающуюся дань с Боспора, а правитель крымского Скифского царства Скилур, союзный пантикапейским Спартокидам (дочь Скилура Сенамотис была выдана замуж за боспорского царевича Гераклида [163]) установил протекторат над Ольвией и отнял у херсонеситов владения на Тарханкутском полуострове с Керкинитидой и Прекрасной

[161] *Herod.*,IV,64-65
[162] *Amm.Marc.*,XXXI,2,21-22
[163] Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // Вестник древней истории. 1987,№1.С.55-66

Гаванью[164]. Унаследовавший Скилуру Палак, один из то ли пятидесяти, то ли восьмидесяти сыновей скифского царя, стал угрожать самому Херсонесу.

Тогда херсонеситы, с которыми Понт был связан союзным договором со времен Фарнака I, обратились за помощью к его внуку.

Предварительные переговоры от имени царя вел некий сын Кефалы из Амиса, а когда положение города стало критическим, Митридат послал в Таврику Диофанта, сына Асклепиодора, синопейца (возможно, это упоминаемый античными писателями автор «Истории Понта» [165]), который был ревностным сторонником вмешательства в северопричерноморские дела, «постоянно направляя царя на все прекрасное и доброе» по словам известного херсонесского декрета[166].

Прибыв по весне 113 г. до н.э. морем в Херсонес, Диофант на кораблях переправился скифам в тыл, и в 15 стадиях (около трех километров) от Херсонеса (вероятно в районе современной Южной бухты Севастополя) основал укрепление Эвпаторий и опорный пункт на мысу над гаванью Ктенунт. Укрепление понтийцы отгородили от остальной суши стеной и рвом, а чтобы получать помощь и припасы, соединили по морю насыпью с Эвпаторием. Скифы попытались захватить опорный пункт Диофанта и принялись заваливать ров хворостом, но «царские воины ночью сжигали возведенную днем часть моста и выдерживали вражеский натиск, пока не одолели»[167]. В дальнейшем скифы по всей видимости отошли от Эвпатория, но когда Диофант с войском вышел за стены укрепления, «Палак внезапно напал с большим полчищем на Диофанта; тот, бывши тем самым вынужден выстроить войско в боевой порядок, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и таким образом устроил так, что Митридат Эвпатор первым водрузил над ними трофей»[168].

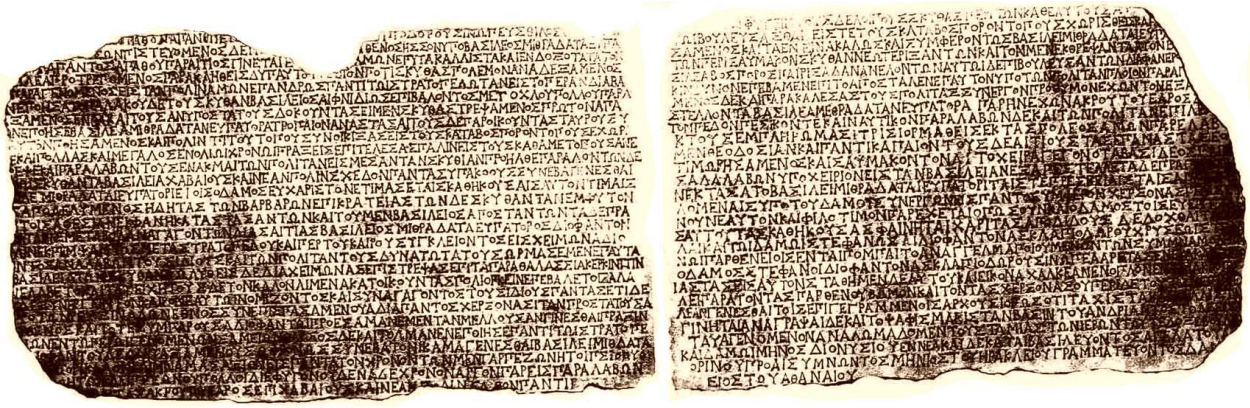


Рисунок 21. Херсонесский декрет в честь Диофанта. Эрмитаж, Санкт-Петербург.

После этого Диофант подчинил живших в горах юго-западного Крыма тавров, а затем отправился в Пантикапей, вероятно с тем, чтобы заручиться нейтралитетом Боспора. Это ему по всей видимости удалось, так как херсонесский декрет сообщает , что Диофант «там в короткое время совершил много великих дел». Летом 113 г. до н.э. понтийский полководец совместно с херсонеситами совершил поход в центр Крыма. Палак ушел в степи, скифские города Хабеи (вероятно нынешнее городище Кермен-Кир[169]) и Неаполь (район современного

---

[164] Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.,1978.С.131-134; Зубарь В.М. Ук.соч. С.29-30

[165] Кроме того, согласно некоторым толкованиям декрета в его честь из Херсонеса он был воспитанником боспорского царя Перисада V (Казакевич Э.Л. К полемике о восстании Савмака // Вестник древней истории. 1963, №1.С.57-70)

[166] Согласно традиционной хронологии, предложенной Т.Рейнаком, война со скифами датируется 110-107 годами до н.э. Однако, хронология событий в Малой Азии предполагает, что крымские походы закончились до 109 года до н.э. (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.С.135)

[167] *Strabo*, VII,4,7

[168] IosPE,I^2: 352; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л.,1953.С. 95

[169] Давня історія України. Кн.1.С.141

Симферополя) подчинились понтийскому полководцу. После этого Диофант, отмеченный в Херсонесе «приличествующими почестями», возвратился в Синопу[170].

Вероятно одновременно с Херсонесом власть Митридата Эвпатора признала Ольвия. В городе был размещен гарнизон воинов - "арменийцев"[171], но так как в Ольвии не оказалось достаточно продовольствия, чтобы прокормить солдат, Митридат должен был срочно отправить в город провизию из Амиса[172].

Палак, между тем, не отказался от борьбы. Осенью 112 г. до н.э. он «изменил положение вещей», вернув себе царство. Диофанту пришлось, несмотря на сезон штормов, вновь отплыть в Херсонес, имея при себе не менее 6 тысяч воинов, в том числе лучников из Малой Армении[173]. Согласно изложению херсонесского декрета «Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и самых сильных из граждан, двинулся против наиболее укрепленных пунктов скифов, но, будучи задержан непогодой, поворотил в приморские местности, захватил Керкинитиду, Укрепления и приступил к осаде жителей Прекрасной Гавани»[174]. При взятии одной из этих крепостей, отличился некий Аристоник, в честь которого и херсонесской городской богини Девы была вырезана надпись[175]. Под стенами Калос Лимен на понтийцев напали соединенные силы Палака и его союзника, царя сарматского племени роксоланов[176] Тасия, насчитывавшие около 50 тысяч человек[177]. Несмотря на численное превосходство, кочевники потерпели полное поражение: «Диофант сделал разумный план боя, и вышло так, что была победа для Митридата Эвпатора, прекрасная и достопамятная на все времена; из пехоты почти никто не спасся, из конницы немногие спаслись бегством».

Склонный к философским обобщениям Посидоний рассматривал эту битву как пример превосходства правильного военного строя над нерегулярным. «Любая варварская народность, – передает его слова Страбон, – и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае роксоланы числом около пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата Эвпатора, и были большей частью уничтожены»[178]. В начале весны 111 г. до н.э. Диофант вновь взял Хабеи и Неаполь. Над крымскими скифами был установлен понтийский протекторат.

Военные победы Диофанта увенчал дипломатический успех: «Диофант отправился в боспорские местности и устроил тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Эвпатора».

Данная херсонеситами оценка ни на каплю не была лестью: в результате переговоров, которые понтийский полководец летом 111 г. до н.э. провел в Пантикапее, последний царь Боспора из дома Спартокидов Перисад V назначил Митридата Эвпатора своим наследником[179].

---

[170] Молев Е.А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. С.30-33

[171] По мнению одних исследователей речь идет о жителях Армены, предместья Синопы, по мнению других – о воинах из Малой Армении

[172] IosPE,I^2: 35. Чествуемый, чье имя стерлось, «сын Филократа, амисенец, кормчий, назначенный доставить царское довольствие арменийцам, переселенным царем Митридатом Эвпатором, бросив якорь под Синопой, постарался взять наших послов и помощь, присланную царем народу, и… снявшись с якоря, едва смог, будучи в открытом море, одолеть разнообразные ветры и противные течения».

[173] Известна эпитафия токсарха Айхмона, сына Зарея – командира отряда армянских лучников, павшего во время походов Диофанта и погребенного херсонеситами (IosPE,I^2: 579).

[174] IosPE,I^2: 352; Жебелев С.А. Северное Причерноморье.С.98

[175] Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С.28-29

[176] В тексте херсонесского декрета названы «ревксиналы» (*τῶν Ρευξιναλῶν εθνος*), по всей вероятности это вариант этнонима «роксоланы»

[177] *Strabo*, VII,3,17

[178] Ibidem.

[179] Ibidem, VII,4,4; *Iust.*,XXXVIII,7,10. Страбон пишет, что «Перисад передал власть Митридату», однако, навряд ли следует понимать как отречение от власти: в таком случае дальнейшее убийство Перисада было бы бессмысленным

Перспектива оказаться под властью понтийского царя не у всех в Пантикапее вызвала воодушевление. В 111 г. до н.э. власть на Боспоре захватил некий Савмак, скиф, убивший Перисада. Диофант спасся бегством на херсонесском корабле. Декрет в его честь рассказывает о происшедшем: «Скифы с Савмаком во главе произвели переворот и убили Перисада …, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на приготовленное гражданами судно и, прибыв, призвал на помощь граждан»[180].

Вокруг характера выступления Савмака было много споров. Мнение С.А.Жебелева и его сторонников, что это было восстание эксплуатируемых масс, в частности, рабов[181], не может быть принято, так как основывается на произвольном толковании текста декрета в честь Диофанта. Наиболее обоснованной представляется точка зрения, что речь идет о мятеже скифских наемников во главе с неудачливым претендентом на диадему[182].

Весной 110 г. до н.э. Диофант с прибывшими из Понта войсками и отрядом херсонеситов овладел главными опорными пунктами мятежников – Пантикапеем и Феодосией. В боспорской столице Диофанту было оказано ожесточенное сопротивление. Во время взятия города пострадали укрепления цитадели, крупные общественные здания, в частности пантикапейский пританей (официальная резиденция главы городского совета) и целые кварталы жилых домов, массовые разрушения жилищ, относящиеся к тому же времени, обнаружены археологами в центральном районе соседнего Мирмекия[183]. Савмак был взят в плен и отправлен к Митридату, его дальнейшая судьба неизвестна[184].

Через непродолжительное время после подчинения Боспора в союз с Митридатом вступил правитель фракийского племени бессов Мостис[185].

После того как на рубеже II и I веков до н.э. зависимыми союзниками Митридата VI стали города северо-западного Понта: Истрия, Томы и Каллатис [186] – формирование Черноморской державы в основном завершилось.

Положение новоприобретенных земель в государстве Митридата было различным. Боспор, в котором он утвердился как наследник Спартокидов, управлялся наместником из числа царских сыновей и возможно даже с царским титулом[187] и выплачивал форос в 180 тысяч медимнов (9,45 миллионов литров) зерна и 200 талантов (1,2 миллиона драхм) серебра ежегодно [188] . Тем не менее, в Пантикапее развернулось большое строительство, восстанавливались сооружения, пострадавшие во время событий 110 г. до н.э., перестраивались укрепления акрополя[189].

---

[180] IosPE,I^2: 352; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С.101
[181] См.: Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С.95-101
[182] Такое мнение в разное время высказывали В.Юргевич, С.Лурье, Э.Грейс, А.Немировский, Ю.Виноградов и др. (см.: Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. С.81)
[183] Античные государства Северного Причерноморья. С.61, 66
[184] П.Фукар предположил, что Савмак тождественен скифу Собадаку, известному в окружении Митридата Эвпатора в конце 70-х годов до н.э. (Foucart P. Décret de la ville de Chersonesos en l'honneur de Diophantos, général de Mithridate // Bulletin de correspondence hellénique. 1881, vol.5. P.86)
[185] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.С.153-154
[186] Там же.С.154-155
[187] *App.Mithr.*,67; *Liv.Per.*,98
[188] *Strabo*,VII,4,6
[189] Античные государства Северного Причерноморья.1984. С.61

Рисунок 22. Голова Митридата Эвпатора из Пантикапея. Эрмитаж.

Города Северного Причерноморья, по отношению к которым Митридат выступал как «простат» – заступник, лицо, берущее на себя обеспечение безопасности общины и на этом основании размещающее в городе свой гарнизон[190], сохраняли автономию гораздо более широкую, чем, скажем, южнопричерноморские – по крайней мере до конца 80-х годов до н.э. они чеканили монету в рамках унифицированных Митридатом VI типов не только из меди, но и из драгоценных металлов[191]. В последнее десятилетие II в. до н.э. в Северном Причерноморье наблюдается приток понтийской монеты: амисского серебра, которое перечеканивается в Пантикапее, Горгиппии и Фанагории, и бронзы[192].

Скифы, если и находились некоторое время под прямым управлением Митридата, то очень недолго, в дальнейшем царские гарнизоны из скифских крепостей были выведены, и кочевники выступают в качестве союзников понтийского царя[193].

Установление власти Митридата Эвпатора в Северном Причерноморье получило соответствующее идеологическое оформление: после окончания черноморских походов он был признан в северопонтийских городах воплощением Геракла-Победителя, свидетельством чему являются изображения Митридата-Геракла на монетах Одесса и на краснолаковом сосуде из Керчи[194]. В северопонтийских городах для Митридата Эвпатора засвидетельствован древний персидский титул "царь царей"[195], на памятниках с территории собственно Понтийского царства не встречающийся, зато известный у позднейших правителей Боспора, возможно, он отражает положение Митридата как главы союза царств и племен[196].

---

[190] В 2002 году в Ольвии найдена надпись 78/77 года до н.э. с именем Диогена, командира размещенного в городе понтийского гарнизона

[191] Молев Е.А. Черноморская держава Митридата Евпатора. Л.,1977.С.15

[192] Голенко К.В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н.э. со следами перечеканки // Нумизматика и эпиграфика. 1968, Т.VII.С.37-42; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 137, 186

[193] *App.Mithr.*,15; 57; 69; 88; 101; 102; 108; 119; *Memn.*,30,3

[194] Молев Е.А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. С. 58; Неверов О.Я. Митридат и Александр: к иконографии Митридата VI // Советская археология.1971,№2.С. 92-94

[195] В посвящении из Нимфея, см.: Молев Е.А. О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту // Проблемы античной истории и классической филологии: тезисы. Харьков,1980. С. 43-44

[196] Ю.Г.Виноградов, Е.А.Молев и В.П.Толстиков выдвинули предположение, что Митридат Эвпатор приобрел этот титул после смерти Митридата II Парфянского, а затем передал Тиграну Армянскому (Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой

Военные действия против варваров продолжались некоторое время и после присоединения Боспора: между 109 и 89 гг. до н.э. царский полководец Неоптолем разбил на льду Керченского пролива полчища сатархеев, в конце 90-х годов царь вел военные действия против сармат и бастарнов[197], – но с начала 80-х годов до н.э., по мере того как Митридат начинает рассматривать племена Северного Причерноморья в качестве важного источника необходимых ему в борьбе против Рима людских ресурсов, он все более ориентируется на варварскую аристократию как на своего союзника. В 89 г. до н.э. скифы, тавры, бастарны, фракийцы, сарматы и «все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера» характеризуются как «на все готовые друзья Митридата»[198].

эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С.595-600), но эти построения выглядят крайне искусственно

[197] *Plut. De fort. rom.*,11; Масленников А.А. Население Боспорского государства. М.:1981.С.70-72

[198] *App.Mithr.*,16

ЛАБИРИНТЫ ДИПЛОМАТИИ

Благо, друзья! Поспешим же нарочных послать, да скорее
Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса

Илиада

С присоединением Северного Причерноморья все большее внимание Митридата Эвпатора стали привлекать соседние области Малой Азии, особенно те, которые уже принадлежали его предкам.

По опыту отца Митридат VI понимал, что возможности расширения царства в южном и западном направлении тесно связаны с политикой Рима. Чтобы составить представление о положении в восточных владениях римлян, он в 109-108 гг. до н.э. повторно покинул дворец и вместе с несколькими друзьями под чужим именем совершил путешествие по Вифинии и провинции Азия[199]. Там последнее десятилетие II в. до н.э. ознаменовалось невиданным прежде произволом римских откупщиков и ростовщиков: в обстановке обострения политической борьбы в Риме, в которой доходы с Азии были важным инструментом укрепления позиций всадников, которых в основном и представляли публиканы и аргентарии[200], последние не стеснялись в выборе способов выжимания денег из провинциалов. Обычными явлениями стали продажа детей и самопродажа в рабство за долги, причем «пытки, которые предшествовали рабству, были ужаснее самого рабства. Применялись избиения розгами, должников запирали в подземелья, в страшную жару ставили на солнце, в холод же зарывали в грязь или помещали в воду»[201]. К тому же, получив по Семпрониеву закону 123 г. до н.э. судебную власть (монополию на судопроизводство они имели, с перерывом в 106-101 гг., до 82 г. до н.э.), римские всадники действовали, ни на что не оглядываясь: «Они переняли от сенаторов свойственное тем взяточничество и, войдя во вкус к наживе, еще более позорно и неумеренно пользовались возможностью служить ей. Против богатых всадники выдвигали подосланных обвинителей, процессы против вымогательства они совершенно отменили, столковавшись между собою или действуя друг против друга насилием. Обычай требовать отчет от должностных лиц вовсе пришел в забвение»[202].

Рисунок 23. Митридат Эвпатор. Тетрадрахма.

[199] *Iust.*,XXXVII,3,4-5
[200] См.: Селецкий Б.П. К вопросу о социально-политической борьбе в Риме в период Югуртинской войны // Вестник древней истории. 1970, №4. С.114,примеч.15
[201] *Plut. Luc.*,20
[202] *App.Bell.Civ.*,I,22

За время своего путешествия Митридат мог наблюдать достаточно, чтобы сделать вывод о зревшем недовольстве жителей Азии римским владычеством. Наряду с отчетливо проявившимся в Югуртинской войне (111-105 гг. до н.э.) и в войне с кимврами и тевтонами (119-101 гг. до н.э.) кризисом римской военной организации (только начатая в 106 г. войсковая реформа Гая Мария еще не успела дать каких-либо результатов), оно ставило под вопрос прочность римской власти на Востоке и позволяло Митридату надеяться на свободу действий.

По возвращении в Синопу Митридата ждали новорожденный сын и заговор. Отравить мужа будто бы намеревалась царская сестра-супруга Лаодика в сговоре с группой недовольных придворных. Возможно, его участники были настроены против активной внешней политики или враждебны Митридату Эвпатору по каким-то другим причинам. Помпей Трог называет весьма обыденную: боязнь Лаодикой кары за супружескую неверность, так как она "считая его погибшим, унизилась до связи с некоторыми из друзей мужа"[203]. Митридату от каких-то служанок стало известно о готовящемся покушении, и он расправился с заговорщиками. Лаодика была умерщвлена[204].

Через некоторое время после возвращения понтийский царь приобрел Малую Армению, правитель которой Антипатр, как и боспорский Перисад V, назначил его своим наследником[205]. Малая Армения сохранила самоуправляющееся положение, в 90-х годах в ней был особый правитель из числа сыновей Митридата[206]. Одновременно к царству Митридата были присоединены области макронов и «златобильная» Колхида. Произошло ли это мирно, как в случае с Малой Арменией, или в результате военных действий, в силу противоречивости источников до сегодняшнего дня неясно. В тексте Помпея Трога Колхида названа наряду с Пафлагонией и Боспором в числе стран, приобретенных Митридатом по наследству, однако Мемнон говорит, что он «войною подчинил себе царей вокруг Фасиса вплоть до областей за Кавказом»[207]. Примирить эти сведения можно, если предположить, как это делает Д.Б.Шелов, что Митридат Эвпатор был признан наследником колхидских царей, но действительную

---

[203] *Iust.*,XXXVII,3,7

[204] *Iust.*,XXXVII,3,7-8; XXXVIII,1,1; *Sall.Hist.*,II,76; Reinach 1890: 95. Впрочем, Аппиан и Мемнон (*App.Mithr.*,112; *Memn.*,30,2) не называют Лаодику в числе убитых Митридатом Эвпатором родственников. Исходя из этого, Л.Баллестерос Пастор считает сообщение о казни Лаодики сомнительным (Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996. P. 56-57)

[205] *Strabo*, XII,3,28; Молев 1976: 19. Источники прямо не указывают, когда Малая Армения и Колхида попали под власть Митридата VI, поэтому среди исследователей существуют разные точки зрения. Э.Майер (Meyer E. Geschichte des Königreichs Pontos.Leipzig,1879. S87-88), Б.Низе (Niese B. Die Erwerbung des Küsten des Pontus durch Mithridates VI // Reinisches Muzeum, CCII, 1887.S.559), Г. Лордкипанидзе (Лордкипанидзе Г.А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.С.17), Е. Молев (Молев Е.А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы.С.19), Д. Шелов (Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата Евпатора // Вестник древней истории. 1982, №3.С.29) полагают, что Малая Армения и Колхида вошли в состав державы Митридата до крымских походов Диофанта. Другие историки, например, Г. Меликишвили (Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С.305), А.Немировский (Немировский А.И. Колхида, Иберия и держава Митридата // Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах восточного Черноморья». Тезисы докладов. Тбилиси, 1975.С.54), Т.Тодуа (Тодуа Т.Т. Колхида в составе Понтийского царства. Тбилиси,1990.С.55), высказывают мнение, что Колхида попала под власть понтийского царя после присоединения Боспора. Решающим является дважды повторенное известие Страбона о том, что приобретение Колхиды и Малой Армении понтийским царем произошло, «когда власть Митридата Эвпатора значительно усилилась»» (*Strabo* XI,2,8), Митридат стал владыкой этих стран, «укрепив свое могущество» (Idem,XII,3,28; *Memn.*,30,2). Согласно данным нумизматики чеканка медных монет понтийского образца в Диоскурии начинается около 105 г. до н.э., на городище Вани также преобладают монеты 105-90 гг. до н.э. (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.165-166)

[206] *App.Mithr.*,17;18;35;41

[207] *Iust.*,XXXVIII,7,10; *Memn.*,30,2

власть в стране ему пришлось устанавливать силой[208]. Очевидно, что в Колхиде Митридата поддерживали местные греки: при понтийском царе Диоскурия начинает чеканить собственную монету, что свидетельствует о приобретении автономии.

В Колхиде Митридату пришлось столкнуться с какой-то внешней опасностью с севера. По крайней мере в нижнем течении Гумисты, долина которой выходит к Марухскому перевалу через Большой Кавказ, в полутора десятках километров от Диоскуриады, в конце II в. до н.э. была поспешно выстроена сильная Эшерская крепость с толстыми (около 2 метров) стенами и мощными башнями (основание наибольшей – 11 на 14 метров)[209]. Неясно, правда, от кого она была призвана защищать новоприобретенные владения понтийского царя: от населявших склоны соседних гор воинственных сванов или от сармат, вторгавшихся из-за Кавказа.

После присоединения Колхиды к державе Митридата оживляются ее торговые связи с Северным Причерноморьем: любопытно, что большая часть находок диоскуриадских монет конца II в. до н.э. приходится не на саму Колхиду, а на Крым и Ольвию[210].

Ресурсы Колхиды дали понтийскому царю возможность начать строительство большого флота, для которого приглашали корабельщиков и кормчих из Финикии и Египта[211]. Одновременно царь занялся укреплением войска. "Митридат проводил время не за пиршественным столом, а в поле, не в развлечениях, а в военных упражнениях, не среди сотрапезников, а среди соратников, с ними состязался он в конной езде, в беге и в борьбе. И войско свое ежедневными упражнениями он приучил к такой же выдержке и терпению в перенесении военных трудов"[212]. К концу II в. до н.э. Митридат располагал 80 тысячами пехотинцев, 10 тысячами всадников и будто бы 600 серпоносными колесницами[213].

Рисунок 24. Никомед III. Монета Вифинии.

[208] См.: Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата Евпатора.С.28-31
[209] Воронов Ю.Н. Ук.соч. С.75; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. С.49
[210] Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С.21; Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата Евпатора. С.42-43
[211] Reinach Th. Op.cit.P. 56; App. Mithr.,13
[212] *Iust.*,XXXVII,4,1-2
[213] Ibidem, XXXVIII,1,8

В те же годы Митридат установил тесные союзнические отношения с царем Вифинии Никомедом III Эвергетом, в свое время обиженным римлянами и обнаружившим в 110-х годах до н.э. стремление к самостоятельной политике. Начало этому союзу было положено, возможно, еще во время путешествия Митридата.

В 108/107 г. до н.э. союзники разделили, после смерти бездетного царя Дейотара Филадельфа, Пафлагонию [214]. Там, впрочем, нашлись противники новых владык, обратившиеся за поддержкой в Рим; на Митридата к этому времени имелась жалоба также от скифских правителей. Сенат отправил к Митридату и Никомеду послов с приказанием очистить Пафлагонию. Однако Митридат Эвпатор заявил: "Ему досталось на долю царство, на которое имел наследственные права его отец; он удивляется, почему оспаривают у него то, чего у отца его не оспаривали"[215]. Никомед же поспешил отвести от себя обвинения, создав из отошедшей к нему части Пафлагонии марионеточное «царство», на престол которого посадил своего внебрачного сына Сократа Хреста, нареченного по случаю древним родовым именем пафлагонских царей – Пилемен[216].

Следующей целью союзных царей оказалась Галатия. Юстин связывает ее захват с действиями одного только Митридата[217]; однако, последующие события обнаруживают, что западную часть страны получил Никомед, и как раз у него в середине последнего десятилетия II века до н.э. имели место серьезные военные и денежные затруднения: в начале 104 года до н.э. вифинский царь отказал Гаю Марию в присылке подкреплений, в 104 – 102 годах в Вифинии не чеканилась монета[218]. Можно предположить, что войну в Галатии начал Никомед, и что понтийский царь был вовлечен в нее позже, а также, что именно связанные с этим осложнения побудили его не позднее осени 104 года до н.э. отправить в Рим обильно снабженное золотом посольство.

В момент прибытия послов дела республики квиритов пребывали в на редкость расстроенном состоянии: с севера Италии по-прежнему угрожали кимвры и тевтоны, на юге, в Сицилии пылало восстание рабов во главе с Трифоном и Афенионом, в самом Риме крайне обострились противоречия между сенаторами и беднотой. Царские посланцы проявили недюжинные дипломатические способности, так что когда один из вожаков плебса Луций Аппулей Сатурнин обвинил их в подкупе сената, он был немедленно привлечен сенаторами к суду за оскорбление посольства и спасся только благодаря вмешательству толпы[219].

Между тем, у Митридата появилась возможность приобрести благосклонность Рима. К югу от Каппадокии, между горами Тавра и морем располагалась Суровая Киликия, гористая и населенная воинственными племенами страна. После подавления восстания Аристоника она была передана детям Ариарата V[220], но слабые каппадокийские цари не могли привести ее в подчинение, и Суровая Киликия оказалась во власти многочисленных мелких тиранов и шаек[221], избравших главным источником своего существования морской разбой. В конце концов киликийские пираты стали беспокоить римлян, и в 102 г. до н.э. претор Марк Антоний (дед триумвира) захватил часть побережья и основал там провинцию Киликия[222]. Какую роль сыграл в этом Митридат Эвпатор точно не известно, но Киликия не могла быть обращена в провинцию без участия своей формальной владелицы – царицы Каппадокии, а Лаодика в то время всецело зависела от брата.

---

[214] *Iust.*,XXXVII,4,3;6; Reinach Th. L'Histoire par les Monnais. Paris,1902.P.179-180

[215] *Iust.*,XXXVII,4,5

[216] Ibidem, XXXVII,4,7-8; Reinach Th. Op.cit.P.113. К.Штробель полагает, что это другой сын Никомеда III (Strobel K. Mithridates VI Eupator von Pontos // Orbis Terrarum. Bd.2 1996. S.174-176)

[217] *Iust.*,XXXVII,4,6

[218] *Diod.*,XXXVI,3,1; Габелко О.Л. История Вифинского царства. Спб.,2005.С.359-360 (со ссылкой на Д.Глью)

[219] *Diod.*,XXXVI,15,1-2. Этот эпизод иногда относят к 100 г. до н.э. (год повторного избрания Аппулея Сатурнина трибуном), однако изложение событий у Диодора не соответствуют известным из других источников обстоятельствам второго избрания Сатурнина

[220] *Iust.*,XXXVII,1,2

[221] *Strabo*,XIV,5,10

[222] *Liv.Per.*,68. Ливий помещает сообщение о походе Антония в Ливию перед известием о битве при Аквах Секстиевых, из чего следует, что он произошел в первой половине 102 г. до н.э.

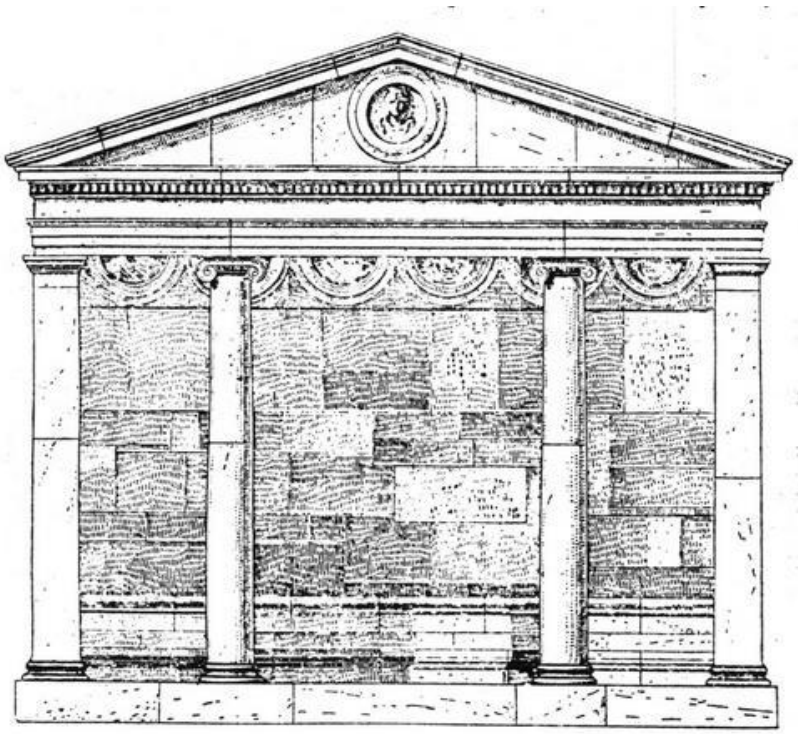


Рисунок 25. "Памятник Митридата" на Делосе. Реконструкция Э. Шапутье (E. Chapoutier).

К 102 г. до н.э. Митридат Эвпатор в результате военных действий и дипломатических комбинаций стал сильнейшим из царей Малой Азии. Знаком роста его авторитета в эллинском мире стал выстроенный в 102/101 г. до н.э. в почитаемом святилище Кабиров на острове Делос «памятник Митридата». Посвятительная надпись в нем сообщала; "Жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, пожизненный жрец Посейдона Азийского и в течение года жрец великих богов самофракийских Диоскуров-Кабиров, за афинский народ и римский народ посвятил храм и находящиеся в нем статуи и медальоны богам, которым он служит, и царю Митридату Эвпатору Дионису. При правителе острова Феодоре, сыне Диодора из Суния"[223]. Внутри небольшого ионического храмика была поставлена статуя самого царя – демонстрируя дружественные отношения к Риму, он был изображен в римском военном костюме.

Памятник зафиксировал изменения царского титула: в нем появляется ранее неизвестный там эпитет "Дионис". Подобно Александру Великому Митридат объявляется воплощением Диониса – покорителя варваров, вероятно в это время сочиняется рассказ, в котором Митридат уподобляется сыну Семелы, уцелевшему в ударах зевесовых молний: «Молния ударила в комнату, где он спал, и, минуя его, сожгла только стрелы в висевшем рядом колчане. Прорицатели тогда истолковали это как предвещание будущих побед его лучников и легковооруженных войск; а в широком окружении его стали называть Дионисом по сходству с этим богом, которое усматривали в ударах молний»[224].

В медальонах по стенам делосского памятника были помещены погрудные скульптуры ближайших сподвижников Митридата. Здесь были «совоспитанники царя» Дорилай, сын Филетайра, «ведающий делами военного командования», приходившийся Митридату, по сведениям Страбона, молочным братом, и Гай, сын Гермея, «избранный друг царя» Эвдор, «первые друзья царя» Каллистрат, сын Антипатра, «ведающий тайными делами», Паппий, сын Менофила, «ведающий делами следствия» и главный врач царя, и Диофант (его отчество не сохранилось, в окружении Митридата известны два Диофанта – сын Асклепиодора, прославленный походами в Таврику, и сын Митара). Здесь же были помещены скульптурные

[223] Максимова М.И.Ук.соч.С.203
[224] *Plut.Symp.*,624,B

портреты тогдашних главных союзников Митридата Эвпатора – Ариарата VII, двух вельмож Митридата Парфянского и сирийского царя Антиоха VIII Эпифана Каллиника («Явленного Бога Прекраснопобедного»)[225].

Рисунок 26. Митридат-Александр. Лувр.

Из названных на Делосском памятнике союзников Митридата Эвпатора Парфянское царство в конце II в. до н.э. переживало подъем. Царю Митридату II (вступил на престол около 124 г. до н.э.) удалось отразить вторгшихся в 129 г. до н.э. в восточные сатрапии кочевников саков, в войне с которыми погибли два его предшественника, и вернуть Дрангиану (область в бассейне реки Гильменд в нынешнем юго-западном Афганистане), а также присоединить Арейю (бассейн реки Герируд) и Маргиану (долина Мургаба). Границы царства простирались от Аму-Дарьи на востоке до Евфрата на западе. В зависимость от парфян попала Великая Армения. Митридат II первым из парфянских правителей принял старинный персидский титул «царь царей».

Рисунок 27. Митридат II Парфянский. Монета Парфии.

[225] Reinach Th.Op.cit.P.252-253; Максимова М.И.Ук.соч.С.201-205

Впрочем, держава парфян не была политически монолитной – под непосредственной властью верховного владыки находились собственно Парфия к юго-востоку от Каспийского моря, области Мидии и центральное Двуречье вокруг Селевкии на Тигре и выстроенного рядом с ней Ктесифона. В остальных частях государства имелись собственные правители, где происходившие из парфянского царского рода Аршакидов, а где из местных династий, как, например, потомки Атропата в Мидии Атропатене, цари саков Вонон и Спалахор, Камнаскир III в Эламе, Ватафрадат II в Персиде или арабы Абгариды в Осроэне на верхнем Евфрате.

В противоположность Парфии прежняя великая держава митридатовых родичей Селевкидов, сократившаяся после 129 г. до н.э. до Сирии с равнинной Киликией, находилась в глубоком упадке. Десятилетняя междоусобица 115 - 105 гг. до н.э. привела к разделу царства между двумя сводными братьями, носившими имя Антиох. Старшему, Антиоху VIII, известному больше не под пышным официальным титулом «Явленный Бог Прекраснопобедный», а под прозвищем «Грип» (Носатый)», тем более обидным, что так обычно звали рабов в комедиях, достались Северная Сирия и Киликия, младший, Антиох IX Филопатор («Отцелюбивый»), которого, как правило, именовали по месту воспитания «Кизикийцем», получил Южную Сирию и Финикию. Впрочем, их власть уже не распространялась на многие сирийские и финикийские города – к рубежу II и I вв. до н.э. автономными или независимыми стали Аскалон, Газа, Птолемаида-Акко, Россос и города Киликии, Тир, Триполис, Сидон, и даже «родоначальница и как бы очаг … могущества» дома Селевка – Селевкия Приморская – избавилась от власти царей[226]. Государство переживало жесточайший финансовый кризис – содержание серебра в драхмах упало до 65 процентов в сравнении с 94 процентами при Антиохе IV (175-164 гг. до н.э.), и сам их стиль, по замечанию Э.Бикермана, становится грубым, широко применяется перечеканка монет предшествующих правителей[227]. Столь же безотрадно было положение в войске, где не было уже ни флота, ни гелепол, ни осадных орудий и механизмов[228].

Рисунок 28. Ариарат VII. Монета Каппадокии.

Между тем, каппадокийская царица преподнесла брату крайне неприятный сюрприз. Она заключила союз с Никомедом Эвергетом, скрепленный браком с правителем Вифинии. Последний на правах мужа и союзника ввел в Каппадокию свои гарнизоны. Развитие событий оказалось совершенно неожиданным для Митридата и, узнав о продвижении вифинцев, он

[226] Бикерман Э. Государство Селевкидов. С.131,143,219
[227] Там же. С.198,202
[228] *Diod.*,XXXIV,34

даже послал войско на помощь сестре. Когда оказалось, что она ее вовсе не желает, понтиец вооруженной силой изгнал из соседней страны войска своего недавнего ближайшего партнера. Вместе с вифинцами Мазаку покинула Лаодика, единовластным царем Каппадокии Митридат оставил Ариарата VII[229].

Через несколько месяцев после изгнания Лаодики понтийский царь ультимативно потребовал от племянника разрешить возвращение в страну Гордию[230]. Когда же молодой каппадокийский царь отказался принять убийцу своего отца, Митридат Эвпатор вторгся в Каппадокию. Ариарат VII сколотил против дяди коалицию из соседей, в их числе – царя Софены Артана, которому Ариарат, нуждаясь в средствах, продал за сто талантов пограничный Томис[231].

Рисунок 29. Ариарат VIII. Монета Каппадокии.

Митридат в свою очередь заключил союз с враждебным Софене царем Великой Армении Артаваздом. До военных действий дело не дошло. На предложенных Митридатом личных переговорах понтийский царь, скрыл под одеждой оружие: «По царскому обычаю Ариарат послал к Митридату человека, который должен был того обыскать. Когда этот человек стал особенно тщательно ощупывать у Митридата низ живота, Митридат сказал, что боится, как бы обыскивающий не нашел там кинжала совсем иного рода, нежели тот, какой он ищет»[232]. Смущенный двусмысленной шуткой, каппадокиец не закончил обыск, Митридат пронес на свидание кинжал и на глазах обеих армий зарезал племянника. Лишившееся предводителя каппадокийское войско без боя подчинилось Митридату Эвпатору; на престол Каппадокии был посажен его восьмилетний сын, получивший имя Ариарат VIII Эвсеб Филопатор («Благочестивый Отцелюбец»), а регентом при нем назначен Гордий[233].

Вскоре после завоевания Каппадокии, в 99/98 гг. до н.э. Митридат имел встречу с Гаем Марием. Шестикратный консул и кумир римских низов, изрядно подмочивший политическую репутацию участием в расправе над Сатурнином, оказался в это время меж двух огней – он не приобрел доверия у оптиматов, но потерял его у плебса – и счел за лучшее покинуть Рим под предлогом паломничества к Кибеле. В Комане он и встретился с царем. Митридат, надеясь приобрести в Марии союзника, вел себя по отношению к визитеру как можно более любезно и почтительно, тот же с солдатским прямодушием изложил свой взгляд на римско-понтийское

---

[229] *Iust.*,XXXVIII,1,2-5
[230] *Iust.*,XXXVIII,1,6
[231] *Strabo*,XII,2,1
[232] *Iust.*,XXXVIII,1,9
[233] *Iust.*,XXXVIII,1,10; Reinach Th. Op.cit.P.98

отношения: «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что приказывают»[234].

В справедливости этих слов Митридату пришлось убедиться весьма скоро. Несколько лет понтийского владычества успели вызвать в Каппадокии недовольство, и там началось восстание, во главе которого встал младший из сыновей Ариарата VI и Лаодики Ариарат IX, выехавший до этого из страны вместе с матерью и воспитывавшийся в римской провинции Азия. Силы восставших были невелики (движение по всей видимости не было массовым), и войско Митридата VI быстро их одолело. Ариарат IX бежал из Каппадокии и вскоре умер[235].

Разбирательством каппадокийских дел занялся было Марк Эмилий Скавр, многолетний вождь оптиматов, консуляр, цензор и первоприсутствующий в сенате, о котором Цицерон почтительно пишет, что он "давал отпор всем мятежникам, начиная с Гая Гракха; ... его ни разу не заставили поколебаться ни насилие, ни угрозы, ни ненависть"[236]. Однако, царское золото, кажется, поколебало непоколебимого сенатора, и он так ничего и не решил; политические противники позже обвиняли Скавра в получении взятки от Митридата[237].

Но тут в конфликт вмешался не оставивший притязаний на Каппадокию Никомед Эвергет, который выставил своего претендента на престол. "Никомед подучил одного подростка, отличавшегося необыкновенной красотой, чтобы он, так как у Ариарата будто бы было не два, а три сына, домогался от римского сената отцовского царства. Никомед и жену свою Лаодику также послал в Рим засвидетельствовать, что у нее было не два, а три сына"[238]. Тогда и Митридат выставил самозванца, которого объявил сыном Ариарата V.

В конце концов соперники вынуждены были обратиться с тяжбой в Рим[239]. За восемь лет, прошедших со времени предыдущего понтийского посольства на притибрские холмы, политическая обстановка в Вечном Городе несколько успокоилась – пусть это и было затишье между двумя порывами бури, – римская армия благодаря реформам Гая Мария восстановила боевую мощь, и сенат начал говорить с восточными царями прежним языком диктата. Трудно сказать, насколько плох был как дипломат ездивший в Рим Гордий, но привезенное им решение сената было крупнейшей внешнеполитической неудачей Митридата Эвпатора с момента воцарения: ему предписывалось не только отказаться от Каппадокии, но уступить также Галатию, Пафлагонию и даже возвратить причерноморские владения скифам. Единственное утешение состояло в том, что у Никомеда тоже отобрали его приобретения в Пафлагонии[240].

Каппадокию римляне провозгласили было «свободной», однако прибывшие оттуда послы попросили дать стране царя. «Римляне, удивились, что может существовать какой-либо народ, столь изнуренный свободой, и разрешили им выбрать голосованием из своей среды, кого пожелают»[241]. Митридат еще раз попытался провести кандидатуру Гордия, но выбор пал на Ариобарзана[242]. В Пафлагонии в цари был посажен некий Пилемен[243].

Митридат выполнил все римские требования, но от борьбы не отказался. В отношении скифов он просто заменил прямое подчинение неравноправными союзами. Что же касается

---

[234] *Plut.Mar.*,31
[235] *Iust.*,XXXVIII,2,1-2
[236] *Cic. Pro Sest.*,101
[237] *Val.Max.*,III,7,8. Скавра обвинаяли также во взятках от Югурты (*Sall.Iug.*,29)
[238] *Iust.*,XXXVIII,2,3-4
[239] Ibidem, XXXVIII,2,5. Понтийский претендент не может быть тождественен Ариарату, сыну Митридата: родившегося около 108 г. до н.э. подростка никак нельзя было выдавать за сына царя, погибшего в 131 г. до н.э.
[240] *Iust.*,XXXVIII,2,6-8; *Memn.*,30,2; Reinach Th.Op.cit. P.99-100
[241] *Strabo*, XII,2,11
[242] *Iust.*,XXXVIII,2,8; 5,9
[243] *Eutr.*,V,5,2

Каппадокии, то лишенный возможности расширить владения собственными руками, он решил сделать это чужими. Подходящим помощником оказался вступивший в 95 г. до н.э. на престол Великой Армении Тигран II. Он был на десять лет старше Митридата, в юности взят заложником к парфянам и заплатил за престол в Артаксате уступкой семидесяти долин[244].

Рисунок 30. Тигран II. Монета Армении.

В 94 г. до н.э. между армянским царем и Митридатом VI был заключен скрепленный женитьбами Тиграна на дочери понтийского царя Клеопатре и Митридата на армянской царевне союз, который предусматривал помощь Митридата Тиграну в завоевании Софены и взаимную – в возвращении Каппадокии[245]. В отношении последней союзники договорились, что захваченные города и сельские местности достанутся Митридату, а пленники и все, что можно увезти – Тиграну[246]. Готовясь к войне, Митридат с 93 г. начал чеканку золотых статеров[247] – обычного в эллинистическом мире средства оплаты наемников.

Союз с Великой Арменией, правда, должен был привести если не к разрыву, то к охлаждению отношений с Парфией, хотя в 89 г. до н.э. посол Митридата Понтийского еще называет «парфянского царя Арсака» другом своего господина[248]. Зато союзниками понтийского царя одновременно с Арменией вероятно стали соседние с нею Иберия, выставлявшая «в случае тревожных обстоятельств много десятков тысяч воинов»[249], и Мидия Атропатена.

Дружественные отношения у Митридата сохранялись с селевкидскими царями в Сирии, но разгоревшееся в ней с 96 г. до н.э. кровавое соперничество претендентов на диадему окончательно погрузило страну в хаос.

Антиох VIII, в последние годы правления подпавший под влияние своего «управляющего делами» Гераклеона, был в 96 г. до н.э. убит последним. Причастная к смерти мужа царица Клеопатра Селена бежала к Антиоху IX Кизикийцу и вышла за него замуж.

---

[244] *Iust.*, XXXVIII, 3,1; *Strabo*, XI,14,15
[245] *Iust.*, XXXVIII,3,2; Мовс.Хор., II,14
[246] *Iust.*,XXXVIII,3,5. Юстин относит эти условия к союзу, будто бы заключенному между Понтом и Арменией для войны против римлян в Азии, однако существование такого союза сомнительно, так как в действительности Тигран в I Митридатовой войне не участвовал
[247] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.54
[248] *App.Mithr.*,19; ср.: *Memn.*,30,3
[249] *Strabo*,XI,3,3

Наследовавший Грипу сын Селевк VI Эпифан Никанор возобновил войну с Антиохом IX. Тот потерпел поражение, был взят в плен и убит[250]. Однако, войска Антиоха Кизикийца провозгласили в финикийском Араде царем его сына Антиоха Эвсеба («Благочестивого»), женившегося на мачехе, Клеопатре Селене. Военное счастье оказалось на стороне Антиоха X, потерявший Сирию Селевк VI ушел в Киликию. Вымогательства, которыми он занимался, вызвали восстание жителей Мопсуестии и, не процарствовав года, Селевк погиб вместе с «друзьями» в пламени подожженного горожанами гимнасия[251]. Оставшееся в Киликии войско сторонников линии Грипа вручило власть братьям Селевка VI – Антиоху XI и Филиппу I Филадельфам («Братолюбцам») (монеты чеканились от имени и с изображением обоих царей). Одновременно притязания на диадему предъявил еще один сын Антиоха Грипа, Деметрий, который при помощи правившего Кипром Птолемея Латира захватил Дамаск и объявил себя царем с титулом Деметрий Теос Филопатор Сотер («Бог Отцелюбивый Спаситель»). Таким образом, в Сирии оказалось одновременно четыре царя Селевкида.

Положение всех их было крайне непрочным. Против Антиоха Эвсеба «стал злоумышлять его родственник Селевк, но сирийцы считают, что он спасся благодаря своему благочестию, и поэтому дали ему прозвище «Благочестивый»; на самом деле его спасла гетера, влюбленная в него за его красоту»[252]. Антиох Филадельф в 94 г. до н.э. начал новую войну с Антиохом Эвсебом, но потерпел на Оронте поражение и погиб[253]. Вследствие всего этого рассчитывать на сколь-нибудь существенную помощь от сирийских родственников Митридату Эвпатору не приходилось.

Рисунок 31. Ариобарзан I. Монета Каппадокии.

Между тем, в 94 г. до н.э. Тигран II захватил Софену, а в следующем изгнал из Каппадокии Ариобарзана; в обобранной армянами Мазаке водворился понтийский ставленник (возможно, это был не Ариарат Эвсеб Филопатор, а Гордий[254]).

---

[250] *Ios.Fl.Ant.*,XIII,13,4; *App.Syr.*,69
[251] Ibidem
[252] *App.Syr.*,69
[253] *Ios.Fl.Ant.*,XIII,13,4; *App.Syr.*,69
[254] *Iust.*,XXXVIII,3,3. См.: Манасерян Р.Л. Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93 – 91 гг. до н.э. // Вестник древней истории.1985, №3. С.109-117. Ариобарзан, воцарившийся в 96/95 г. до н.э., непрерывно чеканил монеты в течение первых трех лет, следовательно, изгнан он был в 94/93 г. до н.э. (McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus.Leiden, 1986. P.172; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.195-196)

Сенат предписал восстановить Ариобарзана пропретору Киликии. Эту должность в 92 г. до н.э. занимал прославившийся к тому времени пленением Югурты сорокашестилетний Луций Корнелий Сулла.

Рисунок 32. Луций Корнелий Сулла – Геркулес. Римская монета.

Сулла «принадлежал к знатному патрицианскому роду, к его ветви, почти угасшей ввиду бездеятельности предков. В знании греческой и латинской литературы он не уступал ученейшим людям, отличался огромной выдержкой, был жаден до наслаждений, а еще более до славы. На досуге он любил предаваться роскоши, но плотские радости все же никогда не отвлекали его от дел … Он был красноречив, хитер, легко вступал в дружеские связи, в делах умел необычайно тонко притворяться; был щедр на многое, а более всего на деньги. И хотя до победы в гражданской войне он был счастливейшим из всех, все-таки его удача никогда не была большей, чем его настойчивость, и многие спрашивали себя: более ли он храбр или счастлив»[255].

Современников поражала противоречивость характера Суллы: «… Он производил впечатление человека переменчивого и с самим собою несогласного: он много отбирал насильно и еще больше раздавал, без оснований возносил и без оснований оскорблял, обхаживал тех, в ком имел нужду, и чванился перед теми, кто имел нужду в нем… За случайные провинности он засекал до смерти, но смотрел сквозь пальцы на самые тяжкие преступления, легко мирился с лютой обидой, а за мелкие и ничтожные оскорбления мстил казнями и конфискациями имущества… Крутой нравом и мстительный от природы Сулла умел ради пользы сдерживать гнев, уступая расчету»[256]. Он однако был способен вызвать искреннюю привязанность к себе: в юности Сулла бедствовал, и ходили слухи, что положение поправил благодаря «общедоступной, но состоятельной женщине» по имени Никопола, которая от всей души полюбила голубоглазого блондина и завещала ему свои деньги[257].

Сулла не преминул воспользоваться возможностью для укрепления своей репутации полководца и с небольшим отрядом, составленным в основном из италиков, вторгся в Каппадокию. Противники Ариобарзана из числа каппадокийцев, равно как и высланные им на помощь армянские войска были разбиты римлянами. Действия понтийских войск под командованием Архелая также были неудачны: Сулла, «стесненный неудобством позиции и численностью неприятеля, завел разговоры о мире и, выждав время на перемирие, отвлек этим

[255] *Sall.Iug.*,95,3-4
[256] *Plut.Sylla*,6
[257] Ibidem, 2

внимание и ускользнул от противника»[258]. Использовать же против Суллы большие силы Тигран II не смог из-за угрозы со стороны Митридата Парфянского, армия которого в 92 г. заняла Коммагену (при этом погиб попытавшийся воспрепятствовать парфянам Антиох Эвсеб[259]) и готова была вмешаться в каппадокийские дела.

Перед лицом двух враждебных великих держав Тигран оставил Каппадокию; легионеры Суллы первыми из римлян достигли Евфрата. Митридат II Парфянский через своего вельможу Оробаза обратился к пропретору Киликии с предложением заключить союз против Армении и продолжить войну, но на состоявшихся у стыка границ Каппадокии, Софены и парфянских владений переговорах римский наместник отклонил это предложение. Кроме того, парфяне не получили свободы действий в отношении совершенно беззащитной в тот момент Сирии. Раздосадованный Митридат Парфянский в знак непризнания результатов переговоров приказал казнить Оробаза[260].

Суллу по возвращении из провинции обвинили было в получении взятки от Ариобарзана, но в конечном счете обвинитель Цензорин не решился явиться в суд[261].

---

[258] *Front.*,I,5,18

[259] В источниках существуют три взаимоисключающие версии гибели Антиоха Эвсеба. Сведения о том, что Антиох X «нашел геройскую смерть в бою» с парфянами в Коммагене приводит Иосиф Флавий (*Ios.Fl.Ant.*,XIII,13,4). Озадачивающие исследователей замечания Аппиана, что Эвсеб был якобы изгнан из своего царства Тиграном II (*App.Mithr.*,105; Idem.Syr.,70), являются следствием его смешения с Антиохом XIII, который тоже имел почетный титул “Благочестивый”. Наконец, Евсевий Кесарийский в своей «Хронике» сообщает, что, разбитый Филиппом I, Антиох Эвсеб укрылся у парфян, а затем объявился при Помпее в Сирии (*Eus.Chron.*,p.355). Здесь с Антиохом X, несомненно, связаны события, имевшие место с двумя другими селевкидскими царями – с Деметрием III (плен у парфян вследствие войны с Филиппом) и с Антиохом XIII (появление в Сирии при Помпее).

[260] *Liv.Per.*,70; *Plut.Sylla*,5; Манандян Я.А. Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван,1943. С.29-31

[261] *Plut.Sylla*,5

СТОЛКНОВЕНИЕ

Сразу они, вверх подняв пред лицом своим тяжкие руки,
Бросились друг на друга, взаимно грозя своей силой …

Аполлоний Родосский

В том же 94 г. до н.э., когда Митридат выдавал свою дочь за Тиграна, умер бывший союзник, а затем враг понтийского царя Никомед Эвергет. Ходили слухи, что умер он от яда, и что к отравлению был причастен его сын от первой жены (одни называют ее Аристоникой, другие – Ниссой), тоже Никомед. Никомед III не любил этого сына и, кажется, собирался отдать престол рожденному наложницей Гагной из Кизика Сократу. После того как в 95 г. до н.э. римляне заставили вифинского царя отказаться от Пафлагонии, Сократ Хрест, получив от отца пятьсот талантов на содержание, поселился с матерью и сестрой в Кизике. Так как в момент отцовской смерти он находился вне Вифинии, царством овладел Никомед, принявший почетное прозвище Филопатор («Отцелюбец»). Новый царь начал с убийства мачехи и женитьбы на шестидесятилетней тетке Лисандре. На девятый день после свадьбы она умерла, и Никомед позже сочетался браком с падчерицей своего отца Ниссой, дочерью Ариарата VI и племянницей Митридата Эвпатора. Та стала настраивать мужа против Сократа.

Рисунок 33. Сократ Хрест. Монета Вифинии

В конце концов Сократ бежал ко двору Митридата Эвпатора просить помощи. Понтийский царь оказал претенденту блестящий прием, но поддержку посоветовал искать у римлян. Хрест негласно прибыл в Рим, где предстал перед сенатом в качестве соискателя вифинского престола (речь по этому поводу произнес молодой, но уже входивший в известность оратор Квинт Гортензий)[262]. Сенаторы, однако, предпочли ему Никомеда. Потерпев неудачу, Сократ Хрест возвратился в Кизик, и, так как оставаться вблизи вифинских границ стало для него небезопасно, перебрался на Эвбею. Затем, обвиненный в совершении разных гнусных преступлений вроде убийства сестры и растления отроков, вынужден был покинуть и ее, вновь обратившись за помощью к Митридату Понтийскому[263].

[262] Cic. De orat., III, 61.
[263] Licin., 85-94; Reinach Th. Op.cit.P.113-114

Рисунок 34. Митридат Эвпатор. Монета.

Однако, времена, когда уступками можно было отвратить войну, прошли. Римские представители жаждали преподать урок строптивому династу. Подстрекаемый ими Никомед Филопатор, едва возвратившись летом 89 г. до н.э. в свою столицу, перекрыл Боспор Фракийский и вторгся в царство Митридата до Амастриды. Помимо жажды мести Никомеда побуждали к войне и чисто прагматические причины: он сильно задолжал римлянам и надеялся расплатиться из захваченной добычи[264]. Понтийский царь, все еще надеясь сохранить мир, не стал оказывать вифинцам сопротивления, а обратился за посредничеством к римлянам.

В начале осени 89 г. близ вифино-понтийской границы начались переговоры между послом Митридата Эвпатора Пелопидом, посланцами Никомеда Филопатора и Манием Аквилием. Пелопид, напомнив о предоставленном понтийским царям статусе «друзей и союзников римского народа», потребовал от римлян прекратить поддержку Никомеда и принудить его соблюдать мир, применив, если потребуется вооруженную силу. Вифинцы в свою очередь принялись обвинять Митридата VI в стремлении к завоеваниям и подготовке войны. «Дело мудрости, – будто бы говорили они, – не ожидать, когда он сам захочет объявить вам войну, но обращать внимание более на его дела, чем на его слова, и тому, кто ложно надел на себя маску дружбы, не выдавать верных и постоянных друзей и не оставлять без внимания, что ваше решение относительно нашего царства делает недействительным тот, кто в равной степени является нашим и вашим врагом»[265]. Митридат попытался подкупить римских послов, но те, взяв деньги, решение в пользу понтийского царя принимать не спешили, тем более, что деньги получали и от Никомеда. Позже Митридат обвинял Аквилия и его коллег: «Все это они делали из-за денег, получая их попеременно то у меня, то у них. То, в чем можно было бы упрекнуть вас, римляне – корыстолюбие»[266]. В конце концов, римские послы приняли никого ни к чему не обязывающее решение: «Мы не хотели бы, чтобы и Митридат претерпел какое-либо зло от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы и против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед понес ущерб»[267]. Первый тур переговоров закончился безрезультатно.

Отчет посла давал Митридату Эвпатору достаточные основания для вывода о намерении римлян развязать войну. На равнине близ Амасии, под прикрытием Галиса, царь стал собирать войско[268]. Не рассчитывая лишь на собственные силы, Митридат отправил

---

[264] *App.Mithr.*,11; *Dio Cass.*,XXX,99
[265] *App.Mithr.*,13
[266] *App.Mithr.*,56
[267] Ibidem,14
[268] *Memn.*,31,1

посольства к галатам, кимврам, а также к сарматам и бастарнам, война с которыми закончилась около 89 г. до н.э. установлением дружественных отношений, а также вызвал подкрепления из Северного Причерноморья[269]. Его армия, включая союзников, насчитывала 250 тысяч пехотинцев и 40 тысяч всадников[270]. Правда, при оценке численности армий эллинистических царей, особенно в их сравнении с римскими, следует помнить, что от половины до двух третей царского войска составляли слуги, оруженосцы и обозные служители[271].

Основной боевой силой митридатовой пехоты, как практически у всех эллинистических царей, была фаланга, которой командовал известный уже нам молочный брат и «совоспитанник» царя Дорилай, сын Филетайра[272]. Классическое описание этого строя, каким он существовал в первой половине II в. до н.э., приводит Полибий: «Пока фаланга сохраняет присущие ей особенности и свойства, нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против ее натиска... В сомкнутом строю для битвы один человек с вооружением занимает пространство в три локтя; на длину сариссы (копья – В.Т.) ... назначается шестнадцать локтей, но в приспособлении к действительным нуждам она имеет четырнадцать[273]. Из этой длины четыре локтя приходятся на ту часть копья, за которую держатся обоими руками, и на увеличение тяжести заднего конца. Таким образом ... сарисса ... тяжеловооруженного, когда он на ходу против неприятеля протягивает ее вперед ... выступает перед ним не менее, чем на десять локтей. Отсюда следует, что сариссы второго, третьего и четвертого рядов выступают перед воинами первого ряда дальше, чем на два локтя, а сариссы пятого ровно на два локтя ... следует заключить, что каждый воин первого ряда имел перед собою пять сарисс... Легко представить себе наступление и нападение всей фаланги глубиной в шестнадцать человек ... Все те фалангиты, которые находятся дальше пятого ряда, не имеют никакой возможности участвовать своими сариссами в сражении, почему они держат сариссы поднятыми вверх ... с целью предохранить фалангу от ударов сверху, ибо плотно сомкнутые сариссы задерживают на себе метательные снаряды... Кроме того, во время натиска фаланги они самой тяжестью тела давят на передние ряды, увеличивая тем силу напора и делая невозможным для фалангитов первых рядов поворот назад...»[274]. Тот же Полибий, однако, указывает и на ахиллесову пяту фаланги: для нее существует единственное сцепление обстоятельств и единственный вид местности, плоская равнина, когда она может развернуть присущие ей достоинства. Основной единицей фаланги была синтагма или спейра – 16 рядов по 16 человек и еще пятеро воинов вне строя: командир арьергарда, его помощник, вестовой, сигнальщик и трубач, всего, таким образом, 261 человек. Наибольшая по численности фаланга включала 64 синтагмы общим числом 16704 человека[275]. Такую фалангу Антиох III привел на поле битвы при Магнесии[276], однако, чаще встречается фаланга в 10 тысяч человек, то есть, из 36 синтагм, разделенных на две стратегии приблизительно по 4700 человек каждая. Одна из них вероятно называлась «белощитыми» (*λευκασπιδες*), а другая – «меднощитыми» (*χαλκασπιδες*)[277].

Наличие такого строя, сложившегося в III-II вв. до н.э. в Македонии, в армии Митридата Эвпатора подтверждается упоминанием в ней «меднощитых», в начале 80-х гг. до н.э. состоявших под началом Таксила[278]. Помимо фаланги пехоту в армиях эллинистических

---

[269] *Iust.*, XXXVIII,3,6-7
[270] *App.Mithr.*,17. Т.Рейнак считает эту цифру завышенной (Reinach Th.Op.cit.P.119-120) и следует данным Мемнона (*Memn.*, XV,31,1) о 150-тысячной армии, с которой понтийский царь вторгся в Пафлагонию. Однако, из текста Мемнона следует, что этими полуторастами тысячами человек митридатова армия не исчерпывалась
[271] Бикерман Э. Государство Селевкидов. С.85-86
[272] *App.Mithr.*,17
[273] 6,2 метра (1 локоть равнялся приблизительно 0,44м)
[274] *Polyb.* XVIII, 29-30
[275] Конноли П.Ук.соч.С.75-77
[276] *Liv.*, XXXVII,40
[277] Конноли П.Ук.соч.С.77
[278] *Plut. Sylla*, 16,19

царей составляли тяжеловооруженные педзетайры и легковооруженные пельтасты. Они не отличались особой дисциплиной, и Тит Ливий презрительно писал, что у македонян «пешие воины, полуголые, в бою привыкли без всякого порядка перебегать с места на место»[279].

Охарактеризовать митридатову конницу сложнее, хотя именно всадников и серпоносные колесницы Сулла считал главной силой царского войска[280]. По всей видимости в нем было немало частей из восточных областей царства и Причерноморья: в числе митридатовых воинов называются скифы, савроматы, имя одного из командиров конницы – Найман – армянское.

Отряды, составленные из тех или иных народов, выступали как отдельные соединения со особыми командирами во главе[281]. Все вместе, они представляли собой пестрое и шумное зрелище. «Сверкание оружия, богато украшенного золотом и серебром, – вспоминал Сулла, – яркие краски мидийских и скифских одеяний, сочетаясь с блеском меди и железа, – все это волновалось и двигалось, создавая огненную, устрашающую картину»[282].

Грозным оружием считались серпоносные колесницы, изобретенные персами, но широко использовавшиеся в армии Селевкидов. Согласно Ксенофонту «от осей у них – чтобы резать всех, кто окажется рядом, – идут вытянутые параллельно земле лезвия, а под днищем лезвия торчат отвесно»[283], чтобы доставать до упавших и подбиравшихся снизу. Слабым местом серпоносных колесниц, как и фаланги, была потребность в большом ровном пространстве, так как «главное для этих колесниц – продолжительный разбег, который сообщает стремительность и мощь их прорыву сквозь неприятельские ряды, а на коротком расстоянии они бесполезны и бессильны, словно стрелы, пущенные из плохо натянутого лука»[284]. В армии Митридата серпоносные колесницы в количестве ста тридцати составляли особое подразделение под командой Кратера[285].

Флот Митридата Эвпатора к 89 г. до н.э. состоял из 300 триер и 200 диер[286], в том числе не менее семи десятков «броненосных», обшитых бронзовыми листами[287]. Плутарх говорит о роскоши царских кораблей, упоминая "раззолоченные шатры, бани для наложниц и роскошные покои для женщин".[288]

---

[279] *Liv.* XXXI, 35-36
[280] *Plut.Sylla,* 15;20
[281] *App.Mithr.,*41
[282] *Plut.Sylla,*16
[283] *Xen. Anab.,* I,8,10. Подробное описание серпоносных колесниц приводит Тит Ливий (XXXVII, 41,6-7), но его анализ убеждает, что сам Ливий серпоносной колесницы никогда не видел
[284] *Plut.Sylla,*18
[285] *App.Mithr.,*17
[286] *App.Mithr.,*17; *Memn.,*31. И.Кромайер считает эти сведения завышенными и полагает, что численность митридатова флота не превышала 150 кораблей (Kromayer J. Die Entwicklung der römischen Flotte vom Seeräuberkriege des Pompeus bis zur Schlacht von Actium // Philologus, 56, 1897.S. 471-473)
[287] См.: *Plut.Sylla,*22
[288] *Plut.Luc.,*7

Рисунок 35. Никомед IV. Монета Вифинии.

Понтийский царь, дабы отрезвить римских представителей, решился продемонстрировать силу: Ариарат Эвсеб Филопатор вторгся в Каппадокию и в очередной раз изгнал Ариобарзана. Результат такого шага получился противоположным желаемому – римские магистраты на Востоке, заручившись поддержкой сената[289], принялись набирать войска: Манлий Мальтин и пропретор Киликии Квинт Оппий, расположившись у границ Каппадокии, собрали 40 тысяч пехотинцев и 4 тысячи конных, по столько же – наместник Азии Луций Кассий у Гордиукомэ на Сангарии и ставший лагерем на реке Биллей в Вифинии Маний Аквилий; одновременно к Византию был вызван римский флот под командованием Минуция Руфа и Гая Попилия[290]. Тем не менее, Митридат сделал последнюю попытку предотвратить войну, вновь послав Пелопида на переговоры с вифинцами и Манием Аквилием.

На этот раз тон понтийского представителя был жестким: Митридат ультимативно требовал – либо римляне заставят Никомеда прекратить враждебные действия и вынесут на рассмотрение сената вопрос о правах Ариарата VIII на Каппадокию, взамен понтийский царь обещал помощь в Марсийской войне, либо римско-понтийский союз будет разорван, последнее согласно нормам античного международного права означало войну. «Или запретите Никомеду обижать ваших друзей …, – заявлял Пелопид, – или разорвите эту притворную с Митридатом дружбу, или пойдемте в Рим на суд»[291]. Маний Аквилий отклонил царские требования, переговоры были прерваны. Митридат все же отправил посольство в Рим, но и народ, и сенат были настроены к нему враждебно, его послов в тот же день отправили назад, приказав более никого не присылать, пока он не выкажет повиновения[292]. На Синопу двинулось насчитывавшее 50 тысяч пехотинцев и 6 тысяч конницы войско Никомеда Филопатора, одновременно в Каппадокию вторглись Оппий и Мальтин[293]; началась в течение пятнадцати лет всеми силами избегавшаяся Митридатом Эвпатором большая война.

---

[289] *Oros.*,VI,2,1; *Eutr.*,V,5
[290] *App.Mithr.*, 17
[291] Ibidem,15–16
[292] *Dio Cass.*,fr.99,2
[293] *App.Mithr.,* 17; *Iust.*, XXXVIII,3,8. Античные авторы относят начало I Митридатовой войны к 88 году до н.э. (*App.Mithr.*,17; *Iust.*, XXXVIII,8,1; *Oros.*,V,19,1). Однако, А.Шервин-Уайт (*Shervin-White A.N.* The Opening of the Mithridatic War // Φιλεας Χαριν. Vol.VI. Rome, 1980. P.1981-1995) полагает, что они имеют в виду официальное объявление войны, а военные действия, вплоть до изгнания Никомеда из Вифинии, происходили в 89 году до н.э. (см. *Liv.*Per.,76)

Рисунок 36. Воины в малоазийском вооружении. Рельеф из Пергама.

Навстречу Никомеду понтийский царь выслал сорокатысячную армию под командованием выходцев из Македонии[294] братьев Архелая и Неоптолема с приданными им десятью тысячами всадников царского сына Аркафия, наместника Малой Армении, и серпоносными колесницами Кратера[295]. Часть ее в Доманитиде, на реке Амний столкнулась с Никомедом. «Чтобы не быть окруженными вифинцами, намного превосходившими их численностью, военачальники Митридата послали небольшой отряд на ранее захваченный ими скалистый и крутой холм на равнине. Но когда Неоптолем увидел, что они сброшены с этого холма, то, опасаясь быть окруженным, стремительно бросился на помощь, увлекая вместе с собой и Аркафия. Заметив это, и Никомед в свою очередь двинулся против него; здесь произошло сильное сражение и кровопролитие. Так как Никомед, обладая большими силами, стал одолевать, то войско Митридата принялось отступать до тех пор, пока Архелай, зайдя с правого фланга, не напал на преследующих. Тогда они обратились против него. Он же понемногу стал отходить, чтобы воины Неоптолема могли остановиться и возвратиться после бегства. Когда же Архелай заметил, что они собрались с силами, он перешел в наступление с сильным натиском и бросил против вифинцев колесницы с косами, которые стали их давить и рассекать кого на две, а кого на много частей. Это повергло в ужас воинов Никомеда, когда они увидели людей, разрезанных пополам, но еще дышащих, или растерзанных в куски, и тела, повисшие на колесницах… В страхе они смешали свои ряды. На них, приведенных в беспорядок, Архелай стал наступать в лоб, а Неоптолем и Аркафий, вернувшись после бегства, напали с тыла. Те долгое время защищались, повернувшись против тех и других, но когда большая часть войска была перебита, Никомед с оставшимися бежал в Пафлагонию… Победу одержало войско немногочисленное над превосходящим его намного численностью не вследствие какой-либо сильной позиции или ошибки неприятеля, но благодаря военачальникам и храбрости воинов»[296]. Остатки армии Никомеда разбегались при виде

[294] Глафира, правнучка Архелая, возводила свое происхождение к Темену, родоначальнику македонских царей (*Ios.Fl.Bell.Iud.*,I,24,2)
[295] *App.Mithr.*,17; *Memn.*, XV,31,1
[296] *App.Mithr.*,18-19

митридатовых войск, дело дошло до того, что восемьсот вифинских всадников были биты сотнею сармат[297].

Вслед за победой на Амнии навстречу Манию Аквилию через Пафлагонию вышел сам царь со стопятидесятитысячным войском, к которому по пути присоединился конница Неоптолема. Римский ставленник Пилемен бежал из Пафлагонии[298]. Одновременно были начаты боевые действия у границ Каппадокии против Оппия.

Рисунок 37. Боевой конь. Малоазийский рельеф (т. наз. "Погребальный памятник Митридата").

[297] *App.Mithr.*,19
[298] *Oros.*, VI,2,2

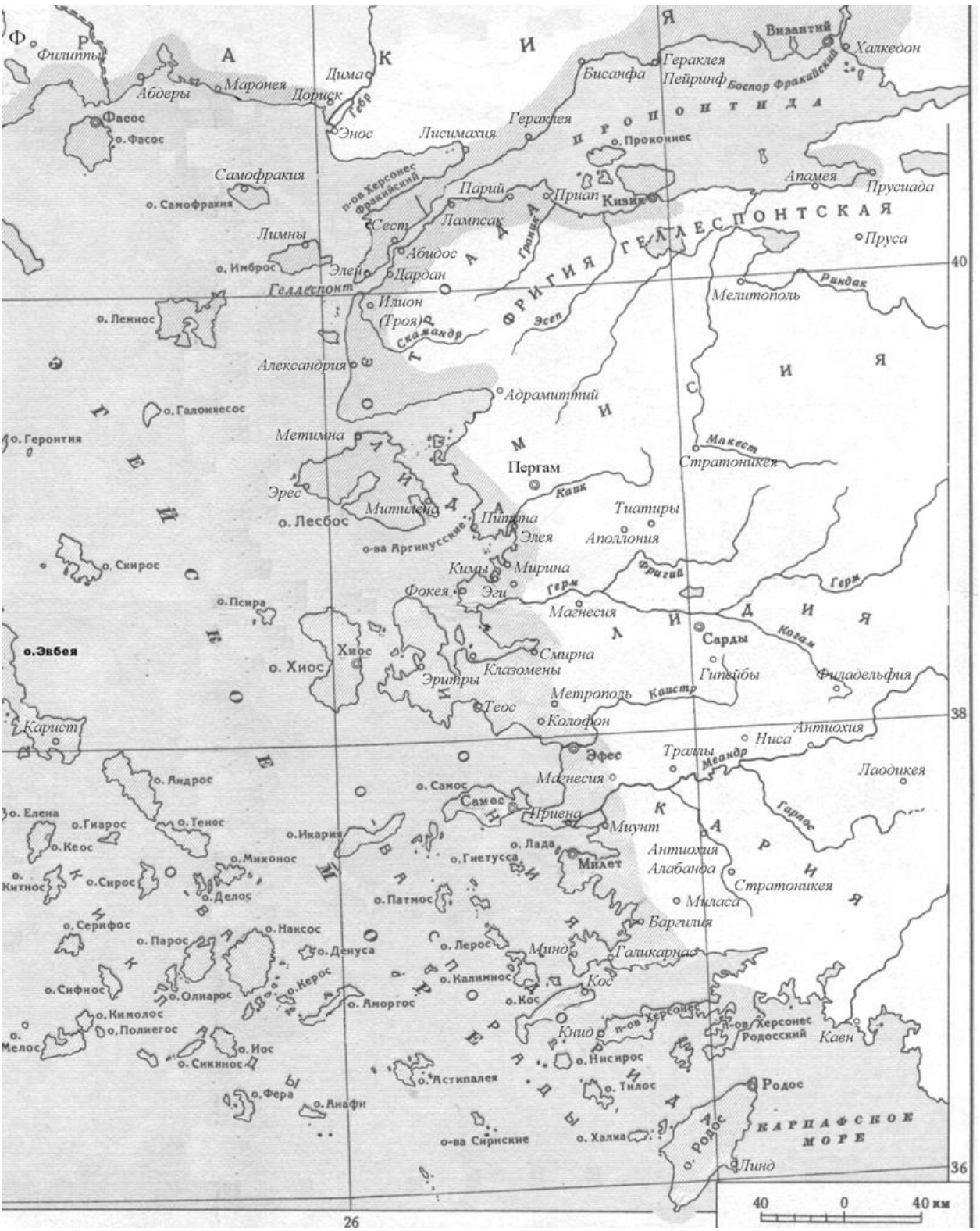


Рисунок 38. Западная часть Малой Азии в I в. до н.э.

Митридат встретился с Аквилием у Пахия на реке Сангарий. В произошедшей битве царские полководцы Менофан, Найман и отличившийся уже на Амнии Неоптолем нанесли римскому консуляру сокрушительное поражение – потери его войска убитыми составили десять тысяч человек. Многие попали в плен, но вместо того, чтобы, по обычаю, продать их в рабство, Митридат "дал им всем одежду и припасы на дорогу и отправил по домам"[299]. Оставшиеся у Мания Аквилия воины, набранные из числа провинциалов, ночью сдались

[299] *Diod.*,XXXVII,26

победителю. Архелай, не встретив сопротивления, занял Вифинию. Маний Аквилий, а вместе с ним Никомед бежали дальше – к Кассию. Мгновенному падению Никомеда в первую очередь способствовали настроения вифинцев, о которых можно судить хотя бы по тому, что отослав после провалившихся переговоров митридатова посла Пелопида, Аквилий и Никомед «вместе с ним отправили стражу, чтобы по дороге он не мог никого возбудить против них»[300].

Рисунок 39. Митридат Эвпатор в военном облачении. Слепок с инталии. Эрмитаж.

Весной или в начале лета 88 г. до н.э. победоносная армия Митридата Эвпатора вступила в провинцию Азия[301].

Перед началом похода Митридат вроде бы обратился к войску с речью, содержание которой передает Помпей Трог. Сам факт произнесения речи сомнений не вызывает – такие обращения полководца к своим воинам были обычной практикой античности, хотя трудно представить себе как физически выглядело выступление под открытым небом перед стотысячной аудиторией. Однако, насколько то, что излагает римский историк, соответствует тому, что действительно говорил понтийский царь – установить невозможно. Скорее всего, содержание речи целиком придумано Помпеем Трогом, но она позволяет представить, как понимали и объясняли причины войны современники (Трог писал приблизительно поколением позже Митридата) и заслуживает того, чтобы привести ее с некоторыми сокращениями. Митридат Эвпатор будто бы сказал: "Для него весьма желательно обсудить вместе с собравшимися, должно ли с римлянами воевать или жить в мире с ними. Но ведь в том, что следует давать отпор нападающим, не сомневаются и те, кто не надеется на победу, ведь против разбойника все обнажают оружие, и если не ради спасения, то из чувства мести. Впрочем, дело сейчас не в том, можно ли оставаться в бездействии, – ведь речь идет не о враждебных настроениях, а уже произошло сражение; поэтому надо уже подумать, какими способами вести войну и на что можно надеяться. Он, Митридат, уверен в победе, если только у воинов хватит мужества. Что римлян победить можно, самим солдатам ясно не меньше, чем ему, Митридату: ведь разбили же они уже Аквилия в Вифинии, а Мальтина в Каппадокии. Но если на кого-нибудь больше действуют чужие примеры, чем собственный опыт, то он, Митридат слыхал, что римляне были разбиты в трех битвах Пирром, царем Эпира, у которого было не больше пяти тысяч македонян. Слыхал он также, что Ганнибал шестнадцать лет

[300] *App.Mithr.*,16
[301] Ibidem. 19-20

пробыл в Италии как победитель, а если он не захватил саму столицу, то не потому, что римское войско ему помешало, а вследствие происков его врагов и завистников на родине... И, как говорят, Рим был не только побежден, но и взят галлами, так что осталась только вершина одного из холмов, а врага они удалили не оружием, а выкупом... Далее Митридат сказал, что ему известно: сама Италия с тех пор, как основан Рим, никогда не была покорена им вполне, но в течение всего времени постоянно одни упорно боролись за свою свободу, а некоторые даже за главенство в Италии... И сейчас, в настоящее время, вся Италия охвачена восстанием, идет Марсийская война, италики требуют уже не свободы, а участия в управлении государством. Но не менее, чем от этой войны, происходящей в Италии, римляне страдают от внутренней борьбы, борьбы между разными партиями среди влиятельнейших лиц в государстве, и эта назревающая гражданская война гораздо опаснее италийской... Поэтому он, Митридат, полагает, что у римлян даже не будет времени для войны с ним.

Итак, – продолжал Митридат, – он считает, что необходимо воспользоваться благоприятным случаем как можно скорее увеличить свои силы, чтобы не пришлось, если сейчас оставить римлян, занятых, в покое, воевать с ними, когда они освободятся от других врагов ... Не о том следует рассуждать, должно ли вообще браться за оружие, а о том, кто из них воспользуется удобным моментом: он или римляне. Ведь римляне, по существу, уже начали с ним войну уже тогда, когда они отняли у него, бывшего еще ребенком, Великую Фригию... Далее, когда римляне приказали ему, Митридату, уступить Пафлагонию, разве это не было своего рода войной?.. И в чем, собственно, он не уступил римлянам? Разве он не уступил Фригии и Пафлагонии? Разве он не отозвал сына из Каппадокии, которую он занял по праву победителя, праву, принятому всеми народами? Так право победителя нарушено по отношению к нему теми, кто сами все добыли войной. И разве он, Митридат, не убил в угоду римлянам вифинского царя Хреста, против которого сенат постановил вести войну? И однако же ему, тем не менее, вменяют в вину все, что бы ни сделали Гордий или Тигран... По наущению римлян напал на него Никомед. Когда же он выступил, чтобы отомстить, римляне сами выступили против него. И теперь у римлян будет поводом к войне против него то обстоятельство, что он не отдал себя безнаказанно на растерзание Никомеду, этому сыну танцовщицы.

Поистине римляне преследуют царей не за проступки, а за силу их и могущество ... Римляне вменили себе в закон – ненавидеть всех царей, очевидно потому, что у них были такие цари, от одного имени которых они краснеют – туземные пастухи, сабинские предсказатели, коринфские изгнанники, этрусские рабы и их сыновья или люди, носившие прозвище "Надменных", прозвище, которое из всех перечисленных было все же самым почетным. А основатели их государства, как сами они говорят, вскормлены сосцами волчицы. Поэтому у всего римского народа и души волчьи, ненасытные, вечно голодные, жадные до крови, власти и богатств.

А если он вздумает считаться знатностью с римскими царями, то окажется славнее этого скопища бродяг; и среди его предков со стороны отца он может назвать Кира и Дария, основателей персидского государства, а со стороны матери он происходит от Александра Великого и Селевка Никатора, творцов македонской державы.

Если же сравнивать подвластные ему народы с подвластными Риму, то он является царем народов, которые не только равны народам римской державы, но давали отпор и македонянам. Ни один из народов, ему подвластных, не знал над собою чужеземной власти, никогда не подчинялся никаким царям, кроме отечественных...

К Понтийской войне он, Митридат, приступал с гораздо большей робостью и неуверенностью, так как сам был в то время неопытен и неискушен в военном деле; защитой же скифам служат – помимо оружия и храбрости – незаселенные степи и холода... К этим затруднениям присоединялось также и то, что не было надежды на добычу от врагов-кочевников, у которых нет даже селений, а не то что денег. Теперь же он начинает войну на других условиях. Ведь нигде нет такого приятного климата, как в Азии, более плодородной почвы, большей привлекательности из-за многочисленности городов. Эта война, о которой трудно сказать, будет ли она более легка или более выгодна, будет для них скорее

празднеством, чем походом. Ведь они слышали о недавно накопленных богатствах царства Аттала и о древних сокровищах Лидии и Ионии, которые они идут не завоевывать, а вступить во владение ими.

Азия ждет его, Митридата, с таким жадным нетерпением, что взывает к нему с громким призывом: такую ненависть к римлянам вызвали там хищничество наместников, поборы откупщиков, злоупотребления в судах. Пусть только воины смело идут за ним, пусть они сообразят, каких успехов может добиться столь многочисленное войско под предводительством его, Митридата, его, который действуя совершенно один, не получив ни от кого военной помощи, овладел Каппадокией, убив ее царя; который единственный из всех смертных покорил весь Понт и Скифию, куда никто до него не мог проникнуть и остаться невредимым.

Что же касается до справедливости его и щедрости, то ему не приходится прибегать к другим свидетелям, кроме самих воинов, которые испытали их на себе. Доказательством их служит и то, что он единственный из всех царей владеет не только отцовским царством, но и чужеземными, приобретенными благодаря его широкой щедрости путем наследования, а именно – колхами, Пафлагонией, Боспором"[302].

[302] *Iust.*,XXXVIII,4-7

АПОФЕОЗ

Тенелла! Светлопобедный, радуйся царь Геракл!

Архилох

С конца 90-х годов до н.э. положение жителей римской провинции Азия стало невыносимым. В связи с Марсийской войной «все народы и города…, которые благодаря союзу с Римом или за какие-нибудь другие заслуги пользовались автономией и были свободны от податей, – все они получили теперь приказание платить дань и повиноваться»[303]. Гераклея, Клазомены, Милет принуждены были за свой счет поставлять римлянам военные корабли[304]. Скрытое до поры до времени брожение стало вырываться наружу, жителей провинции охватили настроения, в которых «вера в близкую гибель мира причудливо переплетались с мечтами о предстоящем золотом веке»[305]. Из уст в уста передавался рассказ о некоем мальчике из Тралл, будто бы увидевшем в воде Гермеса и в 300 стихах предсказавшем приход Спасителя[306].

Когда на границах провинции появился после своих ошеломляющих побед Митридат Эвпатор, жители Азии увидели в нем – ибо жаждали увидеть – желанного избавителя, тем более, что, по замечанию Тита Ливия, «если бы даже свобода и не была предпочтительнее рабства, то все-таки для каждого надежда на перемену своего положения приятнее всякого настоящего состояния»[307].

Набранные для войны с Митридатом из числа провинциалов войска массами дезертировали, а казавшаяся незыблемой римская власть расползалась на глазах. Луций Кассий, к которому явились разбитые на Протопахии Аквилий и Никомед, вынужден был перед лицом начавшегося в его армии разброда отступить от Гордиукомэ вглубь Фригии к Леонтокефалее, где он надеялся навести порядок в войсках, но там при приближении понтийцев солдаты Кассия окончательно разбежались. Несостоявшиеся победители Митридата, теперь уже втроем – Кассий, Аквилий и Никомед – продолжили бега, запершись в главном городе Фригии Апамее Киботос[308].

Рисунок 40. Митридат Эвпатор. Золотой статер.

[303] *App. Bell. Civ.*,I,102
[304] Reinach Th.Op.cit.P.111; *Memn.*,29
[305] Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима.М.,1977.С. 75
[306] *Varro. Apol.*,II
[307] *Liv.*,XXXV,17,9
[308] *App.Mithr.*,19

Войдя во Фригию, понтийский царь завернул на стоянку Александра Великого, «считая для себя счастливым предзнаменованием, что там, где останавливался Александр, стал лагерем и Митридат»[309]. По выстроенной еще в персидские времена дороге Митридат Эвпатор подошел с войском к городу, в котором ровно за сто лет до того был заключен договор, положивший начало римскому владычеству на Востоке. При приближении к нему стало известно, что римские полководцы, отчаявшись организовать оборону, покинули Апамею. Кассий ушел на Родос, Маний Аквилий и Никомед – в Пергам, откуда их пути разошлись: Аквилий отправился на Лесбос, Никомед на Эвбею и дальше в Италию[310]. Понтийский царь беспрепятственно овладел одним из крупнейших полисов Малой Азии, «торговым центром, занимающим в собственно Азии второе место после Эфеса»[311], древней столицей персидских сатрапов, а затем Антигона Одноглазого. Возле города еще были видны остатки дворцового парка, созданного некогда Ксерксом после похода в Грецию, где находились истоки реки Меандр. По преданию, здесь Аполлон, победив состязавшегося с ним в умении играть сатира Марсия, содрал с него кожу и повесил в пещере, где исток реки.

Вступив в Апамею, Митридат объявил о снятии с городской общины всех долгов и подарил сто талантов на восстановление незадолго до того разрушенных землетрясением зданий[312]. Из Апамеи царская армия вышла к Лаодикее на Лике, за стенами которой укрылся разбитый в Каппадокии Квинт Оппий (Мальтин по всей видимости погиб). Лаодикейцы на переговорах с царем заявили, что не будут препятствовать ему в осаде запершегося в цитадели Оппия, и после того, как римляне сдались, подчинились Митридату. В насмешку над пленным римским наместником горожане привели его к победителю, заставив шествовать впереди ликторов. Митридат повсюду возил его с собою, но зла не причинял[313].

Отбив нападение оставшихся верными римлянам ликийцев и писидийцев, митридатова армия повернула на северо-запад, добровольно принятая жителями Тралл и Магнесии на Меандре, и, наконец, вошла в Эфес.

Рисунок 41. Улица в Эфесе. Современный вид.

[309] *App.Mithr.*,20
[310] *Strabo*, XII,3,40
[311] Ibidem, XII,8,15
[312] Ibidem, XII,8,18
[313] *App.Mithr.*,20; *Liv.Per.*,78; *Strabo*, XII,8,16. В оглавлении Ливия сообщается, что Митридат заключил Оппия в оковы

За сорок пять лет римского господства Эфес, через который Азия преимущественно сносилась с метрополией, превратился в крупнейший город и главный порт Эгейского моря, оттеснив на задний план Родос и Афины.

Город лежал на склонах двух холмов и имел гавань, соединенную с морем каналом. Он был славен святилищем многогрудой азиатской Артемиды, темной и таинственной богини, которой служили в качестве жрецов евнухи-мегабизы. Причисляемый к семи чудесам света храм Артемисион располагался в двух километрах к северо-востоку от городских стен[314]. Восстановленный после пожара 356 г. до н.э., будто бы устроенного жадным до славы Геростратом, храм представлял собой огромное мраморное строение длиною 109 метров и шириной 55, опоясанное двойной колоннадой, со ста двадцатью семью колоннами шестнадцатиметровой высоты[315]. Алтарь был уставлен произведениями Праксителя, сама же статуя богини, которую считали чудесно уцелевшей при семи восстановлениях святилища – сделана из эбенового дерева или из лозы и покрыта роскошной золотой ризой[316].

Эфесяне, узнав о приближении понтийских войск, разрушили стоявшие в городе статуи римлян и встретили царя "почестями более, нежели человеческими", по словам Посидония[317]. “Они называли Митридата богом, они называли его своим отцом, спасителем Азии, Эвием, Нисием, Вакхом, Либером”[318].

В Эфес подошел и царский флот, пополненный судами Минуция Руфа. На нем Митридат прошел вдоль ионийского побережья, принимая под свою власть прибрежные города и селения. Митиленяне, желая выказать преданность, выдали царю укрывшегося у них Мания Аквилия[319].

Высадившись в Мисии, Митридат Эвпатор вошел в Пергам. Весь поход, исходя из обычного для древних армий дневного перехода приблизительно в 25-30 километров и считая, что на остановки было затрачено не больше времени, чем на движение, занял около 90-100 дней. За эти четыре месяца из заискивающего перед сенатом римского полуклиента понтийский царь превратился в торжествующего победу владыку огромных территорий и несметных богатств.

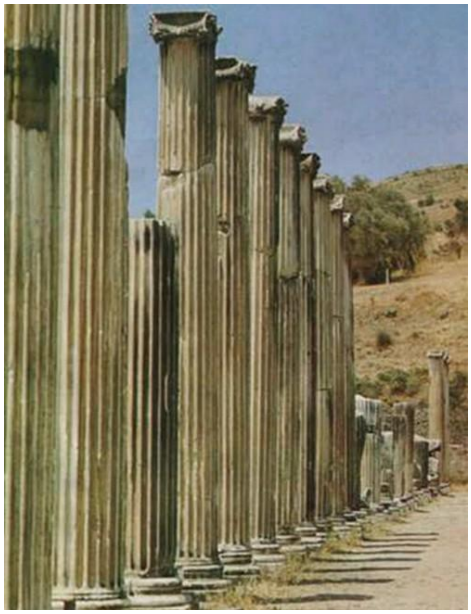


Рисунок 42. Колоннада гимнасия в Пергаме. Современный вид.

[314] Его остатки был раскопаны под слоем речных наносов в 1869 году
[315] *Plin.Hist.Nat.*, XXXVI,XXI
[316] *Plin.Hist.Nat.*, XVI,LXXIX; *Strabo*, XIV,1,23
[317] *App.Mithr.*,21; *Cic. Pro Flacco* XXV (60); *Athen.*,V, 213b
[318] *Cic.Pro Flacco*, XXV (60). "Эвий" (Вакхант), "Нисий" ("Уроженец Нисы") – эпитеты Диониса
[319] *Diod.*, XXXVII, 27,1

Пергам к тому времени уже почти полстолетия перестал быть столицей самостоятельного государства, оставаясь только центром провинции Азия, однако все еще сохранял великолепие, приобретенное при царях. Венчающий крутую скалу укрепленный акрополь украшала восьмидесятиметровая в диаметре чаша театра на 14 тысяч зрителей, за нею располагались обнесенный колоннадой из 130 колонн храм Афины Победительницы, библиотека, насчитывавшая 200 тысяч свитков, вторая в тогдашнем мире после Александрийской, дворцы общей площадью около 1300 квадратных метров, знаменитые великолепными мозаичными полами. Здесь же поднимались друг над другом на высоту двенадцати метров три гимнасия: для мальчиков, для подростков и для юношей, последний – со святилищами Деметры и Геры Царицы. На площади у храма Афины находился грандиозный алтарь Зевса и Афины с рельефными сценами борьбы богов и гигантов, построенный около 180 г. до н.э. Эвменом II в честь победы над галатами.

Рисунок 43. Митридат-Геракл, освобождающий Прометея. Пергамон-Музей.

В бывшей столице Атталидов был казнен Маний Аквилий – по одним сведениям его забили розгами[320], по другим – залили горло расплавленным золотом[321], – а вскоре в театре Пергама состоялась церемония увенчания Митридата Эвпатора лавровым венком – общепринятым в эллинском мире символом победы и знаком признания за ним основанной на праве победителя власти над Азией (правда, по вине организаторов торжество было несколько испорчено: поддерживавшая венок статуя Ники сломалась и венок распался)[322].

Действо явилось одним из звеньев широкомасштабной пропагандистской кампании, призванной обосновать законность владычества понтийского царя над новоприобретенными землями не просто как победителя, «копьем доставившего» себе власть над Азией, но как героя-освободителя. Эта идея была с наглядностью выражена в установленной в Пергаме скульптурной группе, где Геракл-Митридат освобождает Прометея-Азию. Одновременно Митридат героизируется как новый Александр, появляется тип его портрета, по мнению О.Неверова лично одобренный царем, где черты понтийского правителя сочетаются с чертами

[320] *Cic.Man.*,V (11)
[321] *App.Mithr.*,21; *Plin.Hist.Nat.*,XXXIII,XLVIII
[322] *Plut.Sylla*,11

Александра Великого: к нему относятся скульптуры из Лувра, Керчи, Одессы, Сан-Теодоро в Венеции, некоторые геммы[323]. Даже отсчет времени должен был начаться заново – в октябре 88 г. до н.э. была провозглашена зафиксированная на монетах «эра освобождения»[324]. Создаются легенды о сверхчеловеческих способностях понтийского царя, например, о знании им 22 или даже 25 языков, так что к каждому подданному он обращается на родном для того наречии[325].

На фоне развернувшейся идеологической обработки населения мероприятия, проведенные царем в отношении малоазийских гражданских общин, выглядели скромно. Митридат на пять лет освободил их от податей и кассировал долги[326]; задолженность частных лиц, ложившаяся особенно тяжким бременем на малоимущие слои населения, осталась в неприкосновенности. В городах размещались понтийские гарнизоны, в одни из них царь назначал своих эпископов (представителей), в других устанавливалась власть тираннов – Эпигона в Колофоне, сыновей Кратиппа в Траллах, философа Диодора в Адрамиттии[327]. Некоторые из них, как, например, Диодор, перебивший совет Адрамиттия, опирались на низы, но трактовать все установленные при Митридате тираннии как «по сути дела крайне демократические»[328] по меньшей мере смело. Митридат был вовсе не против того, чтобы заручиться поддержкой местной аристократии – например, театрально обставленное (царь сам пускал стрелу от угла храма) расширение зоны убежища эфесского Артемисиона до радиуса полета стрелы (около 400 метров) расширяло права храма, оплота знати, за счет гражданской общины; знатный митиленянин Асклепиодот был возведен в ранг «друзей царя»[329]. Впрочем, особые симпатии, он, кажется, вызывал в торгово-ремесленных кругах, и именно это имел в виду Цицерон, когда презрительно заявлял: "Жители Пергама …– я имею в виду всех сапожников и изготовителей поясов в Пергаме – выкрикивали все, что только Митридат (руководивший этой толпой не авторитетом, а подкармливая ее) ни пожелает"[330].

Хотя малоазийские города как правило добровольно принимали власть Митридата VI, имелись исключения. Силой была подчинена Стратоникея (вероятно речь идет о Стратоникее в Карии)[331]. Дочь стратоникейца Филопоймена по имени Монима приглянулась Митридату и он предложил ей разделить царское ложе, «царь домогался ее благосклонности и послал ей пятнадцать тысяч золотых, она на все отвечала отказом, пока он не подписал с ней брачный договор и не провозгласил царицей, прислав диадему», а Филопоймена назначил эпископом в Эфес[332]. Найденная позже переписка царя с Монимой, которую Плутарх называет "непристойной"[333], кажется, свидетельствует о сильном и откровенном чувстве сорокашестилетнего Митридата к этой женщине.

Гораздо упорнее под руководством стратега Гермия сопротивлялась Магнесия на Сипиле, под стенами которой был ранен Архелай и которую подчинили только в 86 г. до н.э.[334] Не сложили оружия пафлагонцы и ликийцы[335], враждебную по отношению к

---

[323] Неверов О.Я. Митридат и Александр…; Его же. Неверов О.Я. Митридат-Дионис // Сообщения Государственного Эрмитажа, 37 . Л., 1973.С. 41-45
[324] Reinach Th.Op.cit.P.474-475
[325] *Gell.*,XVII,7; *Plin.Hist.Nat.*,XXV,2; *Val.Max.*,VIII,7,ext.16. У Аврелия Виктора число языков, которые будто бы знал Митридат, вырастает до пятидесяти (*Aur.Vict.*,76,1)
[326] *Iust.*,XXXVIII,3,9
[327] *Plut. Luc.,3*; *Strabo*,XIII,1,66;XIV,1,42; Reinach Th.Op.cit.P.178
[328] Селецкий Б.П. Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором // Вестник древней истории. 1982, №2.С.65
[329] *Strabo,* XIV,1,23; *App.Mithr.*,48
[330] *Cic. Pro Flacco,* VII (17)
[331] Сохранилась надпись в честь одного из граждан Стратоникеи в Карии, павшего в войне с Митридатом (SEG: XXXVIII,1988, №1108)
[332] *Plut. Luc.*,18; *App.Mithr.*,21; 48. Согласно Плутарху Монима происходила из Милета
[333] *Plut.Pomp.,37*
[334] *Paus.*,I,20,3; *Liv.Per.*,81
[335] *App.Mithr.*,21

понтийскому царю позицию занял один из важнейших торговых центров Эгеиды, старый римский союзник Родос, где нашел убежище пропретор Кассий и куда стекались со всей Азии противники Митридата.

В начале осени 88 г. до н.э. Митридат Эвпатор прибыл в Эфес для сбора сил против родосцев, беспокоивших нападениями побережье. В Эфесе его встретили послы самнитов и луканов, призывавшие азиатского государя высадится в Италии, и посланец афинян философ-эпикуреец Аристион, сын Афиниона. Италийцам Митридат ответил уклончиво, что поможет им, когда захватит все римские владения в Азии[336], Аристиона же обласкал и одарил в знак расположения перстнем со своим изображением[337].

В это же время, следует предполагать, в союз с Митридатом вступили галаты, и шестьдесят галатских вождей явились к его двору в качестве друзей и союзников[338].

Вероятно тогда же, в пору наивысших успехов понтийского царя в союз с ним вступили города черноморского побережья Фракии – Одесс, Месембрия и Аполлония[339].

Именно об этом времени знаменитый философ-стоик и писатель Посидоний говорил: "Царь Митридат владеет Вифинией и верхней Каппадокией, а также всеми областями Азии до Памфилии и Киликии; его копейщики – цари армян и персов и властители народов, живущих вокруг Меотиды и всего Понта на пространстве тридцати тысяч стадий…; все общины… призывают божественного царя; оракулы со всех концов предсказывают его господство над обитаемым миром"[340].

Рисунок 44. Порт Родоса. Современный вид.

Перед отплытием на Родос Митридат предпринял шаг, который должен был крепче привязать к его колеснице эллинов Азии[341]. В определенный день по царскому указу были

---

[336] *Athen.*,V,213C; *Diod.*,XXXVII,2,11; *Sall.Hist.*,VI,13

[337] *Athen.*,V, 212d-e. Афиней называет его Афинионом и считает перипатетиком

[338] *Plut. De virt. mul.*,I,259 (23)

[339] Начало чеканки в них тетрадрахм митридатовского типа относится к 88 г. (Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.155)

[340] *Athen.*,V, 213a

[341] Мемнон указывает на время после осады Родоса (*Memn.*,31,3). К пребыванию Митридата в Эфесе до похода на Родос событие относят Аппиан (*App.Mithr.*,22-23) и Т.Ливий (*Liv.Per.*,78)

подвергнуты избиению жившие в Азии римляне, а их имущество разделено между убийцами и царем[342].

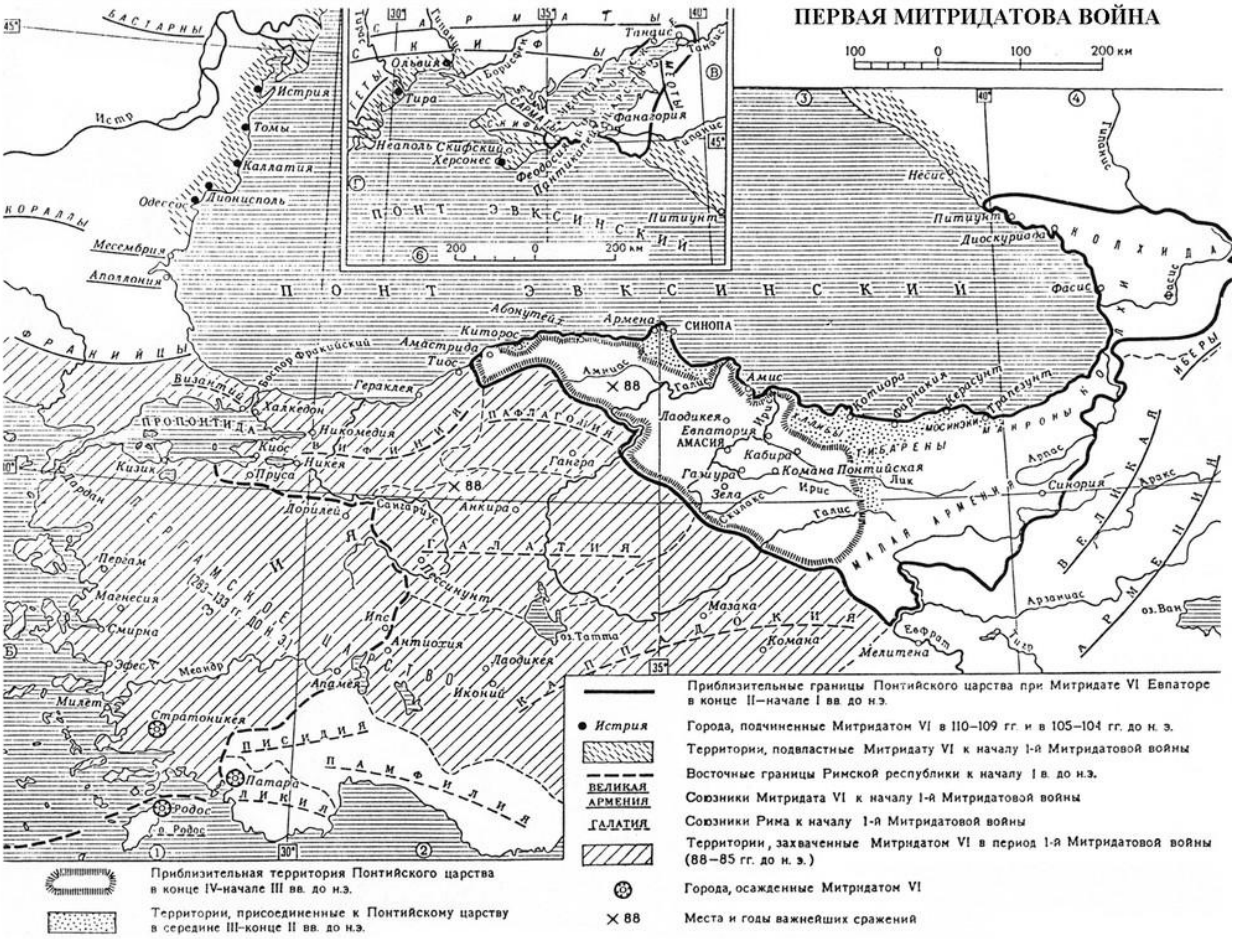
Вокруг этого так называемого «Эфесского указа» издавна ломались копья историков Митридатовых войн. Еще писавший по заказу Помпея Теофан Митиленский приписал инициативу погрома римскому изгнаннику Публию Рутилию Руфу, сочинив фальшивое «письмо Руфа Митридату»[343]. В историографии нового времени это кровавое событие часто трактовалось как проявление национальной и социальной вражды. Т. Моммзен, скажем, писал, что в избиении римлян «желание воспользоваться случаем и отделаться от долгов, как и постоянная готовность азиата служить султану в роли палача (!!!; это вообще перл стиля сего высокоученого представителя «цивилизованной Европы» – В.Т.) сыграли не менее действенную роль, чем сравнительно еще благородное чувство мести»[344], Т. Рейнак объяснял бойню чисто национальными мотивами, замечая с видом добропорядочного обывателя: «Не имеют ли преступления, вызванные расовым фанатизмом, относительного благородства сравнительно с социальной резней, двигателем которой является грабеж?»[345], наоборот, Г.Ферреро выдвигал на первый план модернизаторски трактуемую социальную природу явления, рассматривая его в ряду «неизбежных эксцессов социальных революций»[346], Б.Макгинг выдвигает более прагматические мотивы, полагая, что избиение италийцев позволило греческим полисам уменьшить частные и общественные долги, а царской казне пополнить запасы новыми поступлениями за счет конфискаций[347].

В самих сообщениях древних писателей о резне многое кажется сомнительным. Вызывает недоверие число жертв, которое у разных авторов отличается вдвое: Плутарх пишет о ста пятидесяти тысячах, а Мемнон передает сведения о том, что «в один и тот же день восемьдесят тысяч человек нашли гибель от меча»[348]. Аппиан излагает будто бы содержание указа: «Выждав тридцать дней, сразу всем напасть на находящихся у них римлян и италиков, на них самих, на их жен и детей, и отпущенников, которые будут италийского рода, и, убив их, бросить их без погребения, а все имущество поделить с царем Митридатом. Он объявил и наказания тем, кто их будет хоронить или укрывать, и награды за донос тем, кто изобличит или убьет скрывающихся: рабам за показание против господ – свободу, должникам по отношению к своим заимодавцам – половину долга»[349]. Однако, текст, во-первых, подозрительно похож на указы о проскрипциях, издававшиеся Суллой и Вторым Триумвиратом[350]; во-вторых, содержит очевидную несообразность: большая часть италиков ко времени издания этого указа еще воевала с Римом, и убивать их означало бы для Митридата истреблять союзников. Авторы, близкие по времени к происшедшему, Цицерон и Тит Ливий, говорят об избиении именно римских граждан. Однако, в последние три десятилетия II в. до н.э. общее число граждан Рима составляло около 390 тысяч человек[351]. Предполагать, что за полвека после обращения Пергамского царства в провинцию туда переселились на неизвестно какие хлеба каждые четверо или хотя бы двое из десяти римлян – совершенная фантастика. Приводимые Плутархом и Мемноном сведения о числе погибших – риторические преувеличения, действительное количество убитых, вероятно, никогда не было определено. К тому же, Митридат VI на протяжении всей своей деятельности весьма благожелательно относился к тем римлянам и италикам, которые готовы были с ним сотрудничать, и в период своего господства в Азии он с почетом принимал жившего в изгнании в Смирне консула 105 г. до н.э. стоика Публия Рутилия Руфа, в Траллах при нем продолжал справляться установленный в честь проконсула Квинта Муция Сцеволы праздник

---

[342] *App.Mithr.*,22;62; *Aur.Vict.*,76,3; *Cic. Man.*,V (11); *Dio Cass.*,XXX-XXXI,101; *Liv.Per.*,78; *Plut.Sylla*,24
[343] *Plut.Pomp.*,37
[344] Моммзен Т. История Рима. Том 2.С.268-269
[345] Reinach Th.Op.cit.P.129
[346] Ферреро Г. Величие и падение Рима. Том I. М.,1915.С.87-88
[347] McGing B.Op.cit.P.109-111
[348] *Plut. Sylla*, 24; *Memn.*, XV,31,3; *Val.Max.*,IX,2,ext.3
[349] *App.Mithr.*,22
[350] *App.Bell.Civ.*, I,95; IV,11
[351] *Liv.Per.*,60; 63

Мукиенны[352], так что возникает вопрос – а царская ли воля явилась причиною истребления оказавшихся в Азии римлян?


ПЕРВАЯ МИТРИДАТОВА ВОЙНА
100 0 100 200 км
Приблизительные границы Понтийского царства при Митридате VI Евпаторе в конце II—начале I вв. до н.э.
Города, подчиненные Митридатом VI в 110–109 гг. и в 105–104 гг. до н. э.
Территории, подвластные Митридату VI к началу 1-й Митридатовой войны
Восточные границы Римской республики к началу I в. до н.э.
Союзники Митридата VI к началу 1-й Митридатовой войны
Союзники Рима к началу 1-й Митридатовой войны
Территории, захваченные Митридатом VI в период 1-й Митридатовой войны (88–85 гг. до н. э.)
Города, осажденные Митридатом VI
Места и годы важнейших сражений
Приблизительная территория Понтийского царства в конце IV-начале III вв. до н.э.
Территории, присоединенные к Понтийскому царству в середине III-конце II вв. до н.э.
ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ
ГАЛАТИЯ
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
СИНОПА
АМАСИЯ
Амисс
Амастрида
Киторос
Абонутейх
Армена
Гераклея
Никомедия
Никея
Пруса
Дорилей
Анкира
Ганера
Лаодикея
Евпатория
Кабира
Комана Понтийская
Зела
Ирис
Галис
Трапезунт
Котиора
Фарнакия
Керасунт
Мосинэки
Тибарены
Колхиды
Фасис
Диоскуриада
Питиунт
Несис
Синория
Арпас
Аракс
Арзаниас
Евфрат
Мелитена
Мазака
Комана
Иконий
Лаодикея
Антиохия
Апамея
Ипс
Голгосиунт
Пергам
Магнесия
Смирна
Эфес
Милет
Стратоникея
Патара
Родос
Бастарны
Истр
Истрия
Томы
Каллатия
Одессос
Дионисполь
Коралы
Мессембрия
Аполлония
Фракийцы
Бостор Фракийский
Византия
Халкедон
Киос
Кизик
Пропонтида
Пафлагония
Галатия
Киликия
Памфилия
Ольвия
Тира
Танаис
Фанагория
Неаполь Скифский
Херсонес
Феодосия
Пантикапей
Боспор
Скифия
Сарматы
Таврика
Гетики
Иберы
Армения
Мидия
Парфия
Вифиния
Понт
Каппадокия
Киликия
Сирия
Финикия
Иудея
Аравия
Египет
Фракийцы
Оз. Ван
Оз. Тотта
Оз. Рефос
Галис
Халис
Тигр
Евфрат
Аракс
Araxes
Halys
Tigris
Euphrates
Halis
Tanais
Ister
Danube
Tyras
Borysthenes
Tanais
Bosporus
Propontis
Hellespontus
Euxinus
Pontus
Cappadocia
Cilicia
Syria
Phoenicia
Judea
Arabia
Aegyptus
Thracia
Macedonia
Mysia
Bithynia
Paphlagonia
Galatia
Lycia
Pamphylia
Cyprus
Rhodos
Lesbos
Chios
Samos
Lemnos
Imbros
Tenedos
Cretes
Sicilia
Sardinia
Corsica
Baleares
Hispania
Gallia
Germania
Britannia
Italia
Roma
Carthago
Numidia
Mauretania
Cyrenaica
Aegyptus
Alexandria
Memphis
Thebae
Nilus
Mare Nostrum
Mare Magnum
Mare Internum
Mare Ponticum
Mare Caspium
Mare Rubrum
Mare Nigrum
Mare Adriaticum
Mare Tyrrhenum
Mare Ionium
Mare Aegaeum
Mare Cretum
Mare Libycum
Mare Atlanticum
Mare Germanicum
Mare Britannic

геноцида Марк Порций Катон-старший и его непосредственный исполнитель, Публий Корнелий Сципион Эмилиан, до сегодняшнего дня – признанные образцы древних доблестей.

Отплыв из Эфеса с флотом, включавшим помимо собственно понтийских корабли малоазийских городов, Митридат по пути на Родос захватил остров Кос, где ему достались сокровища Птолемеев, вывезенные из Александрии в 101г. до н.э. во время войны царицы Клеопатры III с сыном Птолемеем Латиром. Среди них находились личные вещи Александра Великого; один из перстней, возможно принадлежавших Александру, сопровождал понтийского царя до конца дней и был найден в прошлом веке в Керчи, во время Крымской войны вывезен в Англию и ныне хранится в Британском музее[356]. Там же были 800 талантов, принадлежавших александрийским иудеям[357].

Вместе с сокровищами в руки Митридата попал тринадцатилетний сын египетского царя Птолемея X Птолемей Александр. До конца войны египетский царевич жил при дворе Митридата, пока не бежал к Сулле, у которого стал близким человеком. У него Птолемей Александр II и находился до 80 г. до н.э., пока не был возведен римлянами на престол трагического девятнадцатидневного царствования[358].

Рисунок 46. Митридат-Геракл. Лувр.

Военные действия под Родосом с самого начала пошли неудачно для Митридата. Городские укрепления считались одними из лучших в античном мире. Особенно

[356] Неверов О.Я. Геммы античного мира.М.,1983.С.52-53

[357] *Ios.Fl.Ant.*,XIV,7,2. Сам Иосиф Флавий полагает, что деньги принадлежали иудеям Азии, но в таком случае непонятно, почему они оказались вместе с сокровищами Клеопатры III

[358] *App.Mithr.*,23; *App.Bell.Civ.*, I,102; FHG:III,722. Условием воцарения Птолемея Александра был брак с правившей в Египте Клеопатрой Береникой, которая приходилась ему одновременно кузиной и мачехой. На девятнадцатый день супружества молодой царь организовал убийство жены, но был растерзан восставшими александрийцами, среди которых погибшая пользовалась любовью

изобретательным устройством отличалась главная гавань Родоса. В залив, вокруг которого располагался город, вдавались два мола, обнимавшие пространство шириной почти шестьсот шагов. Позади большой гавани располагалась меньшая, с более узким входом, предназначенная для родосского военного флота. Всякому, кто ее осматривал или проникал внутрь, было установлено наказание смертью. Вдоль молов и вокруг города тянулась крепкая, снабженная множеством башен стена[359].

Попытка царского флота окружить и захватить корабли островитян закончилась, несмотря на численное превосходство, провалом, лучше знавшие местность родийские суда укрылись в защищенной заградительными цепями внутренней бухте. Высадившись на острове, понтийцы начали осаждать его столицу с суши, но пока царские воины стояли под стенами города, осажденные под руководством наварха Дамагора совершали дерзкие нападения на митридатов флот, в возникшей во время одной из ночных стычек неразберихе хиосская триера ударила и повредила корабль, на котором находился сам Митридат Эвпатор, в другой раз Дамагор напал на рассеянные волнением корабли с прибывшим к Митридату подкреплением и захватил в плен около трех сотен человек[360]. В их числе оказался царев любимец Леоник, некогда спасший Митридату жизнь, на которого царь приказал обменять всех пленных родосцев[361]. Провал потерпели также попытки овладеть Родосом при помощи сторонников Митридата из числа горожан: поданный ночью с храма Зевса Атабирия сигнал об открытии ворот оказался ложным и понтийский штурм захлебнулся, как и предпринятая после рассвета дневная атака с моря и с суши. Во время нее родосцы уничтожили подведенную к укреплениям большую стенобитную машину – самбуку, которую везли меж двух кораблей и из которой одновременно выбрасывалось много стрел, таранов и дротиков[362].

Ввиду приближения зимы понтийский царь снял осаду. Родос, завоевавший славу неприступного в войне с Деметрием Полиоркетом, через двести шестнадцать лет подтвердил ее в сражении против потомка Деметрия. Как и в случае с Деметрием родосцы остались верны понятиям приличия: все время осады в Родосе стояла воздвигнутая ранее статуя Митридата Эвпатора[363].

Неуспех под Родосом Митридат попытался возместить в Ликии, где осадил Патары, но и эта осада начала затягиваться, тогда Митридат, объявив, что видел неблагоприятный сон, свидетельствующий о гневе богов за вырубку священной рощи Латоны – в подтверждение было приказано приостановить дальнейшую рубку деревьев и не трогать уже приготовленные – поручил ведение войны против ликийцев Пелопиду, а сам возвратился в Эфес[364], откуда отбыл в Пергам.

Там разместился его отличавшийся баснословной роскошью двор. Царь спал на ложе Дария, пользовался туалетным прибором Клеопатры III и одевался в тунику Александра, захваченную на Косе; по его заказу был сделан меч с ножнами, оценивавшимися в 400 талантов[365].

Митридат судил соревнования в гимнасиях, сам участвовал в состязаниях колесничих и едоков: в первых он уступил Алкею из Сард, зато во вторых оставил позади прославленного в Восточном Средиземноморье обжору атлета Каламодра из Кизика[366]. Николай Дамасский пишет об этом: "Митридат, предложивший состязаться в том, кто больше съест и выпьет (наградой был талант серебра), победил и в том, и в другом. Однако он отказался от награды в

---

[359] *Strabo* XIV, 2, 5; *Diod.*,XX,81

[360] *App.Mithr.*,25-26; *Diod.*,XXXVII,28

[361] *Val.Max.*,V,22. Возможно, в тексте Валерия Максима имя написано искаженно, и речь идет о Леониппе, сатрапе Карии, а в 72-70 годах одном из руководителей обороны Синопы от римлян

[362] *App.Mithr.*, 26

[363] *Cic.Verr.*,II,LXV(159). Во время осады Родоса Деметрием Полиоркетом в 305-304 г. до н.э. родосцы оставили неприкосновенными стоявшие в их городе статуи Деметрия и его отца Антигона (*Diod.*,XX,94)

[364] *App.Mithr.*,27

[365] *Plut.Pomp.*,42

[366] *Plut.Pomp.*,37; *Plut.Symp.*, 624A. Согласно надписям с Хиоса Митридат Эвпатор четырежды добивался там победы на конных ристалищах (Robert L. Sur les inscriptions de Chios // Bulletin de correspondence hellénique, 1935, vol.59. P. 459-465)

пользу атлета Каламодра Кизикийца, оказавшегося вторым" [367] . Царь пополнял свою коллекцию резных камней, занимался любимой медициной, испробывая новые средства и методы лечения на приближенных[368], наконец, он еще раз женился, очередной супругой его стала Береника с Хиоса[369].

Впрочем, царь не ограничивался только своими женами. Ходили слухи, что его наложницей была Адобогиона, жена знатного галата Менодота; по крайней мере ее сыну, рожденному в Пергаме, родственники дали имя Митридат и приписывали царское происхождение[370]. Позднейшие заявления Архелая, сына Архелая, о том, что он, мол, тоже сын Митридата Эвпатора[371], заставляют задуматься и над отношениями царя с женой его самого видного полководца, хотя слова Архелая-младшего могут быть обычным примером хорошо известной в истории "клеветы на родную мать, при помощи которой создаются любые генеалогии"[372].

В Пергам к Митридату приходили известия и об успехах его армянского союзника и зятя. В начале 80-х годов до н.э. у главных противников Тиграна – парфянских Аршакидов – начались династические неурядицы. Около 90 г. до н.э. против стареющего Митридата II выступил Готарз, который хотя после смерти соперника около 88 г. и овладел всем царством, однако по всей вероятности не получил всеобщей поддержки. Воспользовавшись этим, Тигран вторгся в Адиабену, где опустошил область древней Ниневии и Арбел. Затем он подчинил себе ранее зависимых от парфян правителей Гордиены (Кордуэны, страны курдов) и Мидии Атропатены и с их помощью овладел землями между Тигром и Евфратом вплоть до Селевкии. Готарз попытался противодействовать, но потерпел поражение от Тиграна, предпринявшего большой поход вглубь Великой Мидии и дошедшего до Экбатан, летней резиденции парфянских царей, где он сжег пригородную крепость Адрабаны[373]. После этого титул «царь царей» перешел от Аршакидов к Тиграну.

Тем временем война Митридата с римлянами продолжалась, лишь переместив центр свой из Азии на Балканы.

---

[367] *Nic.Dam.*,103(fr.82)
[368] *Plut.Quom.adult.*,14. Плиний (*Hist.Nat.*,XXIII,VIII,149) приводит рецепт противоядия, будто бы собственноручно написанный Митридатом
[369] *Plut. Luc.*,18
[370] *Strabo*,XIII,4,3
[371] *Strabo*, XII,3,34
[372] Выражение востоковеда Л.В.Строевой
[373] *Strabo*,XI,14,15; Манандян Я.А. Тигран II и Рим … .С.47-52

ЭЛЛАДА

> И хотя на опасности мы легко идем скорее по беспечности, чем из привычки к тяготам, скорее по храбрости природной, чем предписываемой законами, все же преимущество наше в том, что мы не томим себя заранее предстоящими лишениями, но подвергшись им, оказываемся не малодушней наших вечно труждающихся врагов

Перикл

Ядро римских владений на Балканах составляла созданная в 146 г. до н.э. провинция Македония; кроме нее римляне непосредственно владели еще тремя пунктами, еще во времена македонского господства получившими название «оков Эллады»: Халкидой, Деметриадой и районом Коринфа, а также некоторыми землями в Беотии и на Эвбее. Остальные греческие города считались «свободными» и состояли с Римом в «союзе», условия которого в каждом случае были определены особо, общим было подчинение военной власти наместника Македонии и право римлян по своему усмотрению менять строй общин.

Крупнейшим центром Эллады оставались Афины, владевшие под эгидой Рима Оропом, Галиартом на Копаидском озере, островами Парос, Скирос, Имброс, Лемнос и Делос. Афины к тому времени все более превращались в город-музей, привлекавший приезжих бесчисленными памятниками старины – Павсаний насчитывает в нем тридцать два храма и почти семь десятков статуй только на Акрополе – и в город-гимнасий, куда стекалась римская и греческая молодежь, чтобы послушать философов из знаменитых школ платоников-академиков, перипатетиков, стоиков, эпикурейцев. Квинт Гораций Флакк с теплотой вспоминал годы учебы в Афинах (было это, правда, позже, в 46-43 гг. до н.э.):

Потом мою образованность подняли благодатные Афины,
Так что я прямое от кривого отличить был способен
И охотно истину искал в рощах Академа[374].

Посреди города еще высилась гигантская бронзовая статуя Афины Воительницы, чьи позолоченные острие копья и султан на шлеме будто бы были видны с моря, а Парфенон по прежнему украшал другой шедевр Фидия – статуя Афины-Девы из золота и слоновой кости. Чувства, вызываемые тогдашними Афинами, выразили слова Гегесия:

Вижу Акрополь со знаком огромным трезубца,
Вижу отмеченный таинствами Элевсин.
Здесь – Леокорий, а там – Тесейон; невозможно
Все перечислить прославленные имена.
Аттику издревле боги избрали жилищем
Сонма бессмертных и славных героев-отцов.

Однако, хозяйственная жизнь Афин все более клонилась к упадку, в Пирее приходили в запустение огромные строения арсенала и корабельных верфей, некогда соединявшие порт с собственно Афинами Длинные Стены были разрушены и не восстанавливались.

Хотя могущество Аттики было в прошлом, эллинистические цари по прежнему считали делом чести оказывать знаки внимания знаменитому городу, в чем преуспели и цари

[374] *Horat. Epist.*,II,44-46

Понтийские: уже Фарнак I «оказывал благодеяния Афинам» и был вместе с женой почтен афинянами при архонте Тихандре, в 160/159 г. до н.э.; афинянин Дионисий, сын Боэта, был возведен в сан «почитаемых друзей» Митридата V, статуи этого царя воздвигли гимнасиарх Селевк из Марафона и Эсхил, сын Зопира[375]. Традиция была продолжена Митридатом Эвпатором, в честь которого памятники на Делосе воздвигли афинский жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, гимнасиархи Никон и Дионисий, сын Неона[376], в самих Афинах имелся содержавшийся на средства понтийского царя гимнасий Эвпатористов; сохранился посвященный в него Митридатом VI бронзовый кратер[377].

Рисунок 47. Кратер Митридата. Капитолийские музеи. Рим.

В начале I в. до н.э. положение в Греции было неустойчивым: волновался демос, происходили восстания рабов, под влиянием крупнейших из них, произошедших в 103-102 гг. до н.э. на Делосе и в Лаврионе, в Афинах перестали избираться должностные лица. За какие-то провинности римляне наложили на Афины штрафы, кроме того, по их требованию были закрыты некоторые святилища и философские школы[378]. В то же время римские власти Македонии едва справлялись с брожением внутри страны, вылившимся с появлением в конце 90-х годов до н.э. некоего самозванца Эвфена в открытое восстание, и натиском варваров: в 91 г. до н.э. пропретор Марк Сентий Сатурнин потерпел поражение от фракийского вождя Сотима, следующие три года фракийцы опустошали провинцию, достигнув Додоны и разграбив там знаменитое святилище Зевса[379].

---

[375] OGIS: 771; OGIS: 366; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.25,93

[376] Reinach Th. Op.cit. P.55; Максимова М.И. Ук.соч.С.209-211; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. С.69

[377] Reinach Th. Op.cit. P.460. Этот чудом сохранившийся великолепный памятник античного бронзолитейного искусства ныне находится в Капитолийском музее в Риме

[378] *Diod.*,XXXIV,1,18; *Athen.*,V, 212b; 213d; *Oros.*,V,9,5; *Posid.*, fr.35; fr.41

[379] *Dio Cass.*.,XXXI,101,2; *Posid.*,fr.41; *Oros.*,V,18,30

Рисунок 48. Парфенон в Афинах.

При таких обстоятельствах «простой народ и из простого народа особенно беспокойная часть» афинян восторженно приняли вернувшегося осенью 88 г. до н.э. из Эфеса вождя антиримской партии Аристиона, сына Атениона, вынужденного в свое время покинуть родину и жить в Мессене и Лариссе. Появление Аристиона в Афинах весьма ехидно описывает Посидоний (что, впрочем, понятно, учитывая его проримскую позицию):

«Когда Азия перешла под власть царя, Атенион завозвращался в Афины, но, измотанный бурной погодой, высадился в Каристе. Когда кекропиды прослышали об этом, они послали военные корабли и носилки с серебряными ручками, чтобы доставить его домой. Но вот он прибыл! Более половины жителей города или около того высыпали на улицу, чтобы поприветствовать его, многие другие образовали живую очередь, как из желающих осмотреть диковину, изумляясь тому невероятному повороту судьбы, что этого незаконно вписанного в число афинян несут по Афинам в носилках с золотыми ножками и пурпурными занавесями – того, кто в прежние дни ходил в драной одежде и никогда и не видывал пурпура; и, что главное, римлянин никогда не унижал Аттику, так роскошествуя напоказ. И так они собрались толпой, чтобы видеть это зрелище – мужчины, женщины, дети, все с величайшими ожиданиями митридатовых щедрот, видя, как захудалый Атенион, который некогда учительствовал за любую плату, какую ему давали, ныне шествует через город и страну с высокомерным видом вследствие царской милости.

Его встретили также служители Диониса, призывая посланца нового Диониса явиться на общественный праздник и присоединиться к посвященным тому молениям и возлияниям. На следующий день он переехал из нанятого дома, и был поселен в доме Диэса, человека, нажившего в то время большое богатство за счет доходов с Делоса; дом был украшен тщательно застланными ложами, росписью и скульптурой, а также выставленной серебряной утварью. Оттуда он появился, волоча белый дорожный плащ, на пальце у него был золотой перстень с резным портретом Митридата; множество рабов следовали в шествии впереди и позади него. На священном участке служители Диониса принесли жертву в честь прибытия Атениона, и было совершено возлияние под возгласы глашатая. На следующий день многие пришли к дому и ждали его выхода; даже Керамик был полон граждан и иностранцев, и оттуда толпа, никем не понуждаемая, двинула в Собрание. Он с трудом пробрался вперед,

сопровождаемый как телохранителями лицами, желавшими казаться значительными в глазах горожан, и каждый стремился хотя бы коснуться его одежды»[380]. По его предложению собравшееся после долгого перерыва народное собрание приняло решение о союзе с Митридатом Эвпатором, сам Аристион был избран стратегом; как знак происшедшего «понтийский пегас появляется на монетах рядом с Афиной»[381].

Изменения в Аттике был враждебно встречены богатыми афинскими колонистами на Делосе, которые вместе с проживавшими на острове римлянами дали вооруженный отпор посланцу Аристиона Апелликону Теосскому (он также подвергался ранее преследованиям и был обвинен в краже документов из государственного архива[382]). Новые афинские правители обратились за помощью к Митридату, который не замедлил в начале 87 г. до н.э. отправить к берегам Греции Архелая и Метрофана.

Царские полководцы сломили сопротивление делосцев, а сокровища Аполлона Делийского отослали Аристиону[383]. Когда двухтысячный отряд царских воинов, сопровождавший деньги, прибыл в Пирей, вожди проримской партии Медий, Каллифонт и Филон Ларисский бежали, оставшиеся противники Аристиона были частью убиты, частью отосланы в Пергам[384]. Кроме того, какой-то части афинян (вероятно, безземельных) понтийский царь предложил поселиться в Амисе[385]. Митридата афиняне на 87/86 год избрали архонтом-эпонимом, к союзу с понтийским царем примкнули беотийцы (кроме феспиян), ахейцы и лаконяне[386]. Практически вся Средняя и Южная Греция отпала от Рима.

Метрофан тем временем очистил от римлян остров Эвбею, затем, отплыв к северу, взял фессалийскую Магнесию и приступил к осаде Деметриады, но под ее стенами потерпел поражение от легата проквестора (исполняющего обязанности наместника) Македонии Бруттия Суры. Тот не только снял осаду с Деметриады, но даже отбил стратегически важный остров Скиаф, контролировавший вход в пролив между Эвбеей и материком. Ободренные римляне двинулись на помощь Феспиям, однако у Херонеи путь им преградил Архелай с афинскими союзниками. После трех стычек Сура оттеснил понтийцев и попытался было захватить Пирей, но Архелай, господствуя на море, опередил его на кораблях[387].

В Риме первые известия о победах Митридата вызвали шок. Потеря Азии больно ударила по экономике: «очень многие люди потеряли в Азии большие деньги, в Риме … платежи были приостановлены и кредит упал»[388]. В организме Римского государства обострилась старая болезнь гражданских распрей. Консул 88 г. до н.э. Луций Корнелий Сулла, которому сенат первоначально поручил ведение войны, был по закону Сульпиция Руфа лишен командования, переданного Гаю Марию, и военные действия начал со штурма не азиатских городов, а Рима. Борьба в Италии заняла почти год, и только по весне 87 г. до н.э. Сулла с пятью легионами высадился на балканском побережье Ионического моря.

Римский легион после реформы Мария подразделялся на десять когорт, каждая из которых состояла из трех манипулов, по традиции называвшихся манипулами гастатов (передняя линия строя), принципов (вторая линия строя) и триариев (задняя линия строя), хотя имущественно-возрастные классы граждан, в зависимости от принадлежности к которым они туда зачислялись, с превращением армии в профессиональную утратили значение.

---

[380] *Athen.*,V,212
[381] *Athen.*,V,212-213; Paus.,I,XX,3; Reinach Th. Op.cit. P.142
[382] *Athen.*,V, 213a
[383] *Strabo*,X,5,4
[384] *App.Mithr.*,28
[385] *Plut.Luc.*,19. Плутарх пишет, что афиняне селились в Амисе, "спасаясь от тирании Аристиона", однако достаточно странно было укрываться от Аристиона в царстве Митридата
[386] *App.Mithr.*,29
[387] *App.Mithr.*,29; *Plut.Sylla*,11
[388] *Cic.Man.*,VII, (19)

Манипулы в свою очередь делились каждый на две центурии с центурионами во главе; всего, таким образом, в легионе было 60 центурионов. Для легионов Суллы неясны два момента. Во-первых, наличие сражавшихся вне линии легковооруженных пехотинцев – велитов. Во времена Полибия, в середине II в. до н.э., на каждый манипул приходилось по 40 велитов, ко времени Цезаря этот род войск был упразднен, и легковооруженные метатели дротиков, лучники или пращники выделялись в отдельные соединения, как правило из числа римских союзников, но когда именно это произошло – неизвестно. У Суллы легковооруженные вроде бы действуют не в легионном строю, а как отдельное соединение[389]. Вторая неясность – численность манипула триариев. В середине II в. до н.э. манипулы триариев были на 60 человек меньшими, чем у гастатов и принципов, и состояли из 100 человек; столетие спустя все три манипула в когорте были равны – по 120 человек.

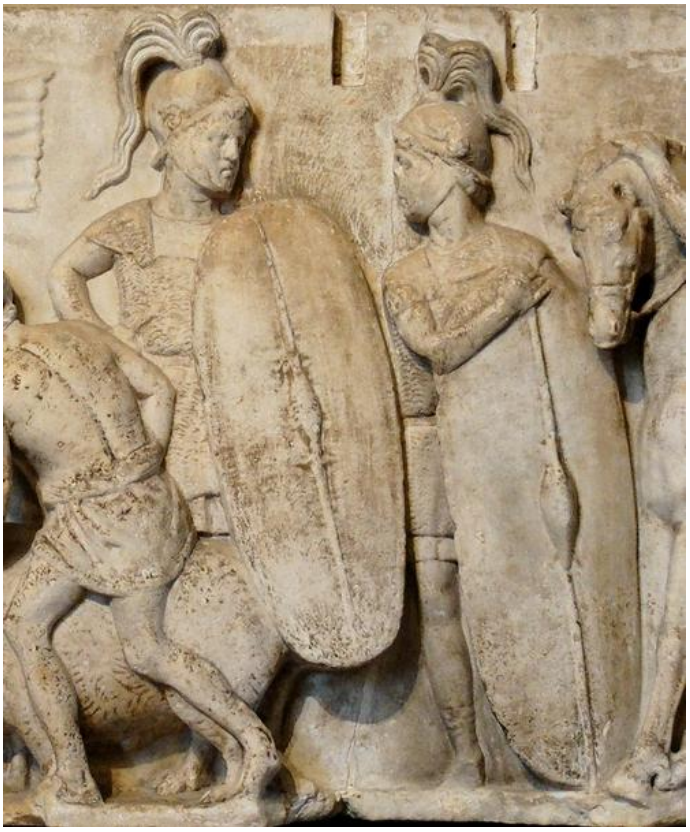


Рисунок 49. Легионеры. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр.

Характерной чертой римского строя, как это подчеркивается со времен Полибия и Ливия, было единообразие состава воинов и видов вооружения. В отличие от фалангита, чьим главным оружием было колющее копье, легионер действовал в бою главным образом рубящим мечом-гладиусом[390], причинявшим тяжелые, по большей части смертельные ранения (короткие метательные копья-пилумы имели вспомогательное значение). Благодаря такому вооружению манипул мог вести сражение как сомкнутым строем шириною в десять, двадцать или сорок человек, так и врассыпную.

Конница придавалась к каждому легиону в количестве 300 всадников, объединенных в 10 турм; впрочем, хорошей собственной конницы у римлян не было, и они стремились привлечь союзных всадников. Саперы с инженерными частями и флот выделялись в особые соединения. Боеспособность армии существенно усилило сокращение Марием обоза – легионер сам нес на себе необходимые припасы и снаряжение, из-за чего солдат прозвали «Мариевыми мулами».

---

[389] См.: *Front.*, II,3,17

[390] Клинок I в. до н.э., найденный в Осуне (Испания), имеет длину 65 сантиметров, ширину около 6 сантиметров и расчетный вес около полутора килограммов (Конноли П. Ук.соч. С.227, 230)

В целом, вместе со вспомогательными частями легион насчитывал от 4500 до 6000 человек, таким образом, численность армии, приведенной Суллою в Грецию, составляла от 22 с половиной до 30 тысяч человек.

Начальство над легионом формально принадлежало шести военным трибунам, первоначально по два месяца в году каждому. Однако, со времен Мария они превратились в простых порученцев командующего, и занимать эти должности чем дальше, тем больше стали молодые люди из знатных семей, начинавшие таким образом политическую карьеру и не имевшие военного опыта. На деле полнота власти принадлежала командующему (императору) и его уполномоченным – легатам. Заместителем главнокомандующего считался начальник конницы[391].

Рисунок 50. Сулла-консул. Римская монета.

Высадившись в Эпире, Сулла вышел в Фессалию, куда прибыли деньги и подкрепления от верных римлянам этолийцев. Архелай, силы которого уступали римским, отошел в Аттику, в городах Беотии возобладали проримские группировки, и они изменили Митридату еще скорее, чем до того римлянам[392].

С лета 87 г. до н.э. военные действия сосредоточились вокруг главного митридатова союзника в Греции – Афин. После неудачной попытки взять город с ходу, Сулла, заперев Архелая в Пирее, занялся в районе Элевсина сооружением осадных машин, безжалостно вырубив для этого рощи Академии и Ликея.[393] Одновременно силы собирал и понтийский военачальник, посылая за подкреплениями на Халкиду и другие острова и не останавливаясь перед такой крайней мерой как включение в армию освобожденных рабов – последних набралось до 15 тысяч человек[394]. Кроме того, осенью в Пирей по морю прибыл от Митридата Дромихайт с войском [395]. Однако, несмотря на успехи в частных стычках, царским полководцам не удалось прорваться в Афины. Всякий раз, когда понтийцы готовили вылазку с тем, чтобы провезти в Афины продовольствие, в Пирее находились предатели (Аппиан пишет, что это были рабы, но их осведомленность о планах Архелая слишком хороша для рабов), предупреждавшие Суллу, бросая в римский лагерь из пращи свинцовые ядра, на которых писали соответствующие известия[396]. Тем временем в городе начался голод, цена медимна пшеницы достигла тысячи драхм, люди «питались девичьей ромашкой, росшей

[391] Конноли П. Ук.соч. С.129-134; 214-216; Покровский М.М. Ук.соч. С.18-23
[392] *App.Mithr.*,30
[393] *Plut.Sylla,* 12
[394] Ibidem.,18
[395] *App.Mithr.*,32
[396] *App.Mithr.*,31; 34

вокруг Акрополя, варили сандалии и ремни»[397], в дальнейшем дело дошло до поедания трупов, а в некоторых домах вроде бы даже находили человеческое мясо, приготовленное для еды[398]. Среди граждан, особенно имущих, усиливалось недовольство; члены Совета и жрецы предложили заключить мир с римлянами, и единственным аргументом, который смог противопоставить им Аристион, оказалось оружие[399]. Впрочем, враждебность к Аристиону, красочно расписываемая Плутархом, жившим через двести лет после войны и слишком очевидно старавшимся угодить римскому хозяину, была далеко не всеобщей, и город, в котором не было царского гарнизона, несмотря на голод и лишения не сдавался римлянам.

С наступлением зимы Сулла, отгородив Пирей земляным валом и соорудив западнее его еще и ров, ушел в Элевсин.

Между тем из Италии к Сулле приходили все более и более неутешительные вести. Его преемник на должности консула Луций Корнелий Цинна, вступивший в открытую вражду с сенатом и своим коллегой Гнеем Октавием, был вынужден покинуть Рим и отрешен от магистратуры. В Капуе Цинна стал собирать войско, тем временем, узнав о происходящем, в Этрурии высадился скрывавшийся ранее в Африке Гай Марий. Объединившись, Марий и Цинна взяли Рим в осаду, и после того как ими были перерезаны пути подвоза продовольствия, сенат капитулировал. Войдя в Вечный Город, Марий и Цинна устроили резню политических противников. Отрубленная голова консула Октавия была вывешена на форуме перед ораторской трибуной, скоро к ней добавились головы других сенаторов. Сулла и те из его сторонников, кого не оказалось в Риме или кто сумел скрыться, были объявлены врагами отечества, их имущество разграбили. Искали жену и детей Суллы, но те успели бежать, и новые власти вынуждены были довольствоваться сожжением его дома. Осенью или зимой 87 г. до н.э. Цецилия Метелла с детьми встретилась в Аттике с мужем, сюда же собрались многие оставившие Италию сенаторы[400].

Поставленный в Риме вне закона, зимой 87/86 г. Сулла со всей остротой ощутил отсутствие флота и недостаток денег. Средства, полученные в 88 г. до н.э. за счет распродажи италийских храмовых земель и имений «мертвой руки»[401], исчерпались. Сулла обратился к располагавшим денежными средствами греческим святилищам, прежде всего к Дельфам, Олимпии и Эпидавру. После ожесточенного торга, который римский полководец тайно вел через своих представителей (в Дельфы от него ездил фокеец Кефис), греческое жречество предоставило необходимые суммы. В счет их пошли многие исторические реликвии, в том числе гигантская серебряная бочка – последний остаток даров древнего Креза Аполлону Дельфийскому. Впрочем, святилища особого ущерба не понесли – заем был оговорен не только солидными процентами, но и предоставлением ряду городов автономии[402].

Корабли римляне первоначально рассчитывали получить у родосцев, но ввиду господства митридатова флота в Эгейском море, те не смогли достичь побережья Аттики[403]. Тогда Сулла послал за флотом в Александрию своего тридцатилетнего квестора Луция Лициния Лукулла. Молодой человек приходился Сулле свойственником: его мать происходила из того же знатного сенаторского рода Цецилиев Метеллов, что и жена Суллы; позже Сулла посвятил ему составленное им самим описание своих деяний[404]. На трех небольших суденышках в разгар зимних штормов Лукулл через Крит и Кирену добрался до Александрии. Царствовавший тогда в Египте Птолемей IX Сотер («Спаситель»), известный

---

[397] *Plut.Sylla*, 13
[398] *App.Mithr.*,38
[399] *Plut.Sylla*, 13
[400] *App.Bell.Civ.*,I,64-73; *Plut.Mar.*,41-44; *Plut.Sylla*,22
[401] *Oros.*,V,18,27
[402] *App.Mithr.*,54; *Plut.Sylla*,12; Селецкий Б.П. Источники финансирования Суллы… . С.63-67
[403] *App.Mithr.*,33
[404] *Plut.Luc.*,1

более под прозвищем «Латир», «Овечий горох» [405], принял сулланского посланника чрезвычайно радушно, поселил его во дворце, отпустил на содержание средств в четыре раза сверх обычного, подарил изумрудный перстень со своим портретом, но кораблей не дал. Больше того, когда Лукулл, бесплодно просидев в египетской столице около полугода, отплыл обратно, подвластные Птолемею киприоты напали на него, и до Родоса Лукуллу пришлось добираться тайком[406].

Рисунок 51. Арарат Эвсебий Филопатор.

Между тем, зимой 87/86 года в Македонию вторглась собранная Митридатом армия под командованием царевича Ариарата Эвсеба Филопатора. Кроме собственно понтийских частей, в том числе фаланги «меднощитых» под начальством Таксила, в нее входили союзники – фракийцы и скифы – и оказавшиеся под властью Митридата Эвпатора каппадокийцы, вифинцы, галаты и фригийцы[407].

Зимою в Македонии у царского войска возникла нужда в продовольствии, так как митридатовы командиры беспечно отнеслись к снабжению армии. Впрочем, Таксилу удалось овладеть Филиппами и Амфиполем, где находились продовольственные склады, вытеснив сулланского легата Гортензия в Фессалию[408]. Ставший на зимовку в Амфиполе Ариарат был объявлен правителем Македонии – от его имени в Македонии была отчеканена монета, кроме того золотые статеры с портретами, сочетавшими черты Ариарата и Александра Великого, чеканились в Истрии, Томах и Каллатисе[409]. Однако той же зимой двадцатитрехлетний Ариарат Эвсеб Филопатор умер. Плутарх, ссылаясь на документы из секретного понтийского архива, якобы обнаруженные Теофаном Митиленским, пишет, что царевич будто бы был отравлен по приказу отца[410].

Возможно, овладев Македонией, Ариарат стал проявлять стремление отложиться, за которое и поплатился жизнью. В Македонии его сменил другой сын Митридата, Аркафий[411].

---

[405] Иначе «чина» (Lathyros sp.). Царя вероятно прозвали так оттого, что подергивание головы и рук делало его похожим на человека, отравившегося плодами этого растения.
[406] *Plut. Luc.*,2
[407] *App.Mithr.*,41
[408] *Memn.*,32,2; Plut. Sylla,15
[409] Reinach Th. Op.cit. P. 474-475
[410] *Plut. Pomp.*,37
[411] *App.Mithr.*,35

Царевич выслал на помощь Архелаю его брата Неоптолема, но тот у берегов Халкиды на Эвбее потерпел поражение от Мунация[412].

В начале весны, взяв в Македонии заложников[413], понтийское войско двинулось в Фессалию, но здесь, у Тисейского мыса Аркафий заболел и неожиданно тоже скончался[414]. Продвижение войска, во главе которого стал Таксил, задержалось.

Рисунок 52. Статуя Афины из Пирея. Пирей, Археологический музей.

Сулла, не теряя времени, сосредоточил силы на борьбе против Архелая и Аристиона. Пирей римский полководец, несмотря на все ухищрения, вплоть до попытки «взорвать» его стены, наполнив подкоп паклей и смолой и поджегши их, взять не смог. Однако, ему стало известно о слабом месте афинских укреплений в районе Гептахалка. Через это место в северо-западной части городских стен, между Пирейскими и Священными воротами, в ночь на 1 марта 86 г. до н.э., в новолуние, легионеры Суллы ворвались в Афины[415]. «Звучали трубы и рожки, раздавались свирепые крики и улюлюканье его солдатни, которой он предоставил право грабить и убивать. С обнаженными мечами в руках они носились по узким улицам. Убитых не считали, и … лишь по огромному пространству, залитому кровью, судят об их множестве»[416], горожане «ни бежать … не могли вследствие истощения, ни пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам»[417]. Все же разорение Афин могло неблагоприятно сказаться на репутации римского полководца, и он приказал остановить резню, заявив, что дарует немногих многим, милуя живых ради мертвых. Позже Сулла говорил, что самой

[412] *App.Mithr.*,34
[413] *Licin.*, 76
[414] *App.Mithr.*,35. Впрочем, возможно, Аркафий Аппиана тождественен Ариарату, и в Македонии воевал только один сын Митридата
[415] *Plut.Sylla,*14. Дата соотвествует приблизительно 17 февраля по юлианскому счету
[416] Ibidem.
[417] *App.Mithr.,*38

большой своей удачей считает ту, что мог сжечь Афины, но пощадил[418]. В этих словах заключалась изрядная доля лицемерия: сулланцы перебили почти половину жителей города, сам Любимец Афродиты (Сулла любил, чтобы его так называли) помимо золота и серебра вывез из Афин веками собиравшиеся произведения искусства. Благодаря случайности восемь приготовленных к отправке статуй остались в Пирее и были обнаружены в 1959 году во время земляных работ; другой груз памятников искусства из Афин, включавший кроме скульптур почти целиком разобранный храм, был найден на месте крушения римского судна у селения Махдия на побережье Туниса.

Позже, уже покидая Грецию, Сулла забрал с собою библиотеку Апелликона Теосского, включавшую в себя собрание книг Аристотеля, оригинальные сочинения которого к тому времени оказались почти забытыми в Афинах[419].

Несмотря на то, что победа не была полной – среди ночной сутолоки Аристион со сторонниками заперся на Акрополе и продолжал его удерживать, Сулла на следующий день после овладения городом приказал рабов (вероятно, речь идет о рабах, освобожденных Аристионом) продать, а свободных лишил права собираться на народное собрание[420]. Последнее решение завоевателя лучше всего указывает на то, кто из афинян принадлежал к сторонникам Митридата Эвпатора, а кто – римлян.

С падением Афин удержание Пирея стало бессмысленным; Архелай отплыл к Фермопилам, где соединился с войском Таксила. Объединенная понтийская армия численностью более 60 тысяч человек[421] вошла в Фокиду и осадила Элатею.

Римляне, захватив Пирей, сожгли большую его часть, в том числе знаменитый арсенал постройки Филона, и разрушили остатки «Длинных стен»[422]. Сулла, предоставив осаду запершегося на Акрополе Аристиона Гаю Скрибонию Куриону, сам с тремя легионами поспешил навстречу царским полководцам. По дороге к нему присоединились подкрепления из многих греческих городов и областей Македонии, так что в целом численность римской армии достигла почти 40 тысяч человек[423].

Рисунок 53. Поле Херонеи. Современный вид.

Противники встретились в Беотии, на поле у Херонеи, там, где греки неоднократно бились с шедшими с севера врагами.

---

[418] *Plut.Reg.*,85
[419] *Plut.Sylla*,26; *Strabo*, XIII,2,54
[420] *App.Mithr.*, 38
[421] *Memn.*,32,3. Сведения Аппиана (*App.Mithr.*, 41) и Плутарха (*Plut.Sylla*,15) о стодесяти или стодвадцатитысячном войске Архелая – пример пропаганды Суллы, не заботившегося ни о правдоподобности, ни о чувстве меры
[422] *Plut.Sylla*,14; *Strabo*,IX,1,15
[423] *App.Mithr.*,41

Архелай занял неудобную, не позволявшую воспользоваться численным преимуществом позицию, сосредоточив войско на небольшом пространстве и имея в тылу крутые горы[424]. Сулла поспешил, пока Архелая и Таксил не нашли более удачного места, навязать им сражение. «Архелай против Луция Суллы поставил в центре снабженные серпами квадриги, чтобы расстроить ряды неприятеля, на второй линии – македонскую фалангу, на третьей – вооруженные по римскому образцу вспомогательные отряды, прибавив к ним беглецов-италиков, на чье упорство он более всего рассчитывал; легковооруженных он поместил позади; наконец, с обоих флангов он поставил свою многочисленную конницу для окружения неприятеля.

В ответ Сулла провел на обоих флангах рвы большой ширины и на их концах построил укрепления, этим он обезопасил себя от окружения неприятелем, превосходившим его численностью, особенно конницей. Затем он выстроил пехоту тройным строем, оставив промежутки, по которым он мог бы, если потребуется, выдвинуть легковооруженные части и конницу, поставленные в арьергарде. Далее, он велел бойцам второй линии забить крепко в землю множество частых кольев»[425]. Против приближающихся легионов Архелай выслал всадников, а после того, как они были отбиты – серпоносные колесницы[426]. Сулла, «когда стали приближаться квадриги, … за частоколом укрыл бойцов первой линии. Только тогда он приказал подвижным частям и легковооруженным с боевым кличем пустить в ход копья. В результате неприятельские квадриги, натолкнувшись на частокол или напуганные криком и копьями, повернули на своих и расстроили македонскую фалангу»[427].

Против пришедшей в замешательство фаланги римляне применили свой излюбленный и практически единственный, в совершенстве ими освоенный, тактический прием – лобовую атаку. Понтийцы «выставили вперед сариссы и, сдвинув щиты, пытались сохранить сомкнутый строй. Но римляне, метнув свои дротики, обнаженными мечами срубали неприятельские копья, стремясь схватиться врукопашную». Помимо фаланги легионерам противостояли также освобожденные Архелаем рабы, которые, к удивлению Суллы, «медленно уступали напору римской тяжелой пехоты и, вопреки своей природе стояли отважно» [428].

Чтобы ослабить фронтальный натиск легионеров, Архелай напал с двумя тысячами всадников на римский левый фланг, где находились Гортензий и Гальба, «Гортензию пришлось отойти к склону горы, а враги мало-помалу оттесняли его от остальных римлян и захватывали в кольцо»[429]. Тогда Сулла, находившийся на правом фланге, «ведя лучшую часть своей конницы и мимоходом захватив две свежие когорты, которые были им оставлены в засаде, напал на врагов, когда они еще не успели выпрямить свой круг и выстроиться твердо по фронту и, приведя их в беспорядок, изрубил многих из них и стал преследовать обращенных в бегство»[430].

В ходе битвы Сулла проявил незаурядную реакцию и подвижность. Когда Архелай, увидев, что Сулла ушел с правого фланга, попытался перенести туда направление атаки конницы, римлянин, оставив на левом фланге часть подкреплений, с остальными вернулся на правый, а отбив оттуда Архелая, опять возвратился на левый на помощь Мурене,

---

[424] Ibidem. 42
[425] *Front.*,II,3,17
[426] *App.Mithr.*,42
[427] *Front.*,II,3,17. Согласно Аппиану только после неудачной атаки серпоносных колесниц Архелай «стал выводить и старательно выстраивать все множество людей, не подготовленных предварительно к битве, будучи крайне стесненным на узком пространстве приближением Суллы» (*App.Mithr.*,42)
[428] *Plut.Sylla*,18
[429] *App.Mithr.*,43; *Plut.Sylla*,19
[430] *App.Mithr.*,43

атакованному Таксилом. В конечном счете произошло то, что практически всегда происходило при лобовой стычке легионов с фалангой: ряды фалангитов были смяты и они обратились в бегство.

Последствия бегства были усугублены ошибкой Архелая, который приказал запереть перед отступавшими лагерь, и те, «не имея у себя ни военачальников, ни руководителей, чтобы выстроить их в порядке … без труда были избиты: одни из них врагами, так как не успели развернуться против них, другие же – своими собственными товарищами, так как они в беспорядке метались в большом количестве на узком пространстве»[431].

В тот же день, когда произошла битва при Херонее, Курион взял Акрополь (следуя примеру патрона он обобрал афинские святыни – с Акрополя было вывезено 40 мин (17 килограммов) золота и 600 мин (255 килограммов) серебра)[432].

Аристиона, схваченного в Парфеноне у статуи Афины, Сулла приказал умертвить ядом[433], из остальных же защитников Акрополя, заключенных в Керамике, казнил по жребию каждого десятого[434]. Рассказывали, что несколько афинян, спасшихся после сулланского погрома, спросили у дельфийского оракула: неужели и для Афин настала судьба стать безлюдными и опустошенными? – на что пифия ответила:

«В воду погрузится мех, но его потопить не удастся»[435].

Падение Афин и поражение при Херонее оказались для Митридата Эвпатора, за два года привыкшего к успехам, тяжелым ударом. В царском окружении поползли слухи, что поражения стали следствием вражды между Архелаем и Аристионом, что причиной неудачи под Херонеей стало неразумие Архелая, а Дорилай, сын Филетайра, даже обвинил командующего в Греции в том, что Херонейская битва была не совсем честной[436]; царь, однако, оставил эти разговоры без внимания и не стал менять полководца.

Сулла, между тем, принялся за устройство дел в Греции. В уплату своего долга он отдал Дельфам, Олимпии и Эпидавру половину фиванских земель и часть афинских, а храму Амфиарая – Ороп; Феспии, остававшиеся верными римлянам, получили в награду принадлежавшую Орхомену статую Диониса работы Мирона[437].

Архелай с оставшимися после Херонеи силами некоторое время находился в южной Беотии, откуда переправился на Эвбею[438].

Власть Митридата Эвпатора над материковой Элладой была утрачена так же быстро, как приобретена.

---

[431] Ibidem. 44
[432] *App.Mithr.*,39
[433] *App.Mithr.*,39; Paus.,I,20,5; *Plut.Sylla*,23
[434] *Paus.*,I,20,5
[435] Ibidem; *Plut. Thes.*,24
[436] *См.: App.Mithr., 45; Aur.*Vict. Vir.il.,76,5; *Plut.Sylla*.,21, 23; *Sall.Orat.*,VI,12
[437] *Plut.Sylla*.,19; Reinach Th. Op.cit. P.176-177
[438] *App.Mithr.*, 45

ДАРДАНСКИЙ МИР

Дикеополь: Но мир принес ты все-таки?
Амфитей: Принес, принес. И целых три образчика. Вот пятилетний. От него отведай-ка.
Дикеополь: Тьфу, дрянь! Совсем он мне не нравится. Смолой разит и подготовкой воинов

Аристофан

Весной 86 г. до н.э. у Митридата Эвпатора появился новый противник в войне. Вскоре после Херонейской битвы в Эпире высадился с двумя легионами Луций Валерий Флакк, враг Суллы, сменивший в должности консула 86 г. умершего в январе Мария. Продвинувшись вглубь Балкан, он подошел к Мелитее, южнее которого стоял со своими солдатами Сулла. Какое-то время противники находились поблизости, разделенные лишь цепью Офризских гор, но затем разошлись в противоположных направлениях: Сулла на юг, в Афины, Флакк на север, в Фессалию и Македонию, вытесняя оттуда остатки армии Таксила. Митридат спешно выслал на помощь Таксилу войско во главе с Диофантом, сыном Митара, и Менандром, одновременно Дорилай начал собирать силы для нового похода в Грецию. Получив подкрепления, Таксил осенью предпринял успешно начавшееся контрнаступление: понтийцы сожгли флот Флакка, осадили Абдеры и взяли Филиппы – но этот успех был кратковременным, Флакк выбил царских воинов из Филипп, они бежали к Абдерам, внося в лагерь осаждавших панику [439]. Таксил вынужден был оставить Фракию, легионы приближались к границам Азии.

Вероятно в это же время восьмидесятитысячное войско под начальством Дорилая, сына Филетайра, отплыло в Грецию.[440] Высадившись на Эвбее и соединившись в Халкиде с Архелаем, Дорилай вскоре овладел всей Беотией. С появлением поблизости Суллы полководцы Митридата стали лагерем на равнине Орхомена. Римляне принялись копать рвы с тем, чтобы затруднить действия понтийской конницы. Архелай, несмотря на советы Дорилая избегать сражений, приказал напасть на работающих. Те побежали, смяли строй выстроенных к бою легионов, так что Сулле пришлось останавливать свое войско с криком: «Если кто спросит вас, римляне, где вы предали своего полководца, вам придется отвечать: “При Орхомене”». Восстановив порядок, римляне контратаковали, «в этой стычке на правом крыле погиб, сражаясь с замечательной доблестью, пасынок Архелая Диоген, а лучники, теснимые римлянами так, что не могли натянуть лук, пытались отразить противника, сжимая в кулаке пучок стрел и действуя наподобие меча» [441]. На ночь понтийцы укрылись в лагере. На следующий день легионеры Суллы разрушили угол вала, защищавшего лагерь, и стремительным штурмом взяли его. Многие из митридатовых воинов погибли в водах Копаидского озера и окружающих его болотах, уцелевшие укрылись в Халкиде[442].

Преследуя противника, Сулла разрушил сразу три беотийских городка на побережье Эгейского моря – Антедон, Ларимну и Галею. Через полтора года, уже после войны, когда он лечился в Греции на теплых водах, какие-то рыбаки принесли в подарок знаменитому

---

[439] *Licin.*,70; *App.Mithr.*,51

[440] App.Mithr,49; *Plut.Sylla*,20. По Лициниану (*Licin.*,65) Дорилай располагал 65-тысячным войском. Т.Рейнак датирует экспедицию Дорилая и Орхоменскую битву концом 86 г. до н.э.. Согласно точке зрения Т.Моммзена армия Дорилая отбыла в Грецию весной 85 г. до н.э.

[441] *Plut.Sylla*,21

[442] *App.Mithr.*,49-50; *Plut.Sylla*,21. В описании Орхоменской битвы, которое у Аппиана и у Плутарха восходит к одному и тому же источнику, по всей вероятности, к Сулле, немало сомнительного: например, по Аппиану в лагерь Архелая первым ворвался некий военный трибун Басилл, однако у Плутарха (*Plut.Sylla*,9) Луций Басилл первым поднялся на стену при штурме Рима в 88 г. до н.э., да и эпизод с Суллой, который со знаменем в руке останавливает бегущих легионеров, повторяет описание штурма Вечного города (*App.Bell. Civ.*,I,58)

полководцу нескольких великолепных рыб. Сулла спросил, откуда они родом и, услыхав, что из Галеи, заметил: «Так кто-то из галейцев еще жив?». «У рыбаков от ужаса отнялся язык, но Сулла, улыбнувшись, разрешил им удалиться, не страшась будущего: дескать, заступники, с которыми они пришли, неплохи и заслуживают внимания»[443].

Между тем за два с небольшим года владычества Митридата VI в Азии восторги и надежды, с которыми его встречали, сменились разочарованием. С наборами в царскую армию – один был проведен осенью 87 г. до н.э., другой летом или осенью следующего года – к разочарованию добавилось недовольство. Когда же стало ясно, что война в Греции Митридатом проиграна, недовольство стало прорываться наружу.

Рисунок 54. Акрополь Пергама. Реконструкция. Пергамон-Музей.

Первым его проявлением стал заговор живших при дворе Митридата Эвпатора галатских союзников. Один из них, тетрарх тосиопов Эпоредориг, вознамерился сбросить Митридата с трибуны в пергамском гимнасии, когда тот должен был разбирать судебные дела, но царь по какой-то причине не пошел в гимнасий, а пригласил тяжущихся галатов к себе во дворец. Эпоредориг тогда стал уговаривать товарищей, которые должны были пойти к царю, напасть на Митридата там, но один из них выдал заговор. Царь приказал истребить галатов вместе с находившимися в Пергаме семьями. Одних убили из засады тайные убийцы, а других, сделав вид, что ему ничего не известно, царь созвал вечером на пир, во время которого всех их схватили и перебили[444]. Пощажен был лишь отличавшийся красотой юный Беполитан. Уже распорядившись об убийстве, Митридат «пожалел о нем … и на случай, если он окажется еще в живых … послал приказ отменить казнь. И выпало тому какое-то удивительное счастье. Когда его захватили, на нем была прекрасная дорогая одежда, и палач,

[443] *Plut.Sylla*,26
[444] *App.Mithr.*,46; *Plut. De virt. mul.*,I,259

желая присвоить ее незапачканной в крови, неспешно снимал ее с юноши. Тут он и увидел посланцев царя, бегущих к нему и выкрикивающих имя молодого человека»[445].

В Галатию вошел с войском назначенный туда сатрапом Эвмах.

Рисунок 55. Митридат Эвпатор. Гемма, Археологический музей этрусков, Флоренция.

Вслед за этим обнаружилось, что тайных посланцев к Сулле направили хиосцы. По приказу царя Дорилай, направлявшийся в Грецию, отклонился от пути следования и неожиданно высадился на острове. Прибывший вместе с ним представитель Митридата Зенобий потребовал от хиосцев выдать оружие и заложников. После того как они были выданы и отосланы на материк, в Эритры, Зенобий огласил в народном собрании письмо Митридата, в котором царь припоминал жителям острова старое прегрешение, когда во время осады Родоса хиосское судно повредило в неразберихе царский корабль, и обвинял в том, что «лучших своих граждан вы тайно послали к Сулле, и ни на кого из них вы не донесли мне, что они сделали это не по общему решению»[446]. Совет царских друзей решил предать хиосцев смерти, но Митридат заменил казнь огромным штрафом в две тысячи талантов. Островитяне не смогли собрать требуемую сумму, и царский уполномоченный предал город разгрому: граждане были обращены в рабство и переданы в оковах собственным рабам для поселения в земле колхов, а их имущество разграблено, на Хиосе поселялись понтийские колонисты. Философ Посидоний, почему-то недолюбливавший хиосцев, написал в связи с этим, что "божество справедливо и по заслугам воздало им за то, что они первыми использовали купленных рабов в домашней работе, хотя большинство людей выполняют ее сами"[447]. По пути несколько кораблей со ссыльными хиосцами были захвачены гражданами Гераклеи Понтийской, освободившими пленников[448].

Известие о разгроме Хиоса вызвало у малоазийских греков взрыв возмущения. Когда Зенобий (уже без Дорилая, отбывшего на Балканы) в конце 86 г. подошел к стенам Эфеса, его жители потребовали через эпископа, царского тестя Филопоймена, чтобы палач Хиоса сложил

---

[445] *Plut. De virt. mul.*, I,259 (23). Тут же Плутарх приводит рассказ о царском великодушии: «Эпоредориг лежал казненный и брошенный без погребения, и никто из друзей не смел приблизиться к нему. Но одна пергамская девушка, с которой он при жизни был близок, отважилась одеть и похоронить труп. Это было замечено стражами, и ее отвели к царю. Передают, что уже самый вид этой девушки, совсем молодой и простодушной, как-то подействовал на Митридата, но еще больше тронут он был, узнав, что причина ее поступка – любовь. Он разрешил девушке убрать и похоронить покойника и предоставил ей из своих средств погребальную одежду и убранство».

[446] *App.Mithr.*,47

[447] *Posid.*,fr.39 (*Athen.*,VI,91 (266-E))

[448] *App.Mithr.*,47; *Memn.*,33,2

оружие перед входом в город. Зенобий подчинился требованию горожан, но ночью все равно был ими схвачен, заключен в тюрьму и убит[449]. Вслед за этим эфесяне изгнали Филопоймена и объявили Митридату войну «за гегемонию Рима и за всеобщую свободу»[450]. Власть вручалась специально избранной «комиссии общественного блага» и трем магистратам: двум Асклепиадам и Эвбулиду. Одновременно принятый эфесским народным собранием декрет провозглашал ряд важных социальных мероприятий: свободным негражданам – метекам, иностранцам и храмовым рабам, которые запишутся в ополчение, предоставлялись права граждан, общественным рабам – метеков; приостанавливались все тяжбы о разделе имущества и размежевании; приостанавливались или отменялись все платежи частных лиц по долговым обязательствам (кроме гарантированных ипотекой, а также выплат государству со стороны лиц, ведших его финансовые дела)[451].

В течение зимы 86-85 гг. примеру Эфеса последовали горожане Тралл, Гипейб, Метрополя, тогда же Книд и Кос перешли на сторону находившегося на Родосе Лукулла, который с их кораблями сверг власть Митридата на Самосе, в Колофоне и на многострадальном Хиосе, вслед за этим от понтийского царя отпали Смирна и Сарды[452].

В создавшейся обстановке Митридат Эвпатор, чтобы удержать власть над сохранившими ему верность городами, провел ряд мер, отвечавших чаяниям демократических слоев населения и повторявших в основном положения декрета эфесян: метеки получали права гражданства, рабы – свободу, города – автономию, должники – освобождение от долговых обязательств, кроме того, был произведен передел земли[453].

В литературе конца XIX – начала XX века эти мероприятия Митридата Эвпатора нередко толковались как «социальная революция»[454]. Это немудрено, принимая во внимание популярность в то время революционной риторики и самого термина «революция». Следует, однако, отметить, что сторонники такой точки зрения совершенно выпускали из виду, что меры понтийского царя лишь повторяли предпринятое его противниками, которых в «революционеры» никто записать не решился.

Тем не менее, и такие меры вызвали резкое недовольство среди связанного с верхушкой греческих городов ближайшего окружения царя. Против Митридата VI был составлен заговор, во главе которого встали Миннион и Филотим из Смирны, а также Клисфен и Асклепиодот, «друг царя», с Лесбоса. Впрочем, заговорщики рассорились между собой и Асклепиодот выдал их всех Митридату. Царь сначала не поверил в предательство друзей, тогда Асклепиодот, «чтобы не было сомнений, дал возможность из под какого-то ложа услыхать речи Минниона». После пыток изменники были казнены[455]. Вскоре в Пергаме был разоблачен еще один заговор, за участие в котором поплатились жизнью еще восемьдесят человек. После этого в разные города были посланы соглядатаи, покатился вал доносов, в которых каждый указывал своих врагов, вовсе и не причастных к враждебным замыслам против Митридата. По подозрению в причастности к заговорам казням подверглись тысяча шестьсот человек[456]. В подстрекательстве городов к восстанию был обвинен и знаменитый ритор Диодор Зонас из Сард, но он оправдался защитительной речью[457].

---

[449] *App.Mithr.*,48
[450] Reinach Th. Op.cit. P.463
[451] OGIS; 338; Oliver J.H. On the Ephesian Debtor Law of 85 B.C. // American Journal of Philology. 1939,Vol.60.P.468-470; Reinach Th. Op.cit. P.182-183, 463-464
[452] *App. Mithr.*,48; *Oros.*, VI, 2, 8; *Plut.Luc.*,3; Reinach Th. Op.cit. P.184. Оросий помещает эти казни перед восстанием в Эфесе
[453] *App.Mithr.,48*, 62
[454] См. например: Reinach Th. Op.cit. P.184; Ферреро Г. Ук.соч. С.96; Каллистов Д.П. Этюды из истории Боспора в римский период // Вестник древней истории.1938, №2. С.279-281; Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.42-45
[455] *App.Mithr.*,48
[456] Ibidem,48, 58; *Oros.*,VI, 2,10
[457] *Strabo*, XIII,4,9

Между тем Флакк, продолжая наступление во Фракии, в начале 85 г. до н.э. достиг Боспора Фракийского и при помощи союзных византийцев переправил один легион в Азию, к Халкедону.

За время консульства невежественный в военном деле Флакк, который, по словам Аппиана, был «негодным человеком, жестоким в назначении наказаний и корыстолюбивым»[458], настроил против себя легионеров, чем воспользовался его начальник конницы Гай Флавий Фимбрия, квестор 87 г. до н.э., "человек отчаяннейший" как писал Тит Ливий[459]. Во время пьяной перебранки на пирушке Фимбрия пригрозил, что покинет Флакка и уедет в Рим, на следующий день Флакк заменил его на должности Термом. Тогда обиженный Фимбрия поднял мятеж в остававшемся на европейском берегу легионе. Фимбрии сопутствовал успех и вскоре его командование приняли и солдаты, переправившиеся в Азию. Луций Флакк попытался спастись в Никомедии, но Фимбрия с ходу взял город и убил спрятавшегося в колодце проконсула[460].

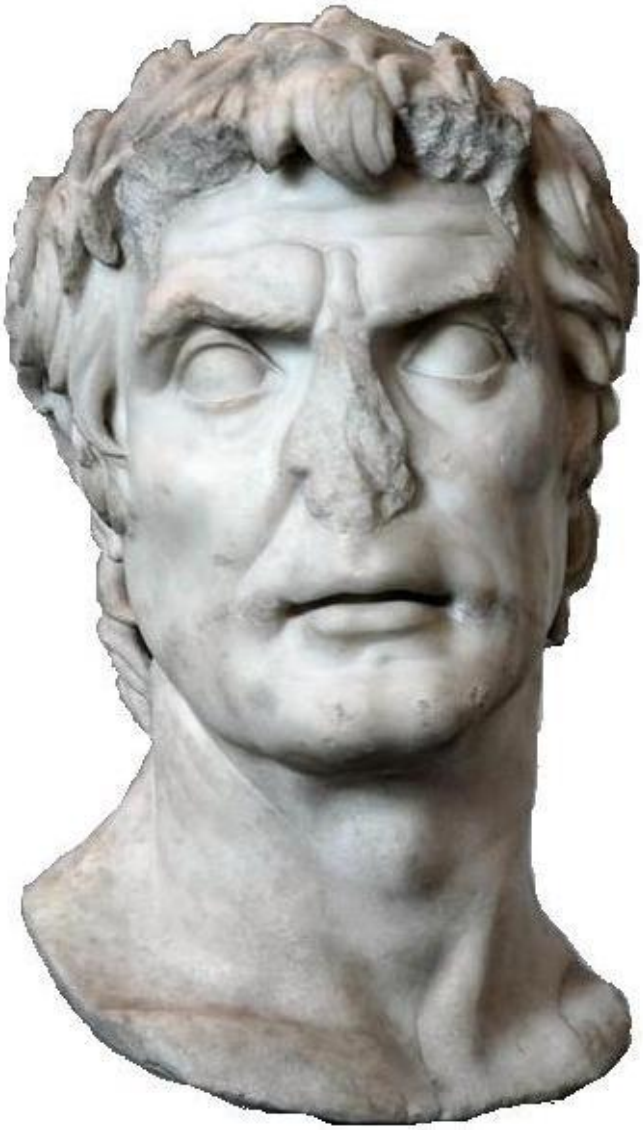


Рисунок 56. Сулла. Глиптотека, Мюнхен.

[458] *App.Mithr.*,51
[459] *Liv.Per.*,82
[460] *App.Mithr.*,52; *Dio Cass.*,fr.257;*Memn.*,34,1; *Strabo*, XIII,1,27. Античные авторы сводят причины конфликта между Фимбрией и Флакком к личной неприязни, однако, они могли быть более глубокими: Флакк давал определенные основания подозревать себя в сговоре с Суллой (см.: Ферреро Г. Ук.соч. С.96)

Действия против Фимбрии Митридат Эвпатор поручил войскам Таксила, Диофанта и Менандра, во главе которых поставил сына, Митридата. Митридату Младшему первоначально удалось потеснить римлян, но в произошедшей на реке Риндак, у Мелитополя, битве царевич потерпел поражение[461]. Сначала Фимбрия, "насыпал с фланга валы, затем перед фронтом вырыл ров и держал солдат спокойно на валу до тех пор, пока неприятельская конница не вступила в узкий проход между укреплениями. Тогда он совершил вылазку и перебил шесть тысяч человек"[462]. В дальнейшем «полководец римлян около рассвета, когда еще шел дождь, неожиданно переправился через поток и напал на врагов, объятых сном в палатках»[463]. После этого Фимбрия захватил Кизик, где занялся вымогательствами, казнив двух самых богатых горожан[464], а затем двинулся на оказавшийся беззащитным Пергам. Митридату пришлось спешно покинуть служивший ему в течение двух с половиной лет резиденцией город и укрыться в приморской Питане. Фимбрия осадил царя с суши, но, не располагая флотом, не смог воспрепятствовать отплытию Митридата Эвпатора на Лесбос[465].

В Митилене Митридату VI стало со всей отчетливостью ясно, что начинавшаяся столь блистательными успехами война проиграна и нужно искать способ завершить ее с наименьшими потерями. Способ такой подсказал ему … Лукулл. Во время осады Питаны Фимбрия обратился к сулланцу с просьбой предоставить корабли, но тот предпочел скорее упустить врага, чем помочь сопернику[466]. Митридат сделал ставку на вражду между двумя римскими полководцами.

Весной или в начале лета 85 г. до н.э. делосский купец Архелай встретился с Суллой в святилище Аполлона у Делия и передал царские предложения начать мирные переговоры[467]. Политический расчет Митридата оказался совершенно правильным. Победа над Понтом была для Суллы бессмысленной, пока в Риме господствовали его враги, а достичь успеха в Италии он мог, лишь как можно быстрее закончив войну на Востоке. Это было важнее, чем возможные обвинения в отказе от мщения за убитого консуляра и истребленных в Азии римлян. Поэтому римский полководец не без радости воспринял предложения царя. Через короткое время в Авлийской бухте, там, откуда отправлялись под Трою ахейцы, и где Агамемнон приносил в жертву Ифигению, состоялась встреча Суллы со своим старым противником, командующим митридатовыми войсками в Греции Архелаем[468]. Сулла в принципе согласился заключить мир, но потребовал, чтобы Митридат отказался от всех завоеваний, выдал 70 кораблей и выплатил две тысячи талантов (и то, и другое нужно было Сулле для войны в Италии). Пока Митридат обдумывал предложения, Архелай сопровождал римского военачальника в его продвижении к Геллеспонту. Сулла не скупился на знаки внимания к своему гостю, и когда под Лариссой Архелай заболел, римлянин, прервав поход, заботился о нем как об одном из собственных полководцев[469]. Сулла, по всей видимости, уже тогда склонил Архелая к тайной сделке, и тот принялся отовсюду выводить понтийские гарнизоны, хотя сам Луций Сулла в своих воспоминаниях это всячески опровергал и даже сочинил несколько театральный диалог, где он и Архелай взаимно склоняют один одного к измене и в возвышенных выражениях отвергают такие предложения[470].

В Фессалию прибыли посланцы с ответом Митридата, который не соглашался отдать Пафлагонию, выдать флот и заплатить контрибуцию. При этом понтийский царь очень недипломатично заявил, что «получил бы гораздо больше для себя, если бы стал вести

---

[461] *App.Mithr.*,52; *Memn.*,34,2-3; *Oros.*, VI, 2,10
[462] *Front.*,III,17,5
[463] *Memn.*,34,3
[464] *Diod.*,XXXVIII,8,3
[465] *App.Mithr.*,53; *Liv.Per.*,83
[466] *Plut. Luc.*,3; *Oros.*, VI,2,10
[467] *Plut.Sylla*,22
[468] *Licin.*,71
[469] *Plut.Sylla*,23
[470] *App.Mithr.*,54-55; *Plut.Sylla*,22

переговоры с другим римским полководцем, Фимбрией»[471]. Слова эти будто бы привели Суллу в ярость, и Архелай едва уговорил его продолжить переговоры, вызвавшись лично склонить царя к миру[472]. Сцена гнева возможно и была разыграна, но возмущение Суллы навряд ли было искренним. Позже, оправдываясь в заключении мира с Митридатом перед своими легионерами, он говорил будто бы, что если бы Митридат и Фимбрия объединились, воевать с обоими ему было бы не по силам[473].

Сулла по отъезде царского посла приказал Лукуллу идти с флотом к Абидосу, чтобы не допустить перехода троадских городов на сторону Фимбрии, а сам, пройдя Фессалию, начал военные действия против фракийских племен медов, дарданов, энетов и синтов. В союз с Суллой вступил царь одрисов Садал, приславший римлянам отряд Амадока, сына Тереса[474].

В 85 г. до н.э. Митридат испытал еще один серьезнейший удар – началось восстание боспорян. Боспор не был затронут военными действиями, однако он несомненно должен был поставлять воинов в царскую армию и снабжать ее продовольствием и снаряжением. Между тем, война вызвала в Черноморской державе жестокий экономический кризис, который прослеживается по резкому сокращению количества поступавшей в Северное Причерноморье понтийской бронзовой монеты: число понтийских чеканов 90-80 годов, найденных на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе, в 16,5 раз меньше, чем монет 111- 90 годов до н.э. Аналогичная картина наблюдается в Колхиде на городище Вани[475]. Заморские части митридатова царства утрачивали экономическую заинтересованность в черноморском единстве, а это неминуемо вело их к попыткам восстановить былую самостоятельность.

Тем временем, Сулла стал испытывать все большее беспокойство в связи с действиями Фимбрии, который, выйдя к Геллеспонту, осадил Илион. Илионцы послали вестников к Сулле, обещая сдаться ему, но пока шел ответ, Фимбрия после десятидневной осады взял город. «Когда Фимбрия стал хвалиться, что на одиннадцатый день захватил этот город, который Агамемнон взял с трудом лишь на десятый год, имея флот в тысячу кораблей, причем вся Греция помогала в походе, один из илионцев заметил: “Да, но у нас не было такого защитника как Гектор”»[476]. Потомок Энея поступил с Троей ничуть не лучше предводителя ахейцев: в городе «не осталось целым ни одного алтаря, ни одного святилища, ни одной статуи», храм Афины Фимбрия сжег вместе с укрывшимися в нем беглецами[477].

Когда в Филиппах Сулла встретился с вернувшимся от Митридата Эвпатора Архелаем, условия мира были выработаны. Митридат отказывался от всех приобретенных в ходе войны территорий и выдавал 70 «броненосных» триер и две тысячи талантов. Кроме того, Митридат посылал Сулле на помощь 500 лучников. Между прочим, царь освобождал захваченных в плен в начале войны Квинта Оппия и Луция Кассия. Сулла в свою очередь восстанавливал понтийского царя в звании «друга и союзника римского народа» (такое же звание получил Архелай, которому римский полководец кроме того подарил десять тысяч плетров – около 960 гектаров – земли на Эвбее[478]) и брал обязательство не чинить никакого вреда городам, добровольно принимавшим власть Митридата[479].

Договор был заключен в конце лета 85 г. до н.э. в Дардане, маленьком безлюдном городке на азиатском берегу Геллеспонта. На встрече Суллу сопровождали четыре когорты и

---

[471] *App.Mithr.*,56
[472] *Plut.Sylla*,23
[473] *Plut.Sylla*,24
[474] *App.Mithr.*,55; *Licin.*, 79-81; *Plut.Sylla*,23; Молев Е.А. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы. С.59; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.156
[475] Там же. С.137, 166, 168
[476] *Strabo*,XIII,1,27
[477] *App.Mithr.*,53; *Oros.*,VI,2,11
[478] *Plut. Sylla*,23
[479] *App.Mithr.*,55; 112; *Licin.*, 74-77; *Memn.*,35,2; *Plut.Sylla*,24

две сотни всадников, Митридата – 200 кораблей, 20 тысяч гоплитов, 6 тысяч конницы и колесницы[480].

Сам Сулла так описывает встречу в своих воспоминаниях: «Митридат вышел навстречу Сулле и протянул ему руку, но тот начал с вопроса, прекратит ли он войну на условиях, которые согласованы с Архелаем. Царь отвечал молчанием, которое Сулла прервал словами: «Просители говорят первыми – молчать могут победители». Тогда Митридат … начал речь о войне, пытаясь одно приписать воле богов, а за другое возложить вину на самих римлян»[481]. Царь будто бы говорил: «Война была вызвана вашими полководцами, и все, что я совершил для самозащиты, мне пришлось делать скорее по необходимости, чем по желанию»[482]. «Тут Сулла, перебив его, сказал, что он давно слыхал от других, а теперь и сам видит, сколь силен Митридат в красноречии, ведь, даже держа речь о таких подлых и беззаконных делах, он безо всякого труда находит для них благовидные объяснения и … еще раз спросил, выполнит ли Митридат условия, договоренность о которых была достигнута через Архелая. Царь ответил, что выполнит, и только тогда Сулла приветствовал его и, обняв, поцеловал, а затем подвел к нему царей Ариобарзана и Никомеда, и примирил его с ними»[483].

---

[480] *Plut. Sylla*,24
[481] Ibidem
[482] *App.Mithr.*,56
[483] *Plut.Sylla*,24

ВОЙНА С МУРЕНОЙ

... Так они воевали, пока воинственный пыл врагов не ослабел под влиянием битв

Мемнон

В Черноморской державе Митридата Эвпатора поражение в войне оживило центробежные тенденции. Отложились колхи и потребовали, чтобы им назначили особого правителя с титулом царя. Митридат, отплывший к берегам Колхиды, согласился было и назначил ее правителем сына, царевича Митридата, но вскоре, "заподозрив, что произошло это по проискам сына его, желавшего царства, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил"[484].

Рисунок 57. Митридат Эвпатор. Тетрадрахма.

Первейшей проблемой, вставшей перед Суллой, был вопрос о распоряжавшемся двумя легионами Фимбрии, который к моменту заключения Дарданского мира находился в Пергаме. Посулами и подкупом Сулле удалось склонить на свою сторону солдат соперника, и тому после безуспешных переговоров и столь же неудачной попытки покушения на Суллу ничего не оставалось как покончить с собой в пергамском Асклепийоне[485].

Установив единоличное командование всеми римскими силами на Востоке, Сулла занялся устройством дел в Азии. "Рабам, которым ранее Митридат предоставил свободу, он велел тотчас же вернуться своим господам. Так как многие не повиновались и многие города еще не подчинялись ему, то между толпами свободных и рабов происходила резня по различным поводам; стены многих городов были снесены, и жители Азии в большом числе проданы в рабство, а их страны разграблены"[486]. В конечном счете почти все подчинились Сулле; исключение составила Митилена на Лесбосе, которая отказалась добровольно впустить римлян.

Сулла направил Гая Скрибония Куриона для восстановления на престолах Никомеда Филопатора и Ариобарзана, а Пафлагонию разделил между Пилеменом, ранее посаженным

---

[484] *App.Mithr.*,64

[485] Ibidem,59; *Oros.*, VI, 2,11; *Plut.Sylla*,25. Посланный Суллой на переговоры П.Рутилий Руф предложил покинутому всеми Фимбрии помощь в бегстве из Азии, но тот, подозревая ловушку, отказался

[486] *App.Mithr.*,61

туда римлянами, и неким Атталом[487]. Родосцам, хиосцам, ликийцам и магнесийцам Сулла предоставил права "друзей и союзников римского народа", а затем отправился в Эфес, где провозгласил программу в отношении малоазийских общин "каппадокийской ориентации" (выражение Аппиана). Упразднялись все мероприятия, проведенные Митридатом Эвпатором в 86 г., Азия облагалась штрафом в 20 тысяч талантов, сверх этого за счет жителей городов устанавливалась оплата постоя легионеров: рядовых в сорокакратном размере (16 денариев в день), центурионов – в семидесятипятикратном[488].

Из Эфеса Сулла направился в Афины, Беотию и на Эвбею, где лечился на теплых водах и собирал силы для ведения гражданской войны, а по весне 83 г. отбыл на тысяче двухстах кораблях в Италию, оставив в Азии в качестве наместника Луция Лициния Мурену с двумя "фимбрианскими" легионами. Для сбора штрафа с Азии с отдельным войском был оставлен Луций Лициний Лукулл.

Хотя Сулла, желая нанести ущерб своим политическим противникам из числа римских всадников, отменил откупную систему взимания налогов в большей части Азии, тем не менее римские откупщики вовсе не убрались оттуда, ибо греческие общины, разоренные войной и политическими потрясениями, "сами без откупщика не могли уплатить дань, которую среди них равномерно распределил Сулла"[489], и вынуждены были прибегать к займам, предоставляемым на кабальных условиях публиканами. Совокупными действиями последних и римских магистратов долг Азии к 70 г. до н.э. был доведен до 120 тысяч талантов, так что для его выплаты города должны были закладывать театры, гимнасии, укрепления, гавани и другие общественные сооружения[490]. Страбон рассказывает по этому поводу не очень веселый анекдот о жителях Ким Эолийских: они, "заняв деньги от имени города, отдали в залог портики, а затем, после того как они не вернули деньги в назначенный срок, их не допускали до прогулок под портиками; во время дождя заимодавцы, побуждаемые стыдом, предлагали им через глашатаев укрыться под портиками"[491]. Жителям Книда Никомед предложил оплатить весь их огромный государственный долг в обмен на знаменитую статую обнаженной Афродиты работы Праксителя, но книдяне предпочли скорее претерпеть лишения, чем расстаться со статуей[492].

Римляне облагали поборами не только общины, действительно сотрудничавшие с Митридатом, но и нейтральные города. Используя в качестве повода эпизод начала I Митридатовой войны, когда Архелай захватил двух знатных жителей Гераклеи Понтийской, Силена и Сатира, и заставил их дать пять триер, римляне послали в Гераклею, несмотря на ее нейтралитет и помощь хиосцам, сборщиков штрафа, отчего горожане "были повергнуты в уныние, сочтя это началом рабства". Гераклеоты отправили в Рим посольство с просьбой отменить поборы, но пока оно добиралось до Италии, римские сборщики штрафа были убиты, "так что об их гибели никто и не узнал"[493].

В осложнившейся ситуации конца 80-х – начала 70-х годов до н.э. происшествие не получило дальнейшего развития.

---

[487] Ibidem,59-60. Согласно Лициниану (*Licin.*,83) Пафлагония была присоединена к Вифинии.
[488] *App.Mithr.*,61; Моммзен Т. История Рима. Том 2. С.360
[489] *Cic.Ad Quint. fr.*,I,1,33
[490] *Plut.Luc.*,20
[491] *Strabo*,XIII,3,6
[492] *Plin.Hist.Nat.*,VII,127; XXXVI,21
[493] *Memn.*,38. В.П.Дзагурова [Дзагурова В.П. Мемнон. "О Гераклее" / Вступительная статья // Вестник древней истории, 1951, №1. С.95] и С.Ю.Сапрыкин [Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический.. С.231] полагают, что эпизод с захватом заложников имел место в начале III Митридатовой войны, но ошибочно связан Мемноном с убийством публиканов, которое в любом случае произошло между 85 и 73 гг. до н.э. Однако, рассказ Мемнона внутренне целостен; по всей видимости это был исторический экскурс, призванный пояснить какие-то обстоятельства второй половины 70-х годов, но изложение самих этих обстоятельств было при сокращении опущено

С отплытием Суллы, Луций Мурена, "охваченный жаждою триумфа", начал "издевательским образом искать поводов к войне"[494]. Понтийский царь давал для этого достаточно оснований: он удержал наиболее богатую часть Каппадокии, собрал многочисленное войска и корабли для войны с боспорянами. К тому же Мурену подстрекал к войне перебежавший к нему Архелай – после Дарданского мира к подозрениям в предательстве под Херонеей по отношению к нему присоединились обвинения в чрезмерных уступках на переговорах с Суллой, и несомненно наиболее одаренный из царских военачальников счел за благо бежать из Синопы с женой и детьми, оскорбленный и полный жажды мщения[495]. Несмотря на то, что понтийский царь отправил к Мурене послов с просьбой подтвердить договор с Суллой, сулланский наместник не принял посольства, хотя, как замечает Мемнон, "послы, будучи эллинами и философами, больше порицали, чем одобряли Митридата"[496], и стал готовиться к военным действиям.

В 83 г. до н.э.[497] Мурена совместно с Ариобарзаном изгнал из Каппадокии понтийские отряды, основав на занятой территории город Ликинею.

Рисунок 58. Каппадокия.

Пока Митридат воевал с Муреной в Каппадокии, он и его зять, Тигран Армянский, оказались втянутыми в события вокруг Сирии. В 83 г. закончилось пятилетнее правление в Антиохии Селевкида Филиппа Филадельфа. Обстоятельства его кончины неизвестны, но, если

---

[494] *App.Mithr.*,64

[495] Ibidem; *Oros.*,VI,2,12. Впоследствии Помпей сделает его сына Архелая верховным жрецом Команы Понтийской, а его правнук, тоже Архелай, получит от Антония престол Каппадокии

[496] *Memn.*,36,1

[497] Т.Ливий помещает рассказ о войне Митридата против Мурены в книгу о событиях года консульства Г.Мария-младшего (82 г. до н.э.) [*Liv.Per.*,86] , но здесь речь идет вероятно не обо всей войне, которая, как следует из замечания Аппиана [*App.Mithr.*,66] в общей сложности длилась более двух лет и прекратилась на третий год, в 81 г. до н.э.

передаваемые Плутархом слова о Тигране, что тот "царей из рода Селевка предает смерти"[498], относятся к Филиппу, она явилась следствием столкновения с Арменией. Достаточно темные указания Юстина на то, что "народ прибег к помощи извне"[499], кажется свидетельствуют о причастности антиохийцев к свержению селевкидской династии. Так или иначе, после Филиппа жители Антиохии решили не передавать власть остававшимся еще потомкам Селевка Никатора, а стали подыскивать царя из чужестранцев. "Одни считали, что нужно призвать Митридата Понтийского, другие – Птолемея Египетского. Но случилось так, что Митридат был занят войной с римлянами, Птолемей же всегда был врагом Сирии. Поэтому все сошлись на царе Армении Тигране, который, помимо того, что имел собственные вооруженные силы, был вдобавок в союзе с Парфянским царством и в свойстве с Митридатом" [500]. Учитывая, что Митридат Эвпатор утратил власть над Каппадокией, контролировать удаленную Сирию он навряд ли смог бы, поэтому избрание дружественного Тиграна было для него скорее успехом, чем неудачей. Впрочем, установление власти Тиграна в новых владениях было не вполне мирным, так как Страбон пишет, что "он силой овладел самой Сирией и Финикией"[501].

Между тем, в Италии, где Сулла взял верх в гражданской войне: 7 июля 82 года он овладел Римом, а 1 ноября окончательно разгромил марианцев в битве у Коллинских ворот.

Путь сулланского воинства по Италии был отмечен массовой резней и беспощадными грабежами. В Антемне победители умертвили в цирке шесть тысяч пленных, позже в Пренесте убили двенадцать тысяч человек[502]. К согражданам сторонники Суллы проявили ничуть не больше милосердия, чем к италикам. По Риму прокатилась такая волна насилия, что обеспокоила даже некоторых Метеллов. Сулла прислушался к свойственникам … и нашел законный способ продолжить избиение недругов. Памятуя то ли митридатов «Эфесский указ», то ли побоище, учиненное Марием и Цинной, то ли и то, и другое, он обнародовал список лиц, поставленных вне закона. Их убийцы, кроме безнаказанности, получали по 12 тысяч денариев из имущества жертв, доносчики – денежное вознаграждение, а укрыватели сами объявлялись вне закона. Владения убитых сверх доли убийцы и доносчика конфисковались и продавались с аукциона, фактически они за бесценок распределялись между клевретами и фаворитами Суллы [503] (от латинского pro-scriptio, «письменное обнародование», такой способ массовых репрессий получил название «проскрипции»). В течение нескольких дней было вывешено три списка, где значились имена примерно полутысячи человек, причем «Любимец Афродиты» сказал в народном собрании, что на этот раз назвал тех врагов, кого вспомнил, а тех, кого еще припомнит, внесет в список позже[504]. «И не остались незапятнанными убийством ни храм божества, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей – на глазах матерей. Павших жертвою мести было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами убийцы, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого – сад, а иного – теплые воды»[505]. Нередко убитые вносились в списки задним числом, немало римлян подверглись преследованиям безо всяких обвинений. Очевидец писал: "И не было безопасности ни для кого, кроме окружения Суллы. Если человек приближался к спискам, он навлекал на себя порицание как вмешивающийся в чужие дела, в то же время, если избегал приближаться, его считали недовольным. Человека, который читал списки или задавал какой-нибудь вопрос о том, что там написано, начинали подозревать, что он разузнает что-то о себе или своих

---

[498] *Plut.Luc.*,14
[499] *Iust.*, L,1,1
[500] Ibidem,L,1,2-3
[501] *Strabo*,XI,14,15
[502] *Plut.*Sylla, 30;32
[503] *App.Bell.Civ.*,I,95; *Dio Cass.*, XXXIII,11-21; *Plut.Sylla*,31
[504] *Plut.Sylla*,31. Аппиан сообщает, что в списки были внесены имена приблизительно 40 сенаторов и 1600 римских всадников (*App.Bell.Civ.*,I,95). Сведения источников об общем числе жертв проскрипций разноречивы, предпочтение, по всей видимости, следует отдать хорошо информированному Титу Ливию, который определяет их в 3,5 тысячи человек (*Liv.Per.*,89)
[505] *Plut.Sylla*,31

товарищах, а того, кто не читал и не расспрашивал, подозревали, что ему это не по душе, и по этой причине он возбуждал ненависть. Слезы или смех оказывались роковыми на этом месте; тогда многие были погублены не потому, что сказали или сделали что-то запретное, но потому только, что нахмурились или улыбнулись. Так же тщательно наблюдали за их позами, и никому не было позволено не то, что всплакнуть о друге или порадоваться по поводу врага, но даже тех убивали на месте, кто усмехался по какой-либо причине. Кроме того, многие столкнулись с трудностями в их настоящих именах: некоторые, не знакомые с проскрибированными, давали их всякому, кому заблагорассудится, и таким образом многие погибли вместо других. Это вызвало большое замешательство, так как тогда некоторые могли дать всякому, кого они встретили, какое-угодно имя, какое им заблагорассудится, а другие могли отрицать, что это их имена. Некоторые были убиты, когда они еще не знали о том, что должны умереть, а других, которые не знали об этом заранее, убивали во всяком месте, где бы они ни находились; не было места, обычного или священного, которое было бы спасительно или безопасно для них. Некоторые, будучи спокойными, гибли неожиданно до того, как услышали о постигшей их беде, или в самый момент получения новости, и были счастливы избежать ужаса, предшествующего смерти, но те, кто услышал об опасности заранее и скрывался, был в жалком положении. Они не рисковали бежать, из страха быть обнаруженными, но и оставаться было нестерпимо из-за страха быть преданными; очень многие из них на самом деле были преданы своими близкими, и самыми дорогими из них, и так погибли. Вследствие этого, в результате постоянного ожидания смерти страдали не только те, чьи имена были написаны, но и остальные в той же степени"[506].

В числе гонимых оказался и девятнадцатилетний Гай Юлий Цезарь, вся вина которого перед Суллой состояла, собственно, в том, что его тетка была женой Мария, а жена – дочерью Цинны, притом с немалым приданым. Лишенный и отцовского наследства, и жениного приданого, юноша вынужден был скрываться в области сабинян. «Несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от ищеек, пока, наконец, не добился помилования» [507] (за молодого Цезаря ходатайствовали родичи его матери Аврелии, ярые сулланцы). Однако, большинству внесенных в списки спастись не удалось. Зато окружение Суллы сказочно обогатилось за счет конфискаций и спекуляций имуществом проскрибированных, на них выросло и крупнейшее частное богатство тогдашнего Рима – состояние Марка Красса.

Среди всеобщего страха народное собрание облекло Луция Суллу почти забытыми к тому времени полномочиями диктатора, предоставлявшими ему неограниченную власть “карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их”[508], с тем существенным отступлением от римских обычаев, что получил он диктатуру не на обычные полгода, а бессрочно, “пока государство не укрепится”.

Теперь Мурена мог рассчитывать на поддержку из Рима и явно не собирался ограничиваться полным изгнанием Митридата из Каппадокии . Осенью 82 года он вторгся в пределы митридатова царства и занял Команy[509]. "Многие", среди них по всей вероятности Архелай, советовали Мурене идти на Синопу с тем, чтобы, взяв ее, овладеть всем царством Митридата[510], но для этого у римского полководца не хватало то ли сил, то ли решительности. Представители понтийского царя принесли ему жалобу по поводу нарушения условий мира с Суллой, но Мурена заявил, что содержание Дарданского договора ему неизвестно. Тогда Митридат, воздерживаясь от военных действий, направил посольство к Сулле и в сенат. Мурена, чьи успехи в Понте ограничились взятием Команы, обобрав храмовую казну, отправился на зимовку 82/81 года в царство Ариобарзана. Весной следующего года он вновь переправился через Галис и принялся разорять понтийскую местность Тетракосиокомум

[506] *Dio Cass.*, XXXIII,11-20
[507] *Suet. Div.Iul.*,1; *Plut.Caes.*,1
[508] *Plut.Sylla*,33
[509] *App.Mithr.*,64; *Memn.*,36,1
[510] *Memn.*,36,3

("Долину Четырехсот Селений"). Тем временем к Мурене из Рима прибыл сенатор Калидий. Он огласил с трибуны распоряжение сената воздержаться от нападения на царя, так как с ним есть договор. Затем посланец сената имел с Мureной разговор с глазу на глаз, после чего возвратился в Италию. Луций Мурена не только не прекратил войны, но вновь двинулся во владения Митридата. Однако на этот раз царь послал наперехват Мурене Гордия. Понтийский военачальник вторгся за Галис, захватив много скота и людей, в том числе вражеских воинов, и, став на реке укрепленным лагерем, преградил Мурене путь. Римляне переправились было через Галис, но подошедший с основными силами Митридат нанес им поражение и сам перешел реку. Мурена попытался закрепиться на близлежащей возвышенности, но был выбит и оттуда, и, понеся большие потери, бежал, преследуемый стрелками Митридата, по горной дороге во Фригию[511]. Вся Каппадокия вновь оказалась под властью понтийского царя, который торжественно отпраздновал победу по персидскому обычаю. На вершине горы был воздвигнут "курган из дерева ... Первыми несут на этот курган дрова цари; положив их, кладут на них другой круг, меньший по окружности, на самый верх они возлагают молоко, мед, вино, масло и всякие курения, а у подножия они устраивают для присутствующих угощение, состоящее из хлеба и всяких приправ ..., затем они поджигают дерево. Этот горящий костер, вследствие своей величины, виден плывущим издали на расстоянии тысячи стадий..."[512].

Рисунок 59. Ариобарзан I. Монета Каппадокии.

Для урегулирования конфликта Сулла послал на Восток тогда еще молодого Авла Габиния. Четверть века спустя Цицерон дал Габинию уничтожающую характеристику (впрочем, красноречивейший из потомков Ромула не жалел гадких слов для политических противников): "человек, неожиданно вынырнувший из ночных потемок непотребных домов и разврата, загубленный вином, кутежами, сводничеством и блудом"[513]. Тем не менее, Габинию удалось достичь соглашения между Митридатом и Ариобарзаном: Митридат признавал Ариобарзана царем Каппадокии и выдавал за его сына (тоже Ариобарзана) свою четырехлетнюю дочь Атенаиду, но "сохранил все то, что имел в Каппадокии и присоединил лучшие области страны"[514]. Помолвку детей Митридата и Ариобарзана сопровождали пышные пиршества, на которых понтийский царь "угощал всех и назначал всем денежные награды за лучшие тосты, угощения и шутки, как он это обыкновенно делал"[515].

---

[511] *App.Mithr.*,65
[512] Ibidem. 66
[513] *Cic. Pro Sest.*,20
[514] *App.Mithr.*,66
[515] Ibidem

По всей вероятности именно в это время Габиний познакомился в окружении Мурены с Архелаем и его сыном, тоже Архелаем. Посланник Суллы сблизился с беглым митридатовым полководцем, Страбон называет Архелая другом Габиния[516]. В дальнейшем судьбы Габиния и Архелая Младшего причудливо переплелись в Египте. Когда четверть века спустя был свергнут с египетского престола Птолемей XII, и власть перешла к его дочери Беренике, Архелай, находившийся тогда в Сирии, через посредников предложил себя ей в мужья и египетские цари, утверждая, что он якобы сын Митридата Эвпатора. Габиний, который был наместником Сирии, сначала задержал молодого Архелая, а затем освободил его и позволил достичь Египта, где тот был провозглашен царем. Через полгода, однако, пути Архелая и Габиния вновь пересеклись: подкупленный Птолемеем XII Габиний вторгся в Египет, и в битве с ним в марте 55 г. до н.э. Архелай Младший погиб[517].

Закончив войну в Каппадокии, Митридат Эвпатор вурнулся к действиям против боспорян. Подробности возглавленного лично царем похода неизвестны, закончился он к зиме 80/79 годов восстановлением власти Митридата на Боспоре, наместником которого царь оставил сына Махара[518]. Автономия, которую боспоряне имели до 85 года, была если не совсем упразднена, то существенно урезана. Признаком этого стало прекращение чеканки в Пантикапее собственной золотой и серебряной монеты. Зато за Херсонесом, который по всей видимости оставался верным Митридату, право самостоятельного монетного чекана сохранилось[519]
.

Затем, то ли возвращаясь, то ли желая установить между Боспором и остальным царством связь по суше, Митридат Эвпатор ввязался в неудачную войну с так называемыми "кавказскими ахейцами", занимавшими побережье приблизительно между нынешними Сочи и Туапсе, и, "потеряв две трети войска в сражениях, от мороза и засад", вернулся в Синопу[520].

Мурена в 80 г. до н.э. был сменен на должности наместника Азии пропретором Квинтом Минуцием Термом, хотя Сулла и предоставил своему не в меру тщеславному легату триумф[521], ибо признание перед лицом сената и римлян поражения в столкновении с Митридатом не входило в планы диктатора.

Терм не стал ввязываться в новые предприятия в Азии, но решил наконец привести к повиновению митиленян, на пятый год после окончания войны все еще не признававших римской власти и даже принудивших Лукулла оставить Лесбос и уйти в Элею[522]. Военные действия под Митиленой потребовали участия вифинского флота, за которым к Никомеду Филопатору ездил молодой Гай Юлий Цезарь, отличившийся затем при штурме городских стен и награжденный дубовым венком[523]. Взятая Митилена была разграблена, 6 тысяч человек продали в рабство[524].

Цезарь после возвращения из-под Митилены оказался героем еще одного события, связанного с Митридатовой войной. Речь идет о красочно описанном Светонием и Плутархом нападении пиратов на корабль, которым он плыл, у острова Фармакуссы[525]. Это происшествие

---

[516] *Strabo*, XII,3,34
[517] Ibidem; *Dio Cass.*, XXXIX, 57
[518] *App.Mithr.*,67
[519] Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // Вестник древней истории. 1978, №1. С.53; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С.220-221
[520] *App.Mithr.*,67
[521] *Cic.Man.*,III,7; Idem. *Pro Mur.*,XV,32
[522] *Plut.Luc.*,4. Сам Лукулл впоследствии изображал уход из-под стен Митилены как намеренную военную хитрость
[523] Suet. Div.Iul.,2
[524] *Plut.Luc.*,4; *Liv.Per.*,89
[525] *Plut.Caes.*,2; *Suet. Div.Iul.*,2. Точное время этого происшествия установить трудно, оно имело место между 80 и 75 гг. до н.э.

было лишь одним из эпизодов принявшей необыкновенный размах деятельности пиратов, которые, базируясь на Фаселис, Исавр и Олимп в прибрежных горах Суровой Киликии, не ограничивались уже одними только нападениями на корабли, но совершили набеги на Наксос, Самос, Иассос, Клазомены и разграбили самофракийское святилище, откуда вывезли 100 талантов[526]. "Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла... Выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями" [527]. Римляне обвиняли в поощрении пиратства Митридата Эвпатора (это вообще было одним из излюбленных обвинений в отношении не нравившихся Риму правителей), однако оно несомненно было порождено более глубокими причинами, которые усугубили социальные потрясения, вызванные войной, и сулланские карательные мероприятия. Сам Гней Помпей как-то сказал о пиратах, что это "большей частью были люди обнищавшие и вместе с тем закаленные войной"[528]. Страбон совершенно здраво и справедливо писал о причинах расцвета пиратства в тогдашнем Восточном Средиземноморье: "В особенности побуждал к насилиям приносивший огромные выгоды вывоз рабов, ибо поимка рабов производилась легко, а рынок, большой и богатый, находился не особенно далеко, именно, Делос, который был способен в один день принять и продать десятки тысяч рабов. Отсюда пошла даже поговорка: "Купец, причаливай и выгружай корабль, все продано". Причина этого в том, что после разрушения Карфагена и Коринфа римляне разбогатели и нуждались в большом числе рабов. Ввиду такой легкости сбыта пираты появились в огромном количестве, они сами охотились за добычей и продавали рабов"[529].

[526] *App.Mithr.*,63
[527] *Plut.Pomp.*,24
[528] *Plut.Pomp.*,28
[529] *Strabo*, XIV,5,2

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МИРА

Война не умерла, она только задремала.

Марк Аврелий Котта

Завершение II Митридатовой войны, так же, как ранее Дарданский мир, не устранило причин римско-понтийской вражды. При взрывоопасной ситуации в восточных провинциях самостоятельное и проводящее активную внешнюю политику царство Митридата Эвпатора продолжало представлять опасность римскому владычеству в Азии.

Между тем, опыт Мария и Суллы наглядно показал деятелям Римского государства, что в условиях кризиса республиканского режима решающим доводом в споре соперничающих политических группировок является армия, созданная и закаленная во время внешней войны, но готовая бороться против внутренних врагов своего полководца. Успешная война, кроме того, обогащала военачальников, обеспечивала добычей легионеров и увеличивала доходы государства, что позволяло подкармливать массу люмпенов в Риме.

По окончании первой гражданской войны, забравшей по подсчетам римского историка жизни 150 тысяч человек, в том числе 7 преторов, 24 консуляров и 200 сенаторов[530], военная машина республики квиритов вновь обратилась к внешним завоеваниям. В 78 году до н.э. римляне начали сразу три войны: в 78-75 годах в результате похода Публия Сервилия Ватия Исаврийского против пиратов были расширены римские владения в Киликии, в 78-76 годах войну с фракийским Одрисским царством начал наместник Македонии Аппий Клодий Пульхр, сменивший его Гай Скрибоний Курион продолжал воевать с фракийцами в 75-73 годах, достигнув Дуная, в 78-76 годах Гай Косконий покорил большую часть Далмации, включая Салоны[531].

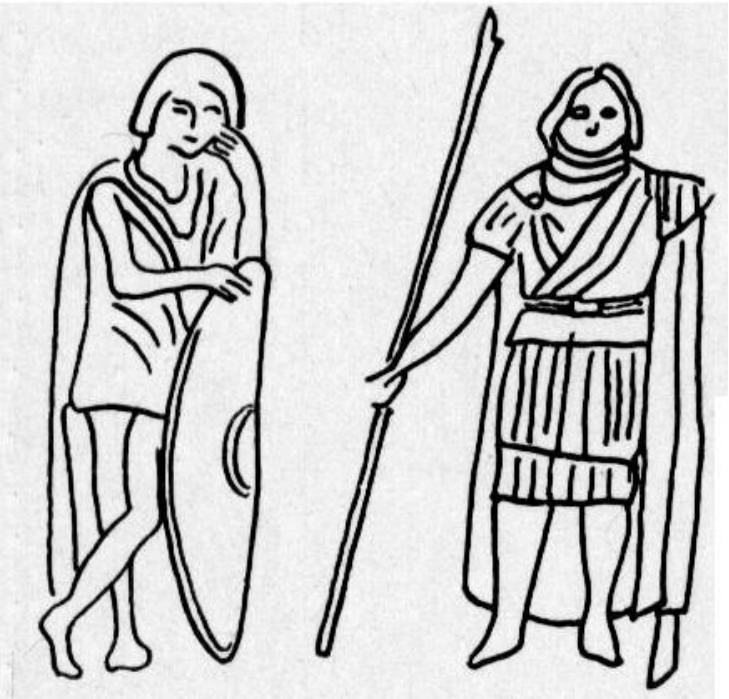


Рисунок 60. Боспорские воины. Прорисовки рельефов из Пантикапея (по Б. Г. Петерсу).

[530] *Eutr.*,V,9,2; Аппиан исчисляет число жертв гражданской войны в 100 тысяч человек (*App.Bell.Civ.*I,103).
[531] *Eutr.*,VI,14; *Liv.Per.*,90-93; Моммзен Т. История Рима. Том 3. М., 1941. С.37-38

На фоне возрастающей военной активности Республики римско-понтийские отношения оставались опасно неопределенными. Посланное в 79 г. до н.э. в Рим для заключения подтверждающего Дарданский мир письменного договора посольство Митридата оказалось безрезультатным: Сулла поддержал требования прибывших одновременно посланцев Ариобарзана полностью очистить Каппадокию. Когда же Митридат, выполнив их, вновь прислал посольство на римские холмы, диктатор, сложив с себя в конце 79 г. до н.э. полномочия, через несколько месяцев, в марте 78 г. до н.э., умер, а сенат не пожелал обострять и без того сложное положение переговорами об утверждении Дарданского мира, не принадлежавшего в глазах римлян к числу заслуг покойного[532]. В начале 77 г. до н.э., выступая в сенате в связи с мятежом Лепида, влиятельный сулланец консуляр Луций Марций Филипп назвал Митридата в числе главных врагов Римского государства и утверждал, что тот "угрожает нашим данникам, пока еще поддерживающим нас, и ждет удобного момента, чтобы начать войну"[533]. Поддержав его, сенат тем самым поставил под сомнение предоставленный Митридату Суллой статус "друга и союзника римского народа".

Убедившись в бесплодности попыток установить мирные отношения с Римом путем переговоров и уступок, понтийский царь обратился к своему старому союзнику Тиграну II. При содействии тестя армянский царь вторгся в Каппадокию, взяв и разорив Мазаку; он будто бы насильно переселил в Армению триста тысяч человек[534]. Это обеспокоило Рим, и в 76 году сенат принял решение усилить армии в Азии и Киликии[535]. Тогда, правда, оно выполнено не было.

Митридату Эвпатору не оставалось иного выхода, кроме как политическими, дипломатическими и иными мерами укреплять свое государство перед лицом грозящего столкновения с Римом.

К 80 году ему удалось стабилизировать Черноморскую державу. Археологические данные указывают на восстановление торговых связей между малоазийскими и северопонтийскими областями государства: количество найденных в Херсонесе и на Боспоре понтийских монет 80 - 70 годов в 5,5 раз превышает число обнаруженных там же малоазийских чеканов предыдущего десятилетия[536].

Митридат пытался найти союзников, но привлечь к военному союзу против Рима какое-либо из эллинистических государств ему не удалось. Несмотря на то, что дружественные отношения с Переднеазиатской державой Тиграна продолжали развиваться, они не вылились в направленный непосредственно против Рима военный союз[537]. Столь же спорным является вопрос о сохранении к этому времени существовавшего в начале 80-х годов до н.э. союза с иберами. Среди средиземноморских государств понтийский царь попытался сблизиться путем династических браков с Египтом: одна из его дочерей, Митридатис, была просватана за Птолемея XII, другая – Нисса – за Птолемея Кипрского[538], но возведенные на трон восстанием побочные Лагиды непрочно держались у власти и заняли выжидательную позицию.

Из греческих государств дружественные отношения сложились у Митридата с критянами, что в конечном счете стало одной из причин нападения римлян на знаменитый остров.

Особое место заняли поиски союзников среди римлян. Митридат VI отлично помнил, что именно гражданские распри в Риме позволили ему заключить достаточно почетный

---

[532] *App.Mithr.*,67
[533] *Sall.Orat.*,II,8
[534] *App.Mithr.*,67; *Strabo*,XII,2,9
[535] Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.47
[536] Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С.168
[537] Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.31, 79-80
[538] *App.Mithr.*,111

Дарданский мир. Поэтому царь охотно принимал фимбрианцев, дезертировавших из легионов после гибели своего вождя; к нему в частности перешли Луций Магий и Луций Фанний, которым Митридат поручил вести переговоры с восставшим в 80 г. в Испании Квинтом Серторием[539].

Почти непреодолимым препятствием, встававшим перед посланцами понтийского царя, казалось охраняемое римским флотом Средиземное море, однако, хорошо знавшие нравы провинциальных властей Магий и Фанний явились в 79 г. в карийский Минд и за взятку купили у квестора при наместнике Киликии Гая Верреса (того, что позже прославится грабежами и вымогательствами в Сицилии) быстроходный государственный корабль, ранее реквизированный в Милете, на котором благополучно прибыли к Серторию. После того как Серторий высказался за переговоры с Митридатом, в трехмесячное путешествие из Синопы в Испанию отправился доверенный полководец понтийского царя Метрофан. Согласно условиям союза, о которых он договорился с Серторием, Митридат в случае победы получал Вифинию, а Азия переходила в подчинение серторианского уполномоченного[540]. Чтобы облегчить Серторию борьбу за Рим царь попытался, правда неудачно, подкупить посланного в 77/76 г. в Испанию Гнея Помпея[541]. После провала переговоров с последним к пиренейским берегам была послана понтийская эскадра в составе 40 кораблей и 3 тысячи талантов, взамен к Митридату в качестве уполномоченного представителя был направлен одноглазый бывший сенатор Марк Марий, занявшийся переустройством понтийской армии по римскому образцу[542]. Из-за недостатка времени эти преобразования не дали желаемых результатов, да и сама перестройка была не очень глубокой и свелась по всей видимости к смене вооружения, это скорее всего имел в виду Гней Помпей, когда позднее говорил, что "Митридат обратился теперь к ... мечам и большим щитам"[543]. Однако, и она не была доведена до конца, так как всадники сохранили пестроту и роскошь одеяний[544].

Усилению единообразия строя противоречило увеличение числа отрядов воинственных племен. Согласно Аппиану в митридатовой армии середины 70-х годов имелись, из числа подвластных ему народов военные формирования халибов и левкосиров, а в качестве наемников или союзников обитавшие на черноморском побережье Кавказа ахейцы и гениохи, крымские тавры и скифы, а также язиги и царские савроматы, кораллы, фракийцы и бастарны[545], а также, вероятно, галаты[546].

Всего армия Митридата Эвпатора к 74 г. до н.э. насчитывала, согласно Аппиану, 140 тысяч пехоты и 16 тысяч конницы, согласно Плутарху – 120 тысяч пехоты и 16 тысяч конницы, согласно Мемнону и Страбону – 150 тысяч пехоты, 12 тысяч конницы и 120 серпоносных колесниц[547].

Кроме того, царь располагал флотом в 300 или 400 триер, не считая легких пентеконтер и керкур[548]. Экипаж каждой триеры состоял из 170 гребцов и 40 воинов, таким образом, на кораблях царь имел еще 63 - 84 тысячи человек. Строительство нового флота было закончено к весне 74 г., когда Митридат провел учения новопостроенных кораблей, а по их окончании совершил жертвоприношения Зевсу-Воителю и Посейдону, для которого в море сбросили пару белых коней[549].

---

[539] *Oros.*,VI,2, 12
[540] *Plut.Sert.*,23; *Sall.Hist.*,II,fr.8; III,fr.58; Reinach Th. Op.cit. P.315; ср.: *Cic.Pro Mur.*,XV (32)
[541] *Cic.Man.*,XVI,46
[542] *Plut.Luc.*,7; *Oros.*, VI,2,12. О Марке Марии (у Аппиана его имя записано "Варий") см.: *App.Mithr.*,77; *Plut.Luc.*,12
[543] *Plut.Pomp.*,31
[544] *Plut.Luc.*,11
[545] *App.Mithr.*,69
[546] Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты // Культура античного мира. М.,1966. С. 210
[547] *App.Mithr.*,69; *Memn.*,37,2; *Plut.Luc.*,7; *Strabo*, XII,8,11
[548] *Memn.*,37,2; *Strabo*, XII,8,11; Kromayer J. Op.cit. S.474-475
[549] *App.Mithr.*,70

По подсчетам Т.Рейнака в 63 г. до н.э., после одиннадцати лет войны, Митридат все еще располагал 171 миллионом драхм (28 тысяч 460 талантов)[550], кроме того немалые средства царь должен был затратить на ведение боевых действий, хотя оценить их размер сложно. Очевидно, что к 74 г. до н.э. его финансовые ресурсы были огромны. Помимо этого в разных местах побережья было запасено два миллиона медимнов (105 миллионов литров) зерна[551].

В те же годы доход Римского государства от податей составлял 50 миллионов денариев (47,8 миллионов драхм), хранившаяся на Капитолии государственная казна в 82 г. до н.э. составляла 14 тысяч либр золота и 6 тысяч либр серебра, или, в пересчете на серебро, 16 миллионов 50 тысяч драхм[552]. Однако, богатство Рима состояло не только в средствах государства, но и в имуществе частных лиц, этим республика квиритов отличалась от восточных царств.

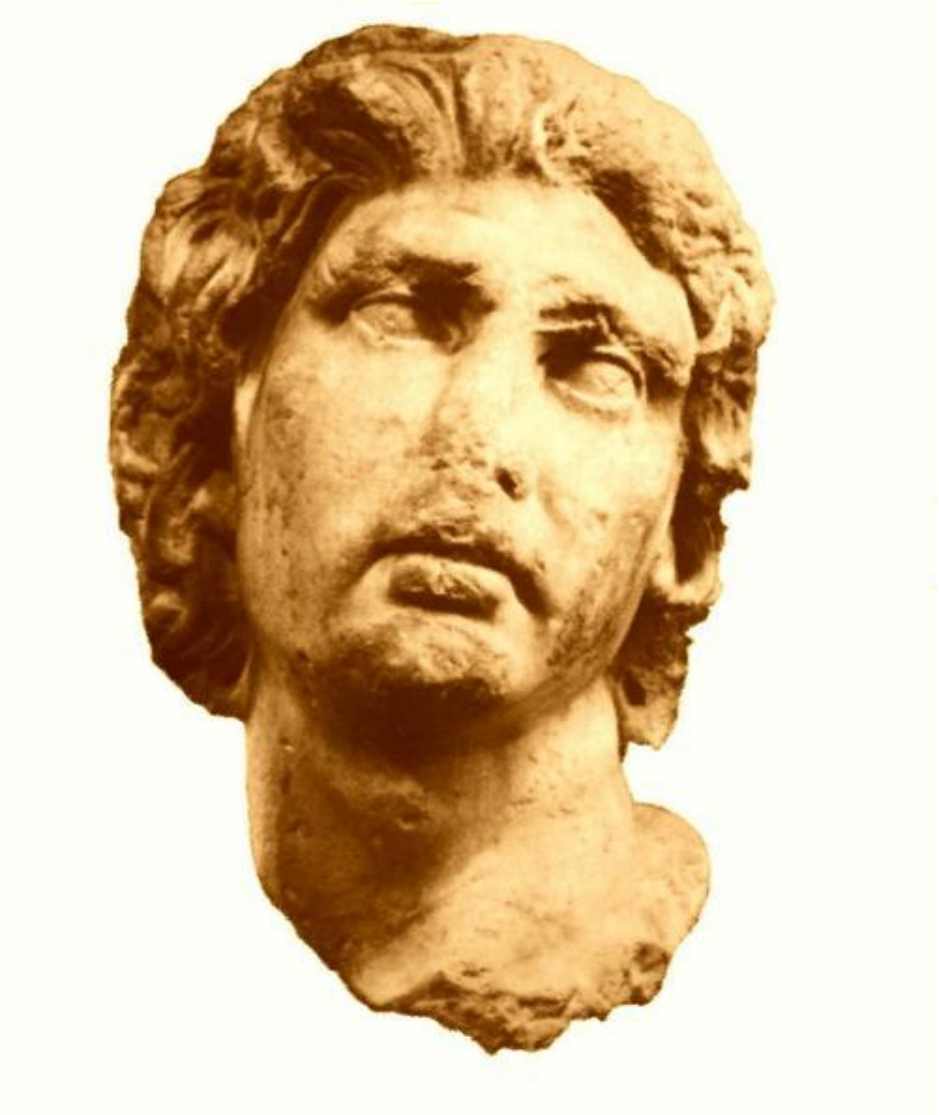


Рисунок 61. Митридат. Голова статуи. Одесский археологический музей.

К середине 70-х годов до н.э. среди ближайшего окружения понтийского царя произошли изменения. К этому времени вероятно уже умерли каппадокиец Гордий – он не упоминается после II Митридатовой войны – и "ближний друг" царя, "ведающий делами следствия" Паппий, сын Менофила; дети Паппия не достигли при дворе высокого положения

[550] Reinach Th. Op.cit. P.256
[551] *App.Mithr.*,69
[552] *Plin.Hist.Nat.*,XXXIII,16

– судя по надписи из Ольвии, его сын Никерат справлял какую-то должность в далеком Северном Причерноморье, а не в столице[553]. Среди военного командования оставались сильными позиции ветеранов I Митридатовой войны. К ним относятся командовавшие отдельными армиями опытный полководец Таксил, руководивший в 87-86 годах действиями понтийцев в Македонии, и воевавший в 86-85 годах под начальством предыдущего с Фимбрией Диофант, сын Митара. Видные посты в военной иерархии занимали и другие участники первой войны с Римом: Эвмах, бывший в 86 г. сатрапом Галатии, и соратник Диофанта Менандр из Лаодикеи; большим влиянием при дворе пользовался "друг царя" Менофан, победитель Мания Аквилия[554]. Метрофан, во время I Митридатовой войны не слишком удачно руководивший второстепенными операциями в Фессалии, к середине 70-х "заслужил благодарность царя своим повиновением" и стал одним из самых его доверенных военачальников[555]. В число высших командиров к этому времени вошли и представители следующего поколения понтийской знати, вступившие на военное поприще, такие как Гермей, сын Гайя, "совоспитанника" царя.

В то же время Дорилай, сын Филетайра, "совоспитанник" царя, "ведающий делами военного командования", верховный жрец Кибелы Команской, имевший многочисленных родичей среди понтийской верхушки, оказывается после первой войны с Римом, обнаружившей полное отсутствие у него полководческих дарований, оттесненным от начальства над войском. Вместо него ключевые посты прибрали к рукам римские перебежчики серторианец Марк Марий и фимбрианцы Луций Магий и Луций Фанний. Кроме того, на командные должности в армии стали назначаться, чего не было ранее, евнухи: Дионисий командовал в 72 г. флотом, Клеохар возглавлял оборону Синопы, Менофил начальствовал над гарнизоном Синореги[556].

Исключительное место при царе занял философ-платоник Метродор, получивший высочайший титул "отца царя" и наделенный Митридатом властью решать судебные дела без дальнейшего обжалования[557]. Этот Метродор, уроженец небольшого городка Скепсия в Троаде, благодаря поддержке своего земляка Деметрия, "человека богатого и знатного, большого любителя наук"[558], получил образование в Афинской Академии, затем был учителем красноречия на Родосе и в Афинах, где стал известен антиримскими выступлениями. Вследствие известности ему удалось, несмотря на бедность, выгодно жениться в Халкедоне, и он выдавал себя за халкедонца. Во время I Митридатовой войны или сразу после нее Метродор переехал с женой ко двору Митридата Эвпатора. Это был человек широко и разносторонне образованный, "он применял своеобразный новый стиль, изумляя многих"[559], но о сочинениях его Страбон отзывается довольно нелестно, высказываясь в том духе, что "рассказы Метродора Скепсийца в его книге "О привычке" похожи на сказку, и ими следует пренебречь"[560].

Стареющего Митридата по-прежнему окружал блистательный двор. Там жили поэты – Мирин, сын Диоскорида из Тарса, Эсоп, автор «Элогии Митридата» и «Эклоги Елены»[561], скульпторы, например, знаменитый резчик Солон, там же обреталась многочисленная челядь: шуты – среди них был особенно известен Сосипатр, парфюмеры (один из них, впоследствии вольноотпущенник некоего Лутация открыл в Риме парфюмерную лавку) и прочие[562].

В царской семье к середине 70-х годов произошли изменения: Мониму и Беренику среди жен царя оттеснила Стратоника, женщина самого незнатного происхождения. Плутарх

---

[553] IosPE,I^2: 34; Wilhelm A. Konig Mithradates Eupator und Olbia // Klio, XXIX,1936. S.50-59
[554] *App.Mithr.*,46,75,110,117; *Memn.*,31;34;37; *Plut.Luc.*,17
[555] *Sall.Hist.*,fr.22
[556] *Amm.Marc.*,XVI,7,9-10; *App.Mithr.*,76; *Oros.*,VI,3,2
[557] *Plut.Luc.*,22; *Strabo*, XIII,1,55. Титул "отец царя" известен у Селевкидов: при Антиохе III, например, его носил Зевксид, "очень близкий" к царю человек (*Ios.Fl. Ant.*,XII,3,4,)
[558] *Diog.Laert.*,V,84
[559] *Strabo*, XIII,1,55
[560] Ibidem, XVI,4,16
[561] Reinach Th. Op.cit. P.293
[562] *Nic. Dam.*,fr.102; CIL,I: 1065

излагает весьма романтическую историю женитьбы на ней Митридата: "она ... была дочерью какого-то старого и бедного арфиста. Играя на арфе во время ужина, она сразу произвела на Митридата настолько сильное впечатление, что, забрав ее с собою, он отправился в опочивальню, а старика отослал домой, раздосадованного тем, что у него не спросили в вежливой форме разрешения. Однако, проснувшись на следующее утро, отец увидел в своей комнате столы с серебряными и золотыми кубками и толпу слуг, евнухов и мальчиков, протягивавших ему драгоценные одежды, перед дверью стоял конь, убранный в роскошную сбрую, подобно коням друзей царя. Полагая, что это шутка, что над ним издеваются, старик уже собирался выбежать за дверь, но слуги задержали его, объявив, что царь подарил ему большой дом недавно умершего богача и эти дары только начатки и малый образец остального добра и сокровищ, которые его ожидают. В конце концов, насилу поверив своему счастью и надев на себя пурпурную одежду, старик вскочил на коня и поскакал по городу с криком: "Все это мое!" Людям, которые смеялись над ним, он говорил, что не этому должны они удивляться, а тому, что он, обезумев от радости, не бросает в них камнями"[563].

В целом Митридат, явно переоценив успех в войне с Муреной, полагал, что усиление личного влияния на армию и политику позволит ему избежать неудач в новом столкновении с Римом.

[563] *Plut.Pomp.*,36. Время этой женитьбы Плутарх не указывает, но в 66 году у Стратоники был сын, достаточно взрослый, чтобы сопровождать отца в походе, а между 73 и 67 годами до н.э. Митридату Эвпатору было не до женитьб. Следовательно, брак со Стратоникой состоялся где-то между 85 и 74 годами до н.э.

ПРОПОНТИДА

В милую землю родную бежим с кораблями немедля!
Широкоулочной Трои нам взять никогда не удастся!

Илиада

В 74 г. до н.э. римско-понтийские отношения особенно ухудшились. Консул этого года Луций Лициний Лукулл, сравнительно молодой, сорока двух лет, но уже имевший влияние среди оптиматов, пожелал обменять, под предлогом смерти наместника Киликии Луция Октавия, полагавшуюся ему Цизальпинскую Галлию на Киликию. Это позволило бы, выполняя сенатское решение 76 года, произвести набор войск и, кроме того, давало шанс на командование в предполагавшейся войне с Митридатом.

Лукулл был аристократом-нобилем, чья мать происходила из семьи влиятельнейших Цецилиев Метеллов, через которых он был связан родством с Эмилиями Скаврами, Сервилиями Ватиями, Муциями Сцеволами и Сципионами Насиками, а через жену состоявшим в свойстве с высокороднейшими патрициями Клавдиями (Клодиями) Пульхрами и Марциями Рексами. Близкий к Сулле – именно его диктатор назначил в завещании опекуном своего сына[564] – Лукулл тем не менее сумел остаться в стороне от преступлений сулланцев. Он был "статным, красивым, искусным в красноречии и выказывал острый ум как на форуме, так и в походах", "от природы добрым и человеколюбивым"[565], хотя дела, которыми он занимался, отнюдь не всегда располагали к человеколюбию. Отношения Луция Лукулла с младшим братом Марком были для современников образцом братской приязни: он "не пожелал без брата добиваться какой-либо должности и решил ждать, покуда тот достигнет положенного возраста"[566]. Вместе с тем, превратности гражданской войны породили в Лукулле непреодолимую неприязнь к черни, "он никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угождение подчиненным за унижение"[567]. Однако и принятая среди немалой части родной ему сенаторской знати игра в заскорузлые староримские "доблести" претила Лукуллу, который "еще в юные годы всей душой прилежал к той изощренной образованности, которую называют "вольною" и которая предметом своим имеет прекрасное"[568]; имя консула Муммия, разорившего Коринф, звучит в его устах как ругательство. А потому и "с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой"[569]. Кроме того, еще с древности за Лукуллом закрепилась репутация стяжателя. Факты показывают, что она была не совсем справедлива. Даже скандально отставленный впоследствии от командования из-за солдатских волнений Лукулл по случаю триумфа выдал каждому легионеру немалую сумму в 950 денариев; другое дело, что у его соперника Помпея наименьшая выплата солдатам по схожему случаю составила 1500 денариев[570].

Несмотря на противодействие претора Марка Антония и Гнея Помпея, Лукулл в результате закулисных интриг, душой которых был беспринципный политикан Корнелий

---

[564] *Plut.Luc.*, 4
[565] Ibidem, 18;33
[566] Ibidem, 1
[567] Ibidem, 33
[568] Ibidem, 1
[569] Ibidem, 33
[570] Ibidem,37; *Plut.Pomp.*,45

Цетег (Лукулл презирал его, но во имя достижения цели установил связи через общую любовницу Прецию), добился соответствующего постановления народного собрания[571]. Передача киликийского наместничества энергичному и честолюбивому оптимату, да еще с правом набора войск, серьезно усилила опасность столкновения.

Рисунок 62. Митридат Эвпатор.

Неизбежность его стала очевидной после смерти в 74 году до н.э. вифинского царя Никомеда Филопатора[572]. Внутриполитическое положение в Вифинии было запутанным. От Ниссы, сестры Ариарата VII, Никомед имел двух детей – сына Ликомеда и дочь Ниссу, – но жену обвинил в измене и заговоре, детей объявил незаконными и завещал царство Риму[573]. Ходили, однако, слухи, будто перед смертью Никомед Филопатор признал права на диадему за сыном от Ниссы, внучатым племянником Митридата Эвпатора, и понтийский царь вроде бы занял по отношению к последнему покровительственную позицию.

Сенат поспешил привести в силу завещание Никомеда IV и назначил в Вифинию наместником коллегу Лукулла по консулату Марка Аврелия Котту, также получившего право набора войск, а правитель Азии Марк Юнк послал своего легата Марка Помпея за сокровищами умершего царя[574]. Интерес к новой провинции проявили и римские всадники – Цицерон сообщает об образовании общества для аренды царских имений в этой стране[575].

В обстановке сложившегося вокруг вифинского наследства кризиса Митридат решил нанести удар первым[576]. В произнесенной перед войском накануне выступления

---

[571] *Plut.Luc.*, 6

[572] Год смерти Никомеда IV указывает Евтропий (*Eutr.*,VI,6,1)

[573] *Sall. Hist.*,II,71; Reinach Th. Op.cit. P.114

[574] *Plut.Luc.*,6; Reinach Th. Op.cit. P.319; Габелко О.Л. Ук.соч. С.404-406.

[575] *Cic.Leg.agr.*, II,19 (50)

[576] По вопросу о времени начала III Митридатовой войны среди исследователей нет единства. Т.Моммзен, опираясь на свидетельства Цицерона (Pro Mur.,XV (33)), а также оглавлений 93 и 94 книг Т.Ливия, согласно которым Л.Лукулл и М.Котта начинают войну в качестве консулов, и указания Аппиана, что Митридат напал на Вифинию после весенних учений флота (*App.Mithr.*,70) отнес начало военных действий к весне 74 г. (Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.48) Однако позже Т.Рейнак обнаружил монету Никомеда IV, датированную 224 годом вифинской эры, что соответствует октябрю 74 – октябрю 73 г. до н.э. На основании этого он сделал вывод, что правление царя продолжалось до поздней осени 74 г., а война началась весной следующего (Reinach Th. Op.cit. P.318-321). Следует исходить из того, что ошибки современника событий

речи Митридат Эвпатор сначала прославлял своих предков и восхвалял самого себя, "говоря, что свое царство, бывшее маленьким, он сделал огромным и лично не разу не был побежден римлянами. Затем он высказал против римлян обвинения в корыстолюбии и жадности, под гнетом которых стонет порабощенная Италия и сама их родина. Кроме того, по поводу последнего договора он заявил, что римляне не хотят заключить его письменно, выжидая удобного момента, чтобы вновь напасть на него. Возлагая на них вину за эту войну, он отметил силу своего войска и его снаряжения, указал на то, что римляне тогда были заняты серьезной борьбой с Серторием в Иберии, а в Италии происходила междоусобица. Поэтому, сказал он, они не обращают внимания и на море, уже долгое время находящееся во власти морских разбойников, и нет у них никакого союзника, и никто по доброй воле не является их подданным"[577].

Понтийская армия, сосредоточенная в начале войны в Приморской Пафлагонии, за девять дней быстрым маршем пересекла Тимонитскую Пафлагонию и Галатию, после чего разделилась на две части: одна, во главе с Таксилом и Гермократом вторглась с юго-востока, следуя параллельно течению Сангария, в Вифинию, другая, под командованием Марка Мария – при ней находился сам царь – двинулась в Азию, вглубь которой были посланы конные отряды Луция Фанния и Метрофана[578]. Вероятно в это же время в Эгейское море был послан флот для помощи критянам, против которых в 74 г. до н.э. претор Марк Антоний начал военные действия, обвиняя их в поддержке Митридата[579]. Вместе с кораблями, посланными ранее на помощь Серторию к берегам Испании, численность митридатова флота в Средиземном море достигла 80 судов[580].

"Города, – пишет Плутарх, – снова встречали его (Митридата) с радостью, и не только в Вифинии"[581]. Впрочем, успехи понтийского царя за пределами Вифинии были не очень значительны: на его сторону перешли лишь Лампсак, Парий и Приап, которым от имени Сертория была кассирована часть долгов[582]. Конница Фанния и Метрофана была остановлена и отбита легатом пропретора Азии Гаем Сальвием Насоном в Геллеспонтской Фригии и легатом Мамерком в Мисии Аббаитской[583] и вынуждена была возвращаться для соединения с основными силами окружным путем через Мэонию и выжженную пустыню Инорим[584]. Тем не менее понтийское наступление настолько обеспокоило проживавших в Азии римлян, что они, опасаясь повторения событий 88 года, стали создавать вооруженные отряды – так поступил, например, находившийся тогда в

Цицерона и писавшего всего через полвека после них Т.Ливия исключаются. Скорее нужно таким образом понимать текст Аппиана, что смотр флота и жертвоприношение Зевсу и Посейдону, совершенное Митридатом "с наступлением весны", имели место тогда, когда Никомед был еще жив, а вторжение в Вифинию состоялось не менее чем полугодом позже. Вместе с тем, вифинская монета с датой "224 год" вполне могла быть посмертным чеканом Никомеда IV (см.: Габелко О.Л. Ук соч. С.403-403).

[577] *App.Mithr.*,70. Как и в остальных случаях, проверить аутентичность речи Митридата не представляется возможным

[578] *App.Mithr.*,70; *Memn.*,37,2; *Oros.*,VI,2,16

[579] *Flor.*,XLII,3,7

[580] *Memn.*,43,1; 48,1

[581] *Plut.Luc.*, 7

[582] *Plut.Sert.*, 24. Известны монеты Пария, датированные 224 и 225 годами понтийской эры, то есть октябрем 74 – октябрем 72 гг. до н.э. (Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // Вестник древней истории/ 1969, №3. С. 59)

[583] В храме Дианы у озера Неми сохранилась надпись, где речь идет о действиях Сальвия Насона в "Мисии Аббаитской и Эпиктетах, который их предохранил от митридатовой войны своею доблестью" (Reinach Th. Op.cit. P.329)

[584] *Oros.*,VI,2,16-18; Reinach Th. Op.cit. P.329-330, 467

Карии Гай Юлий Цезарь[585]. Одновременно с военными действиями на западе Малой Азии царский стратег Диофант, сын Митара, занял Каппадокию[586].

Рисунок 63. Гавань в Бандырма (древний Кизик). Современный вид.

В конце 74 г. на Восток прибыли, имея при себе по набранному в Италии легиону, Луций Лициний Лукулл, получивший сверх киликийского наместничества полномочия правителя Азии на пять лет, и его коллега Марк Аврелий Котта.

Лукулл взял под свое командование два расквартированных в провинции "фимбрианских" легиона и, став у верховьев Сангария, занялся набором еще двух[587]. Сенат постановил было выделить на постройку военного флота три тысячи талантов, однако Лукулл воспротивился этому, вероятно опасаясь соперничества со стороны командующего новым флотом, и заверил сенаторов в письме, что "и без таких затрат и хлопот, с одними только кораблями союзников сумеет прогнать Митридата с моря"[588].

К Лукуллу прибыл и Архелай, не забывший старых обид и готовый предложить услуги в войне против Митридата Эвпатора еще одному римскому полководцу, тем более, что знакомы они были вероятно еще со времен переговоров понтийского военачальника с Суллой. Архелай уверял Лукулла, что стоит тому появиться в Понтийском царстве, тотчас все оно окажется в его руках[589].

Марк Котта же, сделав по пути остановку в Кизике, где к нему присоединилось не менее 4 тысяч гоплитов и не меньше 10 триер[590], направился в Халкедон, где уже находился командующий римским флотом Публий Рутилий Нуд, и куда стекались со всей Вифинии римляне[591]. Митридат перебросил туда основные силы. Дальнейшие события описываются противоречиво, одни римские авторы обвиняли Котту в нерешительности, другие, наоборот, в опрометчивости. Так или иначе, командующий римским флотом

---

585 *Suet. Div. Iul.*,4
586 *Memn.*,37,2
587 *Plut.Luc.*,7
588 *Plut.Luc.*,13
589 *Plut.Luc.*,8
590 *Plut.Luc.*,9
591 *App.Mithr.*,71; *Memn.*,37,2; *Plut.Luc.*,8

Публий Нуд "с некоторой частью войска занял наиболее укрепленные пункты на равнине, но изгнанный оттуда, бежал к воротам Халкедона, одолев с большим трудом много препятствий. Около ворот произошла сильная давка, так как все спешили прорваться в них. Поэтому ни одна стрела преследовавших не пропадала даром. Когда же и стража, стоявшая у ворот, испугавшись, неожиданно опустила на них затворы, то Нуда и некоторых других начальников они подняли наверх при помощи ремней, другие же погибли, находясь между врагами и друзьями, простирая руки к тем и другим. Митридат, пользуясь таким благоприятным поворотом судьбы, повел в тот же день свои корабли на гавань и, разорвав заграждения из бронзовых цепей, сжег четыре неприятельских корабля, а остальные шестьдесят захватил на буксир, причем ни Котта, ни Нуд не оказывали ему в этом сопротивления, но отсиживались, запершись за стенами"[592]. В битве при Халкедоне особенно отличились бастарны, обратившие в бегство римскую пехоту и первыми ворвавшиеся в гавань[593]. С римской стороны потери на море составили 8 тысяч человек убитыми и на суше пали еще 5300 человек, в том числе сенатор Луций Маллий, тогда как из числа воинов Митридата Эвпатора погибло всего около 730 человек, в том числе чуть более 20 бастарнов[594]. Успех понтийского царя породил уныние у римлян и их союзников. "Митридатова удача поработила дух всех"[595].

Ободренный царь направил во Фригию Эвмаха, который быстро пересек область, "убил многих римлян с их детьми и женами" и достиг Писидии и Исаврии[596].

Митридат Эвпатор, оставив Котту запертым в Халкедоне, с лета 73 года сосредоточил усилия на осаде Кизика.

Крупнейший полис Геллеспонтской Фригии соперничал, по словам Страбона, "с первыми городами Азии величиной, красотой и устройством как своих гражданских, так и военных дел"[597]. Он был знаменит якорным камнем, будто бы оставленным аргонавтами, и деревянным зданием городского совета, построенным без единого гвоздя. Знаком богатства Кизика был храм Зевса, где стыки между мраморными плитами были заполнены золотом[598].

Этот город оказался единственным, предоставившим существенную помощь римлянам, и от овладения им зависело отношение малоазийских эллинов к Митридату. Кроме того, Кизик с его двумя гаванями и двумястами корабельными доками был важной морской базой, которую царь не желал уступать Лукуллу.

Царское войско с ходу захватило расположенные на азиатском берегу предместья Кизика, а затем переправив часть армии на остров Кизик[599], Митридат осадил город с моря и суши.

Учитывая политическое и стратегическое значение Кизика, к нему, вопреки советам Архелая вторгнуться прямо в Понтийское царство, спешно двинулся Лукулл. С ним было пять легионов, а также союзники, всего тридцать тысяч пехоты и тысяча шестьсот человек конницы[600].

Митридат выслал навстречу римлянам отряд, встретивший их близ Отрии, но из-за случайности сражения не произошло: "внезапно небо разверзлось, и показалось

---

[592] *App.Mithr.*,71
[593] Ibidem; *Memn.*, 39,1
[594] *Memn.*,39,2. Аппиан и Плутарх определяют цифру римских потерь в 3-4 тысячи пехотинцев, не считая моряков (*App.Mithr.*,71; *Plut.*,Luc.,8)
[595] *Memn.*,39,3
[596] *App.Mithr.*,75
[597] *Strabo.*,XII,8,11
[598] *Plin.Hist.Nat.*,XXVI, XXII-XXIII
[599] В настоящее время вследствие изменений береговой линии остров превратился в полуостров Капыдагы в Мраморном море
[600] *App.Mithr.*,72; *Plut.Luc.*,8

большое огненное тело, которое неслось вниз, в промежуток между обеими ратями; по виду своему оно более всего походило на бочку, а по цвету – на расплавленное серебро"[601]. Напуганные падением метеорита противники разошлись без боя.

В дальнейшем два войска вновь встретились и между ними произошла конная стычка. "Заметив, что македонские всадники, бывшие в его вспомогательном войске, по внезапному сговору перебегают к неприятелю, (Лукулл) велел трубить к походу и послал турмы в погоню за ними. Неприятели, думая, что начинается сражение, встретили перебежчиков копьями. Македонцы, видя, что, с одной стороны неприятель их не принимает, а с другой стороны их теснят те, от кого они дезертировали, по необходимости вовлеклись в настоящее сражение и напали на неприятеля"[602].

Тем временем, занимавшийся обеспечением войска еще при Сулле Луций Лукулл точно определил, что главная слабость митридатовой армии состоит в ее численности и возникающих из этого трудностей с продовольственным снабжением. Римский полководец "велел привести к себе одного из пленных и сначала спросил его, много ли товарищей было с ним в одной палатке, а затем – сколько в палатке было запасено продовольствия. Когда тот ответил, Лукулл велел ему уйти и подверг такому же допросу другого, третьего, затем сопоставил количество заготовленного продовольствия с числом едоков и пришел к выводу, что запасы врагов кончатся в три-четыре дня"[603]. Исходя из этого, Лукулл решил избегать решительного сражения и брать неприятеля измором.

Осуществлению такого плана весьма поспособствовал Луций Магий. К тому времени его отношения с Митридатом Эвпатором по каким-то причинам испортились, и он решил переметнуться к Лукуллу, на что последний согласился, пообещав перебежчику прощение и безопасность[604]. Магий стал уверять царя, что его бывшие товарищи из "фимбрианских" легионов только и ждут момента, чтобы изменить Лукуллу, а для этого они займут гору Адрастия, отделявшую царскую армию от римской и господствовавшую над местностью у пролива между материком и Кизиком; чтобы убедить Митридата к нему даже явились посланцы от легионеров. Под влиянием магиевых посулов Митридат, вопреки мнению Таксила, позволил римлянам занять Адрастию, и оказался отрезанным от удобных дорог вглубь материка возвышенностями, озерами и реками[605]. Между тем, посланник Митридата к "фимбрианцам" (Мемнон называет его Архелаем), был ими убит, а письмо царя легионеры, привязав к стреле, пустили обратно[606].

Несмотря на то, что огромное войско оказалось фактически запертым на небольшом пространстве, Митридат, рассчитывая на господство на море, решил продолжать осаду. Тем временем сопровождавшему Лукулла Архелаю удалось переправить в Кизик своего посланца Демонакта (он переплыл пролив между материком и городом на доске с подвязанными двумя мехами, "раздвинув ноги, как рулевые весла, он направлял свой курс, а стоявшие на посту, глядя на него издали, приняли его за морское животное"), который сообщил кизикийцам о прибытии римского войска; в дальнейшем тем же путем удалось переправиться и лукулловым воинам[607].

Пока Лукулл стоял вблизи Кизика, понтийская армия обрушила на городские укрепления самую совершенную на то время осадную технику, построенную под руководством фессалийца Никонида. Митридат Эвпатор "осуществлял нападения на

---

[601] *Plut.Luc.*,8

[602] *Front.*,II,7,8. Событие у Фронтина не имеет точной хронологической увязки, однако, маловероятно, чтобы попытки перебежать к Митридату предпринимались позже, когда понтийская армия терпела поражения и отступала

[603] Ibidem

[604] *App.Mithr.*,72. Аппиан указывает, будто Магия побудило к измене известие о гибели Сертория, но здесь он или его источник ошибается – Серторий был убит Перперной только в следующем, 72 г. до н.э.

[605] *App.Mithr.*,72; *Plut.Luc.*,9

[606] *Memn.*,40,1-3; *Sall.Hist.*,III,fr.32-33

[607] *Front.*,III,13,6; *Plut.Luc.*,9; *Sall.Hist.*,fr.37

город всяческими способами, отделив гавань двойной стеной и окружив рвами остальные части города. Он насыпал много насыпей, выстроил много осадных машин, башен и "черепах" для таранов, соорудил осадную машину в сто локтей[608] высотой, над которой поднималась вторая башня с катапультами, бросавшая в город камни и другие метательные снаряды. В гавани две связанные между собой пентеры несли на себе еще башню, с которой выбрасывали мост при помощи особого приспособления, когда она приближалась к стенам"[609].

Перед нападением на город Митридат велел подвезти на кораблях к стенам три тысячи кизикийцев, захваченных под Халкедоном, которые, "простирая руки ..., умоляли пощадить своих сограждан, подвергающихся такой опасности, пока, наконец, военачальник кизикийцев Писистрат не велел со стены объявить им, чтобы они терпеливее сносили случившееся, коль попали в плен"[610].

Техника не принесла понтийцам успеха: два штурма с суши и один с моря были отбиты горожанами; хотя во время последней атаки часть стены и упала, защитники Кизика отразили натиск царских воинов, а за ночь восстановили стену[611]. Вскоре в канун праздника Феррефатий Митридата постиг новый удар: разыгравшаяся буря опрокинула и разрушила многие осадные машины, в том числе гигантскую осадную башню[612]. Царское войско было отведено на гору Диндим, откуда начало, под руководством все того же Никонида, подкоп под городские стены. Митридат Эвпатор лично наблюдал за работами и немало времени проводил под землей. Но и эта попытка овладеть Кизиком закончилась плачевно: соорудившие контрподкоп защитники города едва не захватили в подземном ходу самого царя, и ради его спасения стоивший стольких усилий туннель был уничтожен[613].

Между тем, с наступлением зимы подвоз припасов по морю резко сократился, и митридатово войско стало испытывать недостаток продовольствия. Первое время "Митридата обманывали его собственные полководцы, и он пребывал в неведении относительно голода, царившего в лагере, досадуя на то, что кизикийцы все еще не сдаются. Но скоро настал конец его честолюбивому и воинственному пылу: он узнал, какая нужда терзала его воинов, доводя их до людоедства"[614]. Царь решил отослать в Вифинию ненужные под Кизиком конницу и обоз, но ночью в снежную бурю они были настигнуты на берегах Риндака имевшим при себе легион Лукуллом и разбиты. Потери понтийской конницы согласно Саллюстию составили 15 тысяч человек и 6 тысяч коней; впоследствии жители соседней Аполлонии промышляли тем, что обирали трупы разряженных понтийских всадников[615].

Воспользовавшись затруднениями понтийского царя под Кизиком, верный римлянам тетрарх толистобогов Дейотар, сын Думнорига, нанес поражение Эвмаху и изгнал из Галатии царские гарнизоны[616].

Митридат предпринял попытку добыть необходимое для осаждавшего Кизик войска продовольствие в Азии и Греции, но и она не удалась – направленный с этой целью в Эгейское море флот Аристоника, имевшего при себе 10 тысяч статеров, был

---

[608] 44,6 метра
[609] *App.Mithr.*,73
[610] Ibidem; *Front.*,IV,5,21
[611] *App.Mithr.*,74
[612] Ibidem; *Plut.Luc.*,10
[613] *App.Mithr.*,76; *Diod.*,fr.Escor. 33; *Ael.*,fr.14 Hercher; *Strabo*, XII,8,11
[614] *Plut.Luc.*,11. Ср.: *App.Mithr.*,76; *Eutr.*,VI,6,3; *Memn.*,40,3; *Liv.Per.*,95
[615] *App.Mithr.*,75; *Plut.Luc.*,11; *Memn.*,40,1. По данным Мемнона потери понтийцев в этой битве составили 10 тысяч убитыми и 30 тысяч пленными
[616] *App.Mithr.*,75

изменой выдан Лукуллу[617]. После этого царю Митридату не оставалось ничего другого, как прекратить бесплодную осаду.

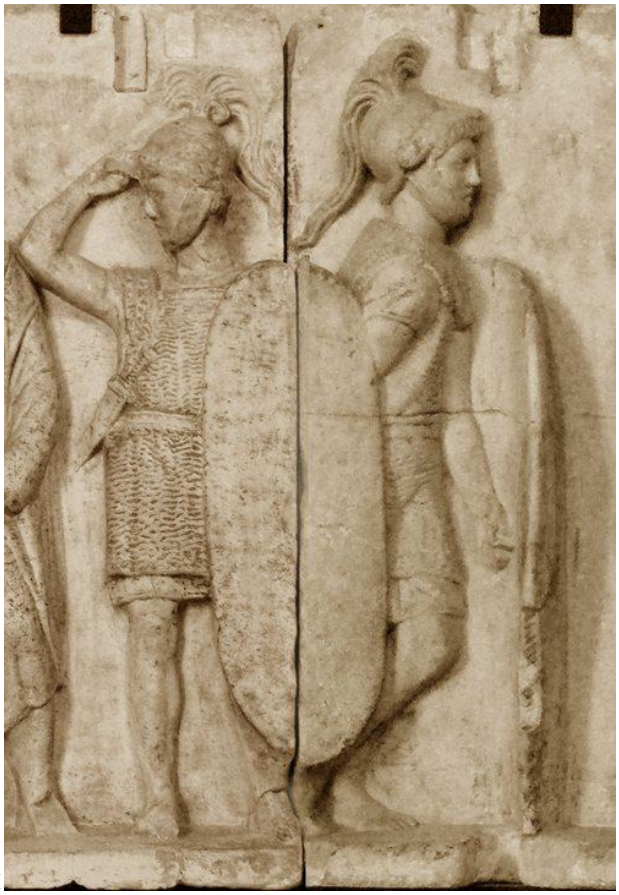


Рисунок 64. Легионеры. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр.

Причина провала под Кизиком состояла не том, что Лукуллл сумел подсчитать необходимое для понтийской армии количество провианта, а Митридат – нет. И сам царь, и Таксил, и Марк Марий были достаточно искушены в военном деле, чтобы определить потребности войска. Причина состояла и не в предательстве Луция Магия – в конечном счете по сухопутной дороге к Кизику можно было подвезти ненамного больше продовольствия, чем за сто километров морем из Прусиады-Киуса. Причина была в том, что избранная Митридатом Эвпатором стратегия ведения войны, которой соответствовали численность и состав войска, равно как система его снабжения, и не предполагала длительных осад греческих городов. Она была рассчитана на то, что эллины Азии, как и в 88 г. до н.э., сами будут открывать ворота новому Гераклу - Освободителю. Однако, Митридат не учел, что ореол избавителя от римского гнета он окончательно утратил в Дардане, и вернуть его было невозможно. Царь сам себя обманывал воспоминаниями минувшей славы. Малоазийские греки, несмотря на злоупотребления публиканов и притеснения римских наместников, оказались в лучшем для Митридата Эвпатора случае безразличны к его походу. Кампания была проиграна не тогда, когда легионеры заняли склоны Адрастии, а тогда еще, когда власть понтийского царя не была принята далее реки Скамандр в Троаде. Дальнейшее оказалось только закономерными последствиями этого. По истечении чуть более года с начала войны Митридат мог лишь предпринимать лихорадочные усилия, чтобы сохранить хоть что-то из того, что несколькими месяцами ранее представляло собой огромное войско.

[617] *Plut.Luc.*,11. Возможно это тот самый Аристоник, который когда-то отличился под начальством Диофанта в северо-западном Крыму

Рисунок 65. Римский военный корабль. Римская монета.

Часть армии во главе с самим царем, погрузившись на корабли, отплыла, чтобы обмануть Лукулла, не на восток, в Вифинию, где ее скорее всего можно было ожидать, а на запад, в Парий. Поскольку суда всех вместить не могли – при посадке и так произошла давка, "желающие сесть на них привешивались к ним, одни уже были переполнены, другие же должны были уже наполниться; из-за множества людей одни затонули, а другие перевернулись" [618] – тридцатитысячному пешему отряду, во главе которого были поставлены Марк Марий и Гермей, приказано было пробиваться по суше в Троаду. Лукулл напал на оставленный понтийцами лагерь, разграбил его и перебил остававшихся там больных и раненых[619].

До Айсепа отступление понтийской пехоты более напоминало бегство; Флор приводит колоритную деталь: "Царь, зная о римской жадности, приказал разбросать золото и деньги, чтобы задержать преследователей"[620]. В арьергардных боях на Айсепе, а затем на Гранике отряду Мария и Гермея удалось, несмотря на потери[621], сохранить отступавшее войско и укрыть его в Лампсаке. Во время этого отступления понтийцами был разграблен город Приап, вероятно проявивший какие-то колебания в пользу римлян, а из местного храма Артемиды похищена статуя богини[622].

После сражения на Гранике Лукулл прекратил преследование царских войск и, отправив отряд для осады Лампсака, наконец-то вошел в Кизик.

К этому времени среди находившегося в Парии понтийского командования вероятно созрела идея, опираясь на господство царского флота в Пропонтиде, овладеть ее северным, фракийским побережьем и выйти к Лампсаку, заставив Лукулла сражаться в Троаде, вместо того, чтобы наступать на Вифинию и Понт. Митридат вероятно надеялся на помощь фракийцев-бессов, занимавших Родопы и Гем и дружественно к нему настроенных[623]. В связи с этим весной 72 г. митридатов флот отплыл к фракийскому побережью и начал осаду Гераклеи-Пейринфа. Однако овладеть городом оказалось невозможным[624].

---

[618] *Memn.*, 40,4
[619] *App.Mithr.*,76; *Memn.*,40,3-5
[620] *Flor.*,XL,18
[621] Плутарх, опираясь вероятно на Саллюстия, называет цифру в 20 тысяч погибших (*Plut.Luc.*,11), но такие потери на тридцатитысячный отряд маловероятны
[622] *Plut.Luc.*,13
[623] См.: *App.Mithr.*,69
[624] *Memn.*,40,5

Кроме того неблагоприятная для Митридата Эвпатора обстановка складывалась в соседней Фракии: младший брат Луция Лукулла Марк (усыновленный в семье Теренциев Варронов, он носил имя Марк Теренций Варрон Лукулл) в 72 году нанес поражение фракийским бессам, овладел их столицей Ускудамой (позднейший Адрианополь), городами Эвмолпиадой и Кабиле, а затем вышел к союзной Митридату Аполлонии Понтийской, взял и разграбил ее. Под власть Марка Лукулла перешла также Месембрия, где он оставил гарнизон[625].

В таких условиях царь решил свернуть военные действия в западной Пропонтиде. По его приказу на пятидесяти кораблях из Лампсака в Парий были вывезены укрывавшиеся там пехотинцы под командованием Гермея, а также лампсакийцы. В городе для охраны Геллеспонта было оставлено 10 тысяч отборных воинов во главе с Марком Марием, Александром Пафлагонским и евнухом Дионисием, которым был придан флот. После этого Митридат на оставшихся кораблях отплыл в Никомедию[626]. У Пария случилась страшная буря (ее считали наказанием, посланным Артемидой за ограбление храма в Приапе), в которой многие царские суда погибли[627].

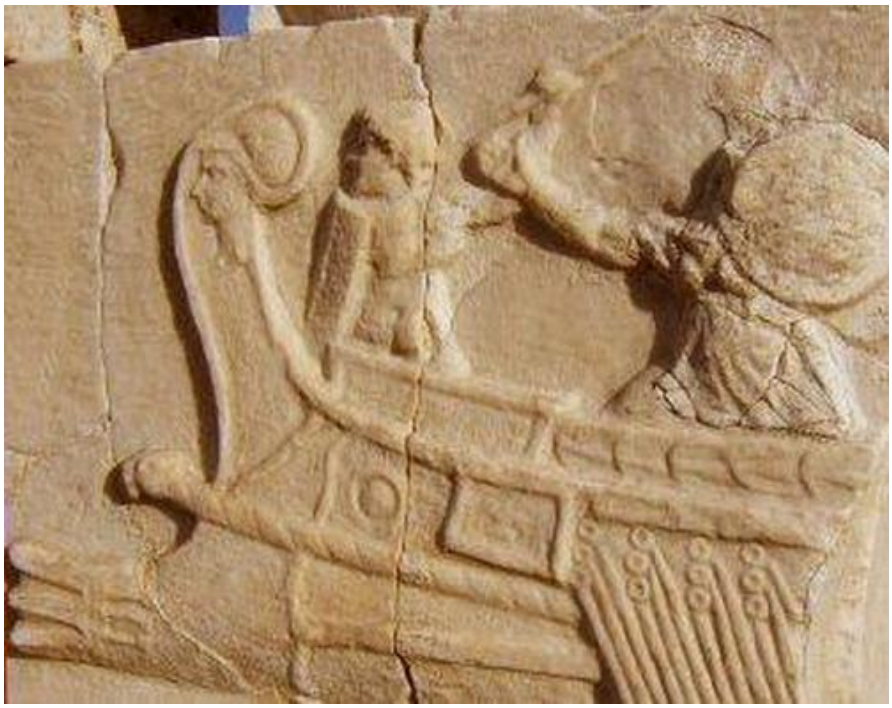


Рисунок 66. Нос римского военного корабля. Остия.

Оставленные в Лампсаке корабли Митридата немало обеспокоили римлян. Позже Цицерон говорил о флоте, "который с военачальниками Сертория во главе рвался к берегам Италии, горя яростью и ненавистью"[628]; это несомненно риторическое преувеличение, но блокада понтийцами пути из Эгейского моря в Пропонтиду крайне затрудняла действия Лукулла в Вифинии. Поэтому римский полководец отправился из Кизика в Троаду, где стал собирать корабли подвластных и дружественных римлянам греческих городов. С ними его легат Гай Валерий Триарий неожиданно настиг между островом Тенедос и Ахейской Гаванью, что у древней Трои, тринадцать пентер наварха Исидора и потопил их. Затем сам Лукулл напал врасплох на стоявшие на якоре у Лемноса основные силы лампсакского флота в количестве 32 кораблей. Сначала римлянам не

[625] *Amm.Marc.*,XXVII,4,11; *App.Illyr.*,30; *Eutr.*,VI,10;7,1;*Liv.Per.*,97; *Oros.*,VI,3; *Sall.Hist.*,III,51; *Strabo*, VII,6,1
[626] *App.Mithr.*,76
[627] Ibidem; *Plut.Luc.*,13; *Sall.Orat.*,VI,14
[628] *Cic.Man.*, 21

удавалось смять линию выстроившихся у берега понтийских судов, и лишь высадив на острове десант и напав с тыла, они одержали победу. Марк Марий, Александр Пафлагонец и Дионисий укрылись в какой-то пещере, где и были настигнуты. Евнух Дионисий при этом отравился, Марка Мария же Лукулл приказал убить, так как "считал, что римлянин и сенатор не должен идти в триумфе"[629].

После этого, передав союзные корабли под командование Гая Триария, Лукулл отправил его против вифинских городов, лежащих на Пропонтиде, а другого своего военачальника, Барбу – вглубь страны. За короткое время Триарий овладел Апамеей и Прусиадой-Киусом, Барба – Прусой-Киером и Никеей[630]. Жители большинства вифинских городов либо не оказывали римлянам сопротивления как Прусиада-Киус, либо помогали им изгонять царские гарнизоны как Никея и Пруса-Киер. Только Апамея сопротивлялась Гаю Триарию, но и в ней в конце концов возобладала группировка, открывшая ворота римлянам, которые устроили избиение сбежавшихся под защиту храмов апамейцев из враждебной партии[631].

Тем временем вновь осмелевший Котта вышел из Халкедона и к осени 72 года разбил лагерь в 150 стадиях (около 25 километров) севернее Никомедии, где находился Митридат Эвпатор. Узнав об этом, и Триарий поспешил к Никомедии с юга.[632]. Митридату угрожала блокада. Однако кораблей в то время ни у Триария, ни у Котты не было, а командующий лукулловым флотом в Эгейском море Воконий занялся посвящением в самофракийские таинства и упустил время. Осенью 72 года до н.э. Митридат Эвпатор отплыл к Византию, а оттуда в Понт Эвксинский[633].

История вновь повторялась – блестящие победы в начале войны сменились, как и полтора десятилетия назад, поражениями, только результаты побед теперь были гораздо скромнее, а последствия неудач – несравненно тяжелее. Враг стоял у порога отцовского царства Митридата и не собирался искать мира.

Разыгравшаяся в осеннем Понте страшная буря потопила шестьдесят царских кораблей[634]. Судно, на котором плыл сам Митридат Эвпатор, "из-за своей величины не могло подойти к берегу, и кормчие остановили его в разбушевавшемся море, среди ярости волн, но и на воде оно уже не могло держаться, так как в трюм набралась вода, и царю пришлось перейти на легкое пиратское суденышко, доверив свою жизнь морским разбойникам"[635]. На корабле киликийского пирата Селевка царь Митридат Эвпатор Дионис достиг устья реки Гиппий на побережье Мариандинии, в полусотне километров от Гераклеи Понтийской, где и зазимовал[636].

В то время в Гераклее правил Ламах, с которым царь "был связан старинной дружбой". Митридат обещаниями и подкупом склонил его к сотрудничеству. Тот, "приготовив за городом роскошное пиршество для граждан и приказав не закрывать под этим предлогом городские ворота, напоил народ допьяна, по уговору предварительно тайно приготовив все. Митридат явился в тот же самый день. Итак, город оказался в руках Митридата, а гераклеоты даже и не подозревали о его приходе. На следующий день, созвав народ, царь заискивал перед ним дружественными речами и уговаривал сохранить

---

[629] *App.Mithr.*,77; Cic.Pro Mur.,33; *Memn.*, 42,2; *Oros.*, VI,2,21-22 *Plut.Luc.*,12. Ахейскую Гавань местом первой битвы называет Плутарх, Цицерон и Мемнон называют ее битвой у Тенедоса
[630] *App.Mithr.*,77; *Memn.*,41,1-3
[631] *App.Mithr.*,77; *Memn.*,41,1; *Oros.*,VI, 2,24
[632] *Memn.*,42,1
[633] *Plut.Luc.*,13; *Eutr.*,VI,6,3
[634] *App.Mithr.*,78; *Memn.*,42,2; *Oros.*,VI,2,24; *Plut.Luc.*,13; *Sall.Orat.*,VI,14
[635] *Plut.Luc.*,13
[636] *Memn.*,42,2; *Oros.*,VI,2,24

благосклонность к нему"[637]. Оставив в городе четырехтысячный гарнизон под начальством галата Коннакорика и распределив среди горожан, особенно среди должностных лиц, деньги, Митридат оставил город.

Из Гераклеи царь отплыл в Синопу, а затем в Амис, откуда послал послов за помощью к скифам, Тиграну II и к боспорскому наместнику царевичу Махару[638].

Послов царь выбрал крайне неудачно. Посланный к скифам Диокл тут же перебежал с царским золотом и дарами к Лукуллу[639]. Что же касается отправленного в Армению "отца царя" Метродора, то он будто бы сказал Тиграну: "Как посол я прошу за своего государя, как советчик говорю – откажи!"[640]. "Царь царей", как показали дальнейшие события, вполне внял совету – помощи от него до окончания военных действий Лукулла в Понте Митридат не получил. Метродор жил некоторое время при армянском царе, для которого сочинил "Деяния Тиграна", а затем, после бегства в Армению Митридата Эвпатора, был отправлен к своему прежнему господину, и по дороге то ли был убит по приказу последнего, то ли покончил с собой, то ли умер от болезни; Тигран напоследок удостоил его почетного погребения[641].

Предательства Диокла и особенно Метродора, людей, близких к царю, обнажили глубокую трещину, возникшую после поражений 72 г. до н.э. между Митридатом Эвпатором и понтийской верхушкой.

---

[637] *Memn.*,42,3-5
[638] *App.Mithr.*,78
[639] Ibidem
[640] *Plut.Luc.*,22
[641] Ibidem; *Strabo*, XIII,1,55

ПОНТИЙСКАЯ КАТАСТРОФА

Когда народ от гнева разгорится,
Он как пожар – тушить не помышляй!

Эврипид

После гибели в кампании 73-72 годов сухопутной армии и большей части флота Митридата Эвпатора его царство осталось беззащитным. Зимою 72/71 года Лукулл вторгся через Галатию в Понт и, несмотря на то, что дорога из Анкиры к побережью, то пересекающая горы, то проходящая по долинам рек, "даже сейчас трудна и извилиста"[642], в короткий срок занял южночерноморское побережье от Синопы до реки Термодонт и достиг Амиса[643]. Основная часть римского войска осадила Амис и расположенный рядом Эвпаторий[644], другая – Темискиру.

Одновременно Котта взял в осаду Гераклею, а Валерию Триарию, в подчинение которого передали семьдесят триер, было поручено уничтожение остатков митридатовых эскадр, посылавшихся ранее на помощь Серторию и критянам[645].

Оборона Амиса и Темискиры протекала ожесточенно: "осаждавшие жителей Темискиры выстроили против них башни, насыпали большие насыпи и вырыли подземные ходы столь просторные, что в них под землей большими отрядами вступали друг с другом в рукопашный бой. Жители же Темискиры, сделав сверху отверстия в эти ходы, пускали туда против работающих медведей и других диких зверей, а также рои пчел". Амисенцы тоже "сильно отбивались от них [римлян], часто выходили из-за стен и вызывали на единоборство"[646]. В течение зимы на суше Лукулл не имел особых успехов. На море, правда, Триарию удалось покончить с остатками митридатова флота в Эгеиде[647]. В это же время, вероятно, Ариобарзан вернулся в Каппадокию.

Рисунок 67. Митридат Эвпатор. Статер.

Митридат Эвпатор с зимы 72-71 годов находился в Кабирах за Ликом. В этом городе у отрогов Париадра были построены царский дворец, водяная мельница и зверинец, поблизости

[642] Хайнд Д. Ук. соч. С.176
[643] *Plut.* Luc.,14; App. Mithr.,78
[644] В Понтийском царстве был еще один город с таким названием, у слияния Лика и Ириса
[645] *Memn.*,43,1
[646] *App.Mithr.*,78
[647] *Memn.*,48,1-2. Мемнон пишет, что царский флот был разбит Триарием у Тенедоса, однако он, возможно, смешивает эту битву с морским сражением, произошедшим здесь ранее

располагались охотничьи угодья и рудники. В 35 километрах от Кабир стояла неприступная крепость Кенон Хорион ("Новое Место"): на вершине укрепленной отвесной скалы там "бьет источник, выбрасывающий много воды, а у подошвы – река и глубокая пропасть. Высота скалы над гребнем огромная, так что она неприступна; кроме того, она окружена удивительной стеной"[648]. Окружающая местность была покрыта густым лесом, скалиста и безводна, так что в пределах 120 стадий (22 километров) там невозможно было разбить лагерь.

Здесь царь собрал новое войско в 40 тысяч пехотинцев и 8 (по Аппиану и Плутарху – 4) тысячи конников[649], частью новобранцев, частью выведенных из Каппадокии.

Митридат сохранил деление своих вооруженных сил на две части, во главе которых он поставил прежних командующих вифинской и каппадокийской армиями Таксила и Диофанта, сына Митара[650].

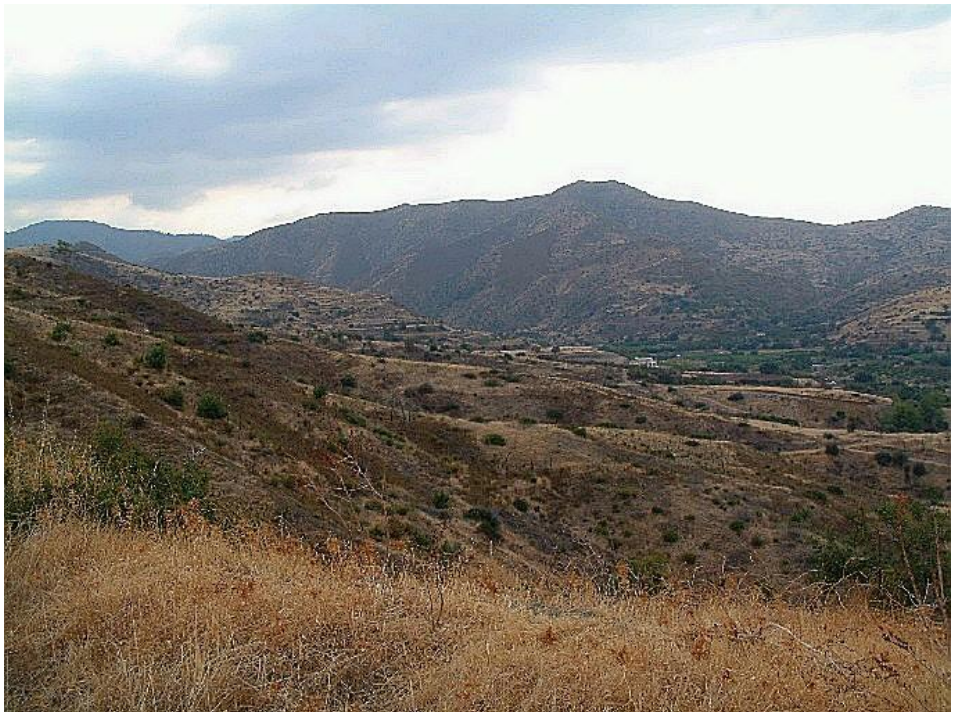


Рисунок 68. Долина Ириса. Современный вид.

В Кабирах Митридату Эвпатору пришлось в очередной раз испить горечь измены близких. Его молочный брат и один из ближайших друзей, второй человек в государстве Дорилай, сын Филетайра, некогда изобличавший предательство Архелая, сам "был уличен в попытке склонить царство к восстанию на сторону римлян"[651]. Дорилай вероятно претендовал на диадему и, возможно, рассчитывал обосновать права на престол женитьбой на сестре Митридата Ниссе. Заговор был раскрыт и его участники либо подверглись репрессиям – были казнены свойственники Дорилая Тибий и его сын Теофил, сотни представителей знати, в том числе царевна Нисса подверглись заключению в крепостях Малой Армении, – либо успели перебежать к Лукуллу, как двоюродный брат Тибия, дед по матери историка Страбона, сдавший римлянам пятнадцать крепостей, или полководцы Луций Фанний и Метрофан[652]. Самого Дорилая царь, то ли по личным мотивам – они все-таки были друзьями с детства, то

---

[648] *Strabo*,XII,3,30-31

[649] *App.Mithr.*,78; *Memn.*,43,3; *Plut.Luc.*,15. Т.Ливий (*Liv.Per.*,97) определяет численность вооруженных сил, которыми Митридат располагал в Понте (включая, по всей видимости, гарнизоны городов и крепостей) и которые были разгромлены Лукуллом, в 60 тысяч человек

[650] *Memn.*,43,3

[651] *Strabo*,XII,3,33

[652] *Plut.Luc.*,18; *Sall.Hist.*,IV,fr.2; *Strabo*, XII,3,33

ли по соображениям политики, не решался казнить и содержал в Кабирах[653]. Заговор показал, что понтийская знать во все большей своей части готова была во имя сохранения доходов и привилегий достичь мира ценою жертвы Митридатом Эвпатором.

Рисунок 69. Римский всадник. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр.

Луций Лукулл, оставив под Амисом Мурену Младшего, весной 71 года перевалил через Понтийский хребет. Здесь царя вновь ожидало предательство. "У Митридата были выставлены передовые отряды, чтобы задерживать Лукулла и, тотчас же зажегши огонь, дать ему знать, если что-нибудь случится. Командиром этого сторожевого отряда был у Митридата человек из царского рода по имени Фойникс. Когда Лукулл стал приближаться, он, правда, дал знать Митридату огненным сигналом, но сам со своими силами перешел к Лукуллу"[654].

При приближении римлян Митридат перешел Лик и в конной битве нанес противнику жестокое поражение. В плен попал командующий конницей Лукулла Луций Помпоний[655]. Когда раненого его доставили к Митридату, то "на вопрос царя: "Чем бы ты мог отблагодарить меня, если я не лишу тебя жизни?", он ответил: "Если бы ты был другом римлян, то очень многим; если же ты остаешься римлянам врагом, то я не стану даже говорить"... Когда варвары требовали убить его, царь ответил, что он не проявит насилия в отношении доблести, попавшей в тяжелое положение"[656].

В той же конной битве на стороне римлян отличился некий Олтак или Олкаб из числа дандарских правителей азиатской части Боспора, перебежавший ранее к римлянам и "награжденный Лукуллом допущением к столу полководца, правом высказывать суждения и участвовать в тайных совещаниях"[657]. Через некоторое время, правда, Олтак счел себя оскорбленным (его не допустили в палатку Лукулла, когда тот отдыхал в полдень), возвратился к понтийскому царю и даже выдал тому некоего скифа Собадака,

[653] *Plut.Luc.*,17
[654] *App.Mithr.*,79
[655] *App.Mithr.*,79; *Plut.Luc.*,15
[656] *App.Mithr.*,79
[657] *App.Mithr.*,79

намеревавшегося бежать к римлянам[658]. Лукулл распустил слух, будто бы Олтак был подослан Митридатом с целью его убийства и бежал обратно, опасаясь разоблачения, однако в правдивости такой версии сомневался уже Аппиан[659].

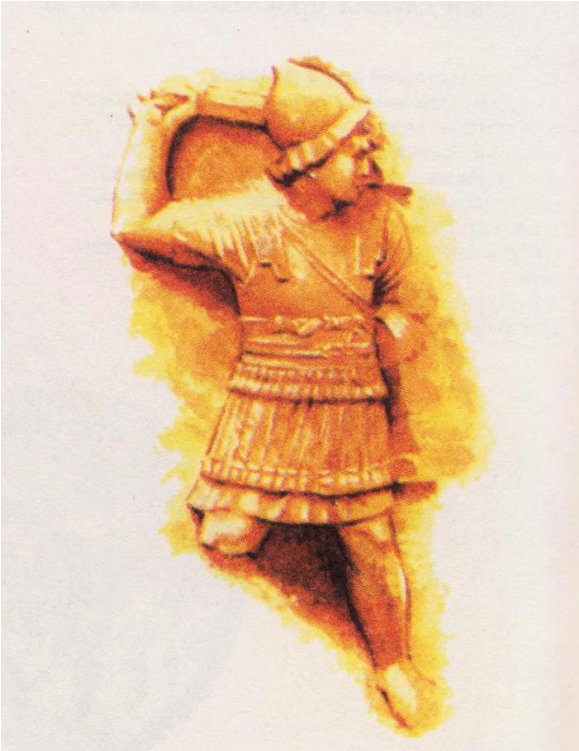


Рисунок 70. Воин в малоазийском вооружении. Рельеф из храма Афродиты Левкофриены, Лувр.

После поражения на Лике Лукулл был вынужден отступить в лесистую труднопроходимую местность на склонах Париадра, лишенную запасов продовольствия. По дороге римляне нашли в пещере грека-охотника Артемидора, который горными тропами провел их к высотам над Кабирами, где легионеры стали лагерем[660]. Там произошло несколько стычек, хотя вступать в битву ни одна из сторон не решалась[661].

Тем временем войско Лукулла все острее испытывало нужду в продовольствии. За ним в Каппадокию был отправлен Сорнатий с одним легионом. Сначала Сорнатий рассеял преследовавший его отряд Менандра, но затем "Митридат, выступив из своего укрепленного лагеря, укорами заставил своих воинов повернуть назад и навел на римлян такой страх, что они бежали вверх, в горы, не замечая, что враги остались далеко позади, но каждый думал, что бегущий возле него является неприятелем: так сильно они были перепуганы. А Митридат разослал повсюду письменные сообщения об этой победе"[662].

Лукулл однако послал за продовольствием новый отряд, на этот раз во главе с Фабием Адрианом. Наперерез ему были направлены Менемах и Мирон с 4 тысячами пехотинцев и 2 тысячами всадников[663]. Понтийские всадники, "встретившись с передовой частью отряда, доставлявшего продовольствие, в узком проходе, и не дождавшись, когда он выйдет на широкую равнину, сами для себя, как это бывает на небольшом пространстве, сделали коней бесполезными. За это время римляне, успев из дорожной колонны перестроится в боевой порядок, одних царских воинов убили, так как пешим помогла узость прохода, других загнали

---

[658] Ibidem
[659] Ibidem; *Front.*,II,5,30; *Plut.Luc.*,16
[660] *App.Mithr.*,80; *Plut.Luc.*,15
[661] *Plut.Luc.*,15
[662] *App.Mithr.*,80. Плутарх (*Plut.Luc.*,17) приводит рассказ о первоначальном успехе Сорнатия, но замалчивает его дальнейшее поражение и бегство
[663] *Memn.*,43,4; *Plut.Luc.*,17

в горы, третьих рассеяли, обратив в бегство. Лишь немногие ночью прибежали в лагерь, утверждая, что только они остались в живых; они распространили преувеличенное представление об этом поражении, которое было немалым"[664]. Ходили слухи, что кроме двух человек все остальные были изрублены римлянами[665].

Рисунок 71. Долина Лика. Современный вид.

После этого царские служители и командиры по приказу царя, не желавшего распространения паники, запретили воинам вывозить из лагеря свое имущество, тогда как сами втайне, ночью, принялись это делать (позже Митридат объяснял подготовку к переносу лагеря намерением перейти из опустошенной боями местности в располагавшую запасами продовольствия[666]). "У ворот столкнулось большое количество вьючных животных; войско увидало все это и узнало, кто увозит свой груз"[667]. Как только тайное стало явным, произошел взрыв: "Солдаты пришли в ярость, столпились у выхода из лагеря и начались бесчинства: имущество расхищалось, а владельцев предавали смерти"[668]. Был убит незадолго до того получивший жреческий сан герой Лампсака Гермей, не пожалели взбунтовавшиеся и изменника Дорилая[669]. Сам Митридат Эвпатор "выбежал к ним из своей палатки и пытался что-то сказать, но его уже никто не слушал; затертый в толпе и сбитый с ног, он упал"[670]. Затем солдаты "бросились к лагерным укреплениям, стали их разрушать и разбегаться из равнины во все стороны безо всякого порядка, кто куда мог"[671]. В потоке бегущих Митридат оказался за пределами лагеря; тут его узнал евнух Птолемей и уступил царю своего коня[672].

---

[664] *App.Mithr.*,81
[665] *Plut.Luc.*,17
[666] *Sall.Orat.*,VI,15
[667] *App.Mithr.*,81
[668] *Plut.Luc.*,17
[669] Ibidem
[670] *App.Mithr.*,81
[671] Ibidem
[672] *Plut.Luc.*,17

Лукулл, заслышав шум и увидев движение во вражеском лагере, когда разобрался в происходящем, "послал большое количество всадников преследовать бегущих, а тех, кто еще оставался в лагере, он окружил пехотой и велел пока не грабить ничего, а беспощадно убивать"[673]. Однако легионеры занялись в первую очередь как раз дележом царских сокровищ. Из алчности они убили захваченного в плен "ведающего тайными делами" Каллистрата, заприметив у него в поясе пятьсот золотых[674]. Под Кабирами в руки римлян вероятно попала золотая статуя царя в шесть футов[675] высотою и осыпанный драгоценными камнями щит Митридата, позже пронесенные в триумфе Лукулла[676]. Для самого Митридата Эвпатора, преследуемого галатскими всадниками, жадность неприятеля оказалась спасительной. "Погоня уже настигла было коня, уносившего Митридата, как вдруг между царем и преследователями оказался один из мулов, на которых везли золото... Воины стали расхватывать поклажу мула, и пока они подбирали золото и дрались между собой, время было упущено"[677].

Из Кабир царь добрался до Команы, туда же собрались уцелевшие придворные общим числом до двух тысяч человек, с которыми Митридат отправился в Малую Армению, в Талавры, а оттуда к Тиграну II. Римские преследователи во главе с Марком Помпеем подошли к Талаврам всего через четыре дня после того, как крепость покинул Митридат[678].

По пути царь послал верного евнуха Бакхида в незанятую еще римлянами Фарнакию с приказом умертвить укрывшихся там царских сестер, жен и наложниц[679]. "Когда явился Бакхид и велел женщинам самим умертвить себя тем способом, который каждая из них сочтет самым легким и безболезненным, Монима сорвала с головы диадему, обернула ее вокруг шеи и повесилась, но тут же сорвалась. "Проклятый лоскут, – сказала она, – и на это ты не годишься!" Плюнув на диадему, она отшвырнула ее и подставила Бакхиду горло, чтобы он ее зарезал. Береника взяла чашу с ядом, но ей пришлось поделиться им со своей матерью, которая была рядом и попросила ее об этом. Они испили вместе, но силы яда достало только на более слабую из них, а Беренику, выпившую меньше, чем было нужно, отрава никак не могла прикончить, и она мучилась до тех пор, пока Бакхид не придушил ее. О незамужних сестрах царя рассказывают, что если одна из них[680] выпила яд с громкой бранью и отчаянными проклятиями, то у Статиры не вырвалось ни одного злого или недостойного ее слова; напротив, она воздавала хвалу своему брату за то, что сам находясь в смертельной опасности, он не забыл позаботиться, чтобы они умерли свободными и избегли бесчестия"[681].

В современной историографии широко распространено мнение о "битве при Кабирах", в которой Лукулл якобы "нанес решительное поражение" войскам Митридата Эвпатора[682]. Однако, Аппиан и Плутарх, наиболее подробно излагающие главный римский источник – "Историю" Саллюстия – не описывают такой битвы. Сражение между Адрианом и отрядом Менемаха и Мирона не может быть признано этой решающей битвой, так как в нем участвовало лишь около одной восьмой части митридатового войска. "Сильное сражение", где "погибло тогда огромное количество варваров", упоминают краткие изложения Мемнона и

---

[673] *App.Mithr.*,82
[674] *Plut.Luc.*, 17
[675] 178 сантиметров
[676] *Plut.Luc.*,37
[677] Ibidem. 17. Ср.: *App.Mithr.*,82; *Memn.*,44
[678] *App.Mithr.*, 82; *Memn.*,44; *Plut.*,Luc.,19
[679] Ael.,fr.14 Hercher; *App.Mithr.*,82; *Memn.*,44; *Plut.*,Luc.,18. Согласно Аппиану Бакхид был отправлен в Фарнакию уже из Армении. Этот Бакхид возможно тождественен начальнику гарнизона Синопы, упоминаемому Страбоном (*Strabo*, XII,3,11; Максимова М.И. Ук. соч. С.260). В таком случае можно предположить, что он возглавлял оборону не только столицы, но и значительной части побережья
[680] Ее звали Роксана
[681] *Plut.Luc.*,18
[682] См.: Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.54; Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб, 1899. С.182; Ферреро Г. Ук. соч. С.155; Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.80-81; Максимова М.И. Ук. соч. С.263 и др.

Евтропия[683], но в них имеется в виду взятие Лукуллом лагеря, который уже покинул Митридат. Избиение дезорганизованной, лишенной командования взбунтовавшейся солдатской массы навряд ли можно назвать "битвой" (как бы Луцию Лицинию Лукуллу не хотелось записать ее в число своих побед). Причиной постигшей Митридата Эвпатора военно-политической катастрофы в Кабирах был бунт его воинов, который в значительной степени вызвали неудачи в войне с Лукуллом (хотя сами по себе они еще не были катастрофическими) и которым римский полководец воспользовался.

Мы практически ничего не знаем о положении и настроениях простых подданных Митридата VI. Но если в 71 г. до н.э. враждебность к царю распространилась среди его друзей и родственников, то тем более недовольство должно было проявиться среди тех, кому война с самого начала не принесла ничего, кроме увеличения налогов и наборов в войско. А именно они составили основную массу спешно собранной в Кабирах армии. Военные неудачи и произвол командиров только подтолкнули одетых в доспехи понтийских крестьян к выступлению против царя и его окружения.

Рисунок 72. Укрепления Синопа. Современный вид.

Какой-то части находившихся в лагере под Кабирами понтийцев удалось спастись от устроенной римлянами резни и укрепиться в самом городе. Они представляли собой достаточно внушительную силу, так что Лукулл вместо того, чтобы преследовать Митридата, занялся осадой Кабир, в которых "принудил варваров сдаться по договору"[684]. Обычно это означало сохранение за сдавшимися личной свободы и имущества. У Кабир Лукулл задержался до зимы 71/70 года, которую там и провел[685].

После бегства Митридата Эвпатора из пределов своего царства понтийская государственность начала распадаться, "начальники гарнизонов Митридата массами стали переходить на сторону Лукулла"[686]. К концу 71 г. до н.э. сопротивление римлянам продолжали оказывать лишь Амис и соседний с ним Эвпаторий, Амасия, Синопа и Гераклея.

Лукулл попытался побудить амисенцев к добровольной сдаче, но когда ему это не удалось, сосредоточился на осаде соседнего Эвпатория[687]. Он "притворился, что осаждает его небрежно, чтобы вызвать и врагов на такую же небрежность", и когда защитники города

---

[683] *Eutr.*,VI,8,3; *Memn.*,43,5
[684] *Memn.*,45,1
[685] *Phleg.*, fr.12(FHG: III,606)
[686] *App.Mithr.*,82
[687] *Memn.*,45,2

потеряли бдительность, приказал легионерам идти с осадными лестницами на городские стены. Эвпаторий был взят и разрушен[688].

Следом настал черед Амиса, который упорно сопротивлялся под руководством Каллимаха, по словам Плутарха, искусного в изготовлении боевых машин и невероятно изобретательного. Чтобы ускорить дело, Лукулл предпринял штурм в такое время суток, когда Каллимах обыкновенно отпускал воинов на отдых. После того как римляне овладели частью стены, Каллимах бежал на кораблях, устроив в городе пожар. Римский полководец, по его словам, пытался предотвратить разорение города, но ворвавшиеся туда легионеры учинили беспощадный грабеж и "огромное убийство горожан" [689]. Лукуллу достались дымящиеся развалины, и, вступив на следующий день в Амис, он жаловался друзьям, что судьба уготовила ему славу Муммия [690]. Впрочем, Лукулл ласково принял бежавших амисенцев, тут же приказал начать работы по восстановлению города, позволил селиться в нем всем желающим из греков и увеличил городскую территорию на сто двадцать стадиев[691]. Лукулл объяснял это милостью к людям афинского племени, на самом деле такие шаги были частью его политического курса, направленного на привлечение симпатий греческих городов на Востоке. Трезвый и дальновидный политик, Луций Лициний Лукулл прекрасно понимал, что питало прежние успехи Митридата в Азии, и старался не допустить возникновения тех же причин во вновь приобретенных землях.

Рисунок 73. Самсун (древний Амис). Современный вид.

Весной 70 года пала Гераклея, два года осаждаемая с суши Коттой, а моря легатом Лукулла Триарием. Руководители обороны города Коннакорик и Дамофел (Ламах умер во время осады от чумы), потеряв после Кабир надежду на помощь извне, думали только о том, как бы сдать Гераклею на наиболее выгодных для себя условиях. В конце концов, воспользовавшись разногласиями между римскими военачальниками, Коннакорик сдал город Триарию в обмен на свободный уход. Отплыв из Гераклеи, Коннакорик однако захватил Тий и Амастрию, где продержался до лета[692]. Поскольку сговор между Коннакориком и Триарием был тайным, появление в городе легионеров оказалось для гераклеотов полной неожиданностью. Между тем, "сокровища и имущество разграблялись; дикая жестокость

[688] Ibidem.,45,2-3
[689] *Memn.*,45,3; *Plut.Luc.*,19
[690] Ibidem. Луций Муммий, консул 146 г. до н.э. по сенатскому приказу дотла разрушил Коринф
[691] Ibidem
[692] *Memn.*, 49-52; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С.233-241

обрушилась на граждан, так как римляне помнили, ... какие беды испытали при осаде. Они не щадили тех, кто сбегался к храмам, но убивали их у алтарей и у статуй"[693]. Когда о взятии Гераклеи стало известно Котте, он повел войско к городу, и между двумя римскими военачальниками едва не произошло сражение. Избежать его удалось лишь потому, что легат Валерий Триарий признал главенство консуляра Аврелия Котты[694]. Котта, забрав себе пленных, занялся самым бесстыжим грабежом. "В поисках денег он даже не побоялся тронуть святилища, но сдвигал статуи и священные изображения. Он взял с рыночной площади статую Геракла и его вооружение с пирамиды, роскошью, величием, стройностью, изяществом и искусством не уступавшее ничему, что хвалили. Там была булава, кованная молотом, сделанная из чистого золота; на него была надета большая львиная шкура и колчан из того же материала со стрелами и луком"[695]. Чтобы скрыть осквернение храмов и святилищ, Котта в довершение ко всему приказал сжечь Гераклею[696].

Лукулл, между тем, после овладения Амисом отправился в свою провинцию Азия, где осуществил ряд мероприятий, продолжавших его программу смягчения и предупреждения недовольства малоазийских греков римской властью. Задумал он их, вероятно, гораздо раньше, но только сейчас, как победитель Митридата, имеющий бесспорный авторитет, мог провести в жизнь. Процент по займам был ограничен двенадцатью годовыми, кассировались проценты, превышавшие размер ссуды, в случае неплатежеспособности должника заимодавец мог захватить не более четверти его имущества, ростовщик, включавший проценты в сумму первоначального долга, терял все[697]. Кроме того, наместник упорядочил налоговую систему в провинции[698]. Эти меры увеличили число врагов Лукулла в Риме, зато как ничто другое укрепили римскую власть на Востоке и обеспечили ему прочный тыл. Не прошло и четырех лет, как благодаря постановлениям Лукулла долги малоазийских общин были выплачены, и имения вернулись к владельцам незаложенными.

По возвращении из Пергама римский командующий занялся осадой Синопы. Оборону столицы Митридат сначала поручил начальнику гарнизона Бакхиду. Тот, как говорит Страбон, "постоянно опасаясь измены со стороны жителей города, совершивший много преступлений и убийств, сделал граждан неспособными ни мужественно отразить неприятеля, ни вступить с ним в переговоры"[699]. После ухода Бакхида в Фарнакию власть над городом перешла к Селевку, командиру отряда киликийцев, архипирату, спасшему царя во время шторма в Понте Эвксинском, евнуху Клеохару и Леониппу, возможно, тому самому, который во время первой войны с Римом был сатрапом Карии[700].

После событий в Кабирах Леонипп вступил в тайные переговоры с римлянами. Узнав об этом, Клеохар и Селевк предали его суду народного собрания, но оно вынесло оправдательный приговор. Тогда сторонники Клеохара ночью из засады убили Леониппа и установили в городе тиранический режим. После того как Селевку удалось одержать на море победу над римским флотом Цензорина, доставлявшим под Синопу продовольствие для легионеров, "друзья Клеохара возгордились этим успехом и стали еще более тиранически править городом, производя убийства граждан без суда и в остальном будучи очень

---

[693] *Memn.*,51,4
[694] Ibidem,51,5
[695] Ibidem,52,1-2
[696] Ibidem. В дальнейшем за злоупотребления в Гераклее Котта (редкий случай) был исключен из сената (*Memn.*,59,3)
[697] *Plut.Luc.*,20
[698] *App.Mithr.*,83
[699] *Strabo*,XII,3,11
[700] *Memn.*,53,1; *Oros.*,VI,3,2. М.И.Максимова считает, что Страбон перепутал Бакхида с Клеохаром (Максимова М.И. Ук. соч. С.260), однако Страбон прекрасно осведомлен о понтийских делах и его сведения о них всегда точны. О Леониппе см.: Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven:1934. №73

жестоки" [701] . Вскоре среди правителей начались разногласия: Клеохар выступал за продолжение войны, а Селевк предлагал, перебив жителей, продать город Лукуллу. В конечном счете возобладало мнение Клеохара, рассчитывавшего на поддержку правителя Боспора и Колхиды Махара, сына Митридата Эвпатора[702]. Однако, после того как под Синопу прибыл сам Лукулл, Махар отправил к римскому полководцу послов с предложением дружбы и союза. Лукулл согласился, потребовав прекращения продовольственной помощи синопейцам. Махар не только принял это условие, но и передал римлянам уже приготовленные для отправки Клеохару и Селевку припасы, присовокупив лично для проконсула золотой венок стоимостью в две тысячи статеров[703].

Тогда Клеохар и Селевк "собрали на суда множество сокровищ, предоставили город на разграбление солдатам (дело было к ночи), а сами бежали на судах во внутренние области Понта, которые заселены санигами и лазами, а оставшиеся корабли сожгли"[704]. Сообщники Селевка попытались вывезти даже одну из главных синопейских достопримечательностей – статую Автолика работы Стенида, но не успели дотащить ее до корабля[705]. В отсветах пожара в Синопу вошли римляне. Перебив 8 тысяч остававшихся в городе киликийцев, Лукулл овладел столицей Митридата. Сначала легионерами в городе была учинена "великая резня", но затем Лукулл, верный своей политике, прекратил избиение, вернул гражданам их имущество и объявил город "свободным"[706]. Из захваченной понтийской столицы Лукулл тем не менее вывез известные во всем эллинском мире глобус небесной сферы работы Биллара и статую Автолика[707].

Т.Моммзен и Т.Рейнак объясняют длительное сопротивление южнопричерноморских городов или тем, что те, "хотя ... и не были слишком сильно преданы Митридату, испытывали неодолимое отвращение к завоеванию римлянами"[708], или проявлением "мужества отчаяния" населения, "отчасти воодушевленного привязанностью к царю и охраняемому им греческому свободному городскому строю, отчасти терроризированного шайками привезенных царем пиратов" [709] . Однако, как указывает М.И.Максимова, говорить о единодушной позиции граждан причерноморских городов навряд ли приходится, наоборот, военный кризис привел к обострению социальных противоречий, к открытой борьбе партий, причем опорой Митридата в борьбе с римлянами оказалась городская верхушка, стремившаяся к сохранению выгод, связанных с существованием Черноморской державы, в то время как демосу – это показал пример Синопы – война была в общем-то безразлична, и если ее продолжение угрожало значительными бедствиями, малоимущие слои полисов склонялись к покорности Риму[710].

С падением осенью 70 г. до н.э. (между сентябрем и декабрем) Амасии[711] римляне овладели основной территорией Понтиского царства. Зиму 70/69 гг. Лукулл провел, занимаясь устройством завоеванной страны; среди прочих мероприятий были проведены торжественные жертвоприношения богам по поводу победы. В Рим было послано донесение о том, что с Митридатом покончено, на основании которого сенат создал комиссию из десяти

---

[701] *Memn.*,53,4
[702] Ibidem,5. Сообщение Мемнона о том, что Махар "находился в это время в Колхиде", по разному толкуется исследователями. Наиболее обоснованным представляется мнение, что Махар получил власть над Колхидой в дополнение к Боспору от отца где-то в течение 70-х годов до н.э. (Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P.587)
[703] *App.Mithr.*,83; *Liv.Per.*,98; *Memn.*,53,1; *Plut.Luc.*,24
[704] *Memn.*,54,2
[705] *Plut.Luc.*,23
[706] *App.Mithr.*,83; *Memn.*,54,3; *Plut.Luc.*,23
[707] *Strabo*, XII,3,11
[708] Reinach Th. Op.cit. P.343
[709] Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.55
[710] Максимова М.И. Ук.соч. С.271
[711] Reinach Th. Op.cit. P.340. Известна чеканенная в Амасии монета Митридата с датой 227 год понтийской эры (октябрь 70 - октябрь 69 г. до н.э.)

должностных лиц (децемвиров) для организации провинции. По весне 69 г. до н.э., оставив в Понте легионы Фабия Адриана и Сорнатия, а также флот Триария, Лукулл направился в Каппадокию, поближе к границам Великой Армении[712].

[712] *App.Mithr.*,83-84;*Plut.Luc.*,24; 35

АРМЕНИЯ

Разнеслась молва, что какой-то разбойник, по имени Вайкун, опустошил землю армянскую, укрепившись на одной неприступной горе, которая до сих пор по имени разбойника называется Вайкуник

Мовсес Хоренаци

Внешне к концу 70-х годов до н.э. власть зятя и союзника Митридата Эвпатора Тиграна II достигла небывалого блеска. "Когда Тигран начинал, его возможности и планы были совсем ничтожны, а теперь он покорил множество народов, сломил, как не удавалось еще никому другому, мощь парфян и переполнил Месопотамию греками, которых во множестве насильно переселил туда из Киликии и Каппадокии. Из других народов он согнал с прежних мест также кочевые племена арабов, которых поселил поближе к своей столице, чтобы использовать их для торговых надобностей. При нем находилось много царей на положении слуг, а четырех из них он постоянно держал подле себя в качестве провожатых или телохранителей: когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами – становились по бокам, скрестив руки на груди. Считалось, что эта поза наилучшим образом выражает полное признание своей рабской зависимости..."[713].

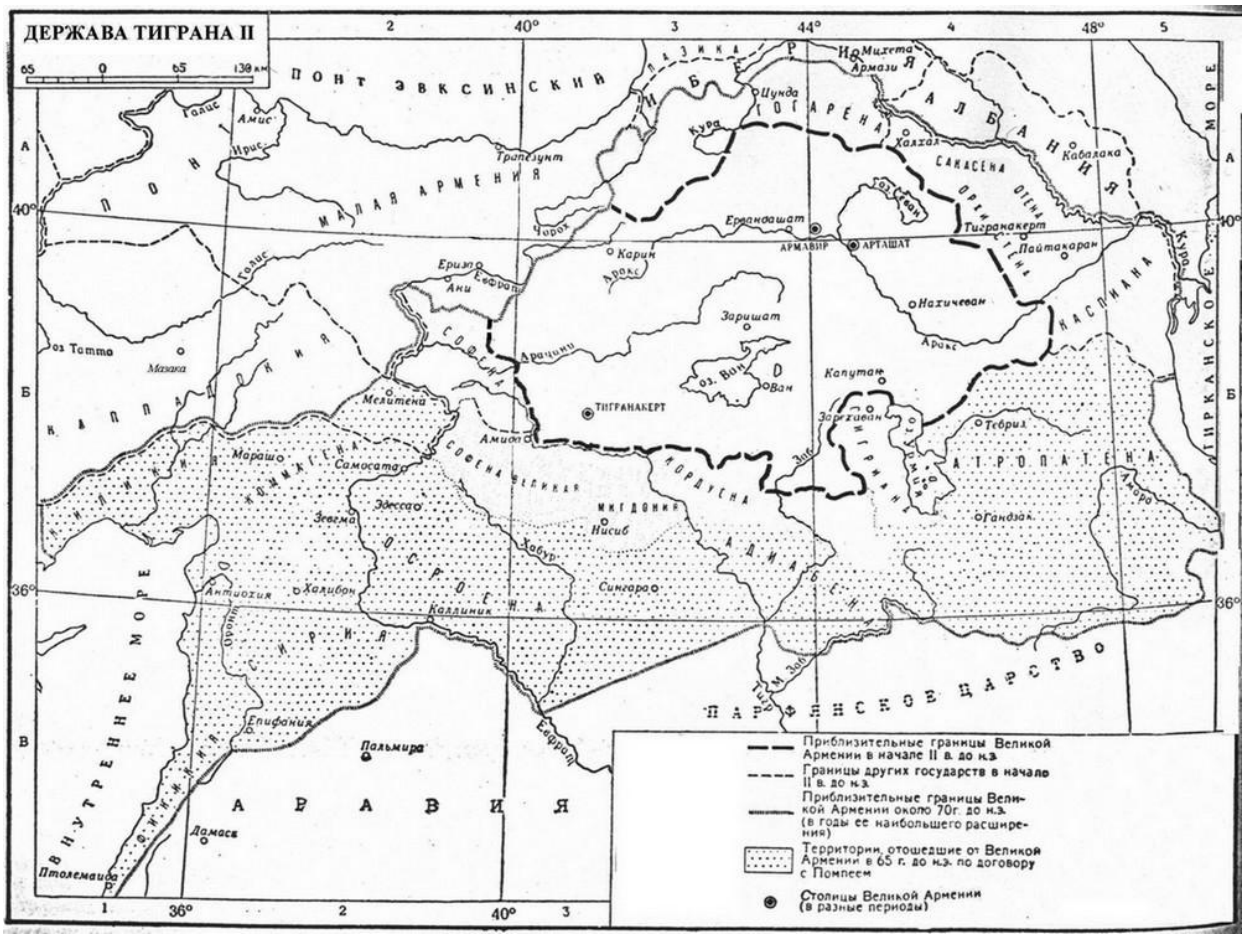


Рисунок 74. Переднеазиатская держава Тиграна II.

[713] *Plut.Luc.*,21

Между тем, в Переднеазиатской державе Тиграна наметился кризис. Собственно армянская знать глухо роптала по поводу сближения царя с сирийской и месопотамской верхушкой и перенесения столицы из долины Аракса в расположенный на границе с примесопотамскими областями Тигранакерт; Тигран вынужден был принуждать нахараров к переселению в строящийся город, "грозя наказанием, что все, что они с собой не возьмут, будет конфисковано"[714]. Мовсес Хоренаци сообщает о репрессиях Тиграна против знатных армянских родов Багратуни (наследственных венцевозлагателей) и Вахуни (наследственных жрецов)[715], однако, степень достоверности этих известий невозможно установить.

Более серьезные неприятности возникли у Тиграна II в Сирии. В 74 г. до н.э. в Рим явилась девятнадцатью годами ранее изгнанная из Антиохии дочь Птолемея Фискона, вдова Птолемея IX, Антиоха VIII, Антиоха IX и Антиоха X Клеопатра Селена с сыновьями. Воспользовавшись тем, что с гибелью в 80 г. Птолемея Александра II в Египте прекратилась прямая линия Лагидов, а пришедшие к власти Птолемей Авлет с братом склонялись было к союзу с Митридатом, она решила домогаться александрийского престола. С этой целью экс-царица попыталась добиться расположения сенаторов: богатые пожертвования были сделаны в отстраивавшийся после гражданской войны Квинтом Лутацием Катулом Капитолийский храм; не был обойден подношениями и небезызвестный Гай Корнелий Веррес, связанный с Цецилиями Метеллами[716]. Однако, поскольку правившие в Александрии и на Кипре побочные Птолемеи очень скоро отказались от союза с понтийским царем, получить согласия на воцарение в Египте дочери Птолемея VIII не удалось. Зато в Вечном Городе дали понять, что благосклонно отнесутся к попыткам Селевкидов вернуть "отеческую Сирию", в которой наметились разногласия между греческими полисами и Тиграном.

Рисунок 75. Тигран II. Гемма.

[714] *App.Mithr.*,84; Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II // Вестник древней истории. 1982, №2. С. 138
[715] *Мовс.Хор.*,II,14
[716] *Cic.Verr.*IV,XXVII-XXX (61-68)

Когда Клеопатра с сыном Антиохом Азиатским прибыла на восток, на ее сторону перешли города Финикии и Селевкия Приморская, в союз с царицей вступили владевший Дамаском набатейский царь Арета и правившая в Иудее от имени Аристобула II царица Саломея-Александра. Военные действия, впрочем, с самого начала пошли неудачно для союзников. В начале 72 года подвластный Тиграну правитель Итуреи (нынешняя долина Бекаа в Ливане) Птолемей Менней напал на Дамаск, а затем подошедшее войско "царя царей" разбило объединенные силы набатеев и Аристобула и овладело городом[717].

Тигран, однако, вынужден был прервать наступление в Сирии, так как в том же 72 году против него в Армении восстал сын Зариадр (Зарех). Лишь после победы над мятежным царевичем, павшим в битве[718], Тигран продолжил наступление в Сирии. Клеопатра Селена была осаждена в Птолемаиде-Акко, а антитиграновский союз стал разваливаться: с просьбами о примирении к армянскому царю обратилась Саломея-Александра.

Тигран только что взял Птолемаиду и захватил в плен Клеопатру Селену, как ему стало известно о разгроме Митридата Эвпатора и его бегстве из своего царства. При этом первые слухи были самыми невероятными, будто бы "Митридат спасся бегством в Иберию и теперь грабит Армению и старается овладеть ею"[719].

Сообщения эти не подтвердились, но и встречаться с Митридатом Тигран не пожелал, "но приказал держать его с почетом, как полагается царю, в своих имениях"[720]; по другим сведениям почет был достаточно сомнительным, "царь царей" с Митридатом "обращался ... презрительно и надменно и держал его, словно узника, вдали от себя, в болотистых и нездоровых местах"[721].

По возвращении Тиграна в конце 71 или в начале 70 года в сирийскую столицу Антиохию, там его ожидал римский посол Аппий Клодий (Клавдий) Пульхр, шурин Лукулла и брат скандально знаменитых в будущем Публия Клодия и Клодии-Лесбии.

Плутарх едва не плачет от умиления, расписывая "прямоту речи юноши" и его звучавший перед царем "голос свободного человека", однако лучше знавший своих соотечественников и современников Цицерон дает менее восторженную характеристику Аппию Клодию Пульхру (несколько, впрочем, повзрослевшему).

Он, оказывается был большой любитель прекрасного и, исполняя впоследствии обязанности эдила, "вполне по-хозяйски, во славу римского народа, перевез к себе в дом из всей Греции и со всех островов статуи, картины, все украшения, какие только оставались в храмах и общественных местах"; при этом однако Аппий чуть оскандалился, передав брату для установления в качестве статуи Свободы надгробный памятник некоей танагрской распутницы, по поводу чего Цицерон – в красноречии ему все-таки не откажешь – заметил, что изваяние "было скорее изображением их свободы, а не свободы всех граждан"[722].

Аппий Клодий от имени Лукулла потребовал выдать Митридата Эвпатора. Требование само по себе было бестактным, но, кроме того, Тигран отлично знал о покровительственном отношении римлян к Клеопатре Селене. Наконец, Лукулл в своем письме называл Тиграна просто "царем", а не "царем царей", отказываясь тем самым признать результаты армяно-парфянской войны 80-х годов и намекая на возможность установления римско-парфянского сотрудничества, подобно имевшему место в 92 г. до н.э.[723] Понятно, что

---

[717] *Ios.Fl.Ant.,* XIII,16,3-4; Idem. *Bell.Iud.*,I,5,3; Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II. С.126. В 72-69 гг. в Дамаске чеканилась монета Тиграна II (Newell E.T. Late Seleucid Mints in Akko-Ptolemais and Damascus. N.Y., 1939. P.99-100)
[718] *App.Mithr.*,104; *Val.Max.*,IX,11,3. У Валерия Максима имя царевича – Saraster
[719] *Ios.Fl.Ant.*,XIII,16,4
[720] *App.Mithr.*,82
[721] *Plut.Luc.*,22
[722] *Cic.Dom.*,XLIII(111-112)
[723] *Memn.*,46,3; *Plut.Luc.*,21

Тигран отверг домогательства римского полководца. Армянский царь писал, что "остерегается порицания от всех людей, если предаст отца жены. Он, конечно сам знает, насколько плох Митридат, однако стыдится родни"[724]. Сдержанный по форме, по сути ответ Тиграна был крайне резким – армянский царь отвергал римские предложения не просто как политически неприемлемые, а как безнравственные. Кроме того, в своем письме Тигран не назвал Лукулла "императором"[725], титулом, который в республиканском Риме присваивали победителям, демонстрируя таким образом сомнения в окончательности победы над Митридатом.

Рисунок 76. Золотой медальон из Сисиана. Армения. I-е века до н.э.

Не удавшись как дипломат, Аппий Клодий преуспел в интригах: к нему "многие порабощенные города отправляли своих посланцев, и он обещал им помощь от имени Лукулла, но пока советовал воздерживаться от решительных действий". Когда же обнаружились связи римского посланника с поднявшим мятеж правителем Кордуэны Зарбиеном, Аппий Клодий Пульхр летом 70 г. до н.э. спешно бежал из Антиохии[726].

Тигран, оставив незамиренной Селевкию Приморскую, отправился на подавление мятежа в Кордуэне. По пути в Селевкии-Зевгме на Евфрате по его приказу была умерщвлена Клеопатра Селена[727]. Умиротворив Кордуэну – мятежники по всей видимости не имели в стране сколько-нибудь серьезной поддержки – и назначив в ней нового правителя вместо казненного Зарбиена[728], Тигран распустил основную часть армии и в начале весны 69 г. до н.э. вернулся в Тигранакерт.

В это время, пройдя через царство Ариобарзана, в пределы тиграновой Переднеазиатской державы вторгся Луций Лициний Лукулл. Нападение произошло весной, когда на реках заканчивался паводок: Плутарх сообщает, что Евфрат был тогда разлившимся и мутным от зимних ливней, но на следующий день вода начала спадать[729]. По мнению Я.А.Манандяна это описание соответствует марту - апрелю[730]. Лукулл имел при себе три легиона, из них два "фимбрианских", вспомогательные отряды вифинцев, фракийцев, галатов и войска Ариобарзана, всего около 18 тысяч человек[731].

---

[724] *Memn.*,46,2
[725] *Memn.*,46,3; *Plut.Luc.*,21. Манасерян 1982: 131-132.
[726] *Plut.Luc.*,21;29. Согласно Плутарху Аппий Клодий вернулся к Лукуллу до отбытия проконсула под Синопу (*Plut.Luc.*,23)
[727] *Strabo*,XVI,2,3
[728] *Plut.Luc.*29
[729] Ibidem,24
[730] Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.92, 102
[731] *Eutr.*,VI,9,1. Согласно Плутарху (*Plut.Luc.*,24) Лукулл имел 12 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников, согласно Аппиану (*App.Mithr.*,84) – 2 легиона и 500 всадников. Последние данные, однако, противоречат

Переправившись в районе Мелитены - Томиса через Евфрат, Лукулл направился по кратчайшему пути через Софену, сколь-нибудь серьезного сопротивления в которой не встретил, к Тигранакерту[732].

Рисунок 77. Майяфаркин (древний Тигранакерт). Фотография 1911 г.

Вторжение в Армению Лукулл предпринял на собственный страх и риск, вопреки римским законам и обычаям, требовавшим в таких случаях постановления центуриатных комиций и особой процедуры объявления войны жрецом-фециалом. Лукулл, правда, заявлял, что это не новая война, а лишь продолжение военных действий против Митридата, но он противоречил своему же решению о проведении благодарственных молений по поводу победы над Понтом и собственным донесениям в сенат, что с Митридатом покончено. Непосредственным поводом к выступлению стали, несомненно, сообщения Аппия Клодия, обнаружившего внутреннюю непрочность государства Тиграна, но более глубокими причинами следует назвать две: стяжательство и властолюбие. Не названные Плутархом по именам "народные вожаки" в Риме целиком справедливо обвиняли Луция Лукулла, что он бросается из одной войны в другую лишь бы оставаться главнокомандующим и извлекать выгоду из опасностей, в которые ввергает отечество[733]. Правда, за своего любимца горой стояло оптиматское большинство сената, и Лукулл мог надеяться, что в случае успеха кампании сомнительные обстоятельства ее начала будут забыты. На всякий случай он сочинил для сенаторов басню, будто "получил известие, что Митридат и Тигран намерены в ближайшее время вступить со своими силами в Ликаонию и Киликию, чтобы первыми открыть военные действия, вторгнувшись в провинцию Азия"[734]. Несуразность этой выдумки была очевидна и самому Лукуллу, человеку тонкого ума, потому он счел необходимым в том же послании в Рим выразить удивление действиями Тиграна: "если уж тот имел намерение напасть на римлян, почему он не заключил союз с Митридатом, когда понтиец был в расцвете могущества, почему не соединил свои войска с его ратью, когда та еще была полна мощи,

---

сообщению Плутарха, что под Тигранакертом Лукулл принял в свое непосредственное распоряжение 24 когорты (*Plut.Luc.*,27): в двух легионах было 20 когорт

[732] Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.115-116

[733] *Plut.Luc.*,24

[734] Ibidem,23

зачем дал ему пасть и обессилеть, а теперь начинает войну при ничтожных надеждах на успех, обрекая себя на погибель вместе с теми, кто уже не сможет оправиться и подняться?"[735].

То, что речь идет о неуклюжей лжи, очевидно. Тигран был совершенно не готов к войне и сановника, который принес известие о нападении римлян, приказал предать казни, так как счел, что, распуская подобные слухи, "этот человек хочет вызвать среди его городов волнения"[736].

Следует заметить, что сомнительная законность армянского похода Лукулла имеет самые плачевные последствия для исторической традиции. Если освещение войны в Понте достаточно объективно (не считая обычного для римлян многократного завышения численности неприятельских войск и потерь), то в случае войны с Тиграном Лукулл и нанятый им Архий в стремлении оправдаться не брезгуют самой откровенной ложью, вплоть до приписывания Лукуллу побед в битвах с сомнительным исходом. Слова Цицерона об Архии, что он "издавна направил все свое усердие и дарование на то, чтобы возвеличивать славу римского народа и воздавать ему хвалу"[737], звучат в связи с этим как сарказм.

Когда известия о римском вторжении подтвердились, Тигран выслал навстречу Лукуллу трехтысячный конный отряд Митробарзана. В битве с конницей Лукулла, которой командовал Секстилий, армяне потерпели поражение, сам Митробарзан погиб в бою[738]. Развивая успех, Секстилий подходил к столице государства – Тигранакерту.

Тигран, поручив город Манкаю и гарнизону греческих наемников, а также приказав подвластным арабам (это были, п всей видимости, рамбеи или марданы) двигаться на защиту Тигранакерта, сам попытался задержать Лукулла.

Но, поскольку значительных сил у него в то время не было, легион Луция Лициния Мурены-младшего нанес царю поражение в одном из горных проходов. Тигран отступил за Тавр собирать войска[739].

Секстилий без особого труда смял ставших лагерем у Тигранакерта арабов. В мае 69 г. до н.э., всего через месяц после начала военных действий, римляне приступили к осаде главного города державы Тиграна II.

Тигранакерт насчитывал к тому времени восьмой год существования. Туда царь "собрал знатнейших лиц своего государства ... Он окружил город стенами высотой в 50 локтей[740], в толще их было устроено много лошадиных стойл; в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, с охотничьими ловами и озерами. Рядом было возведено сильное укрепление"[741]. В городе "жило множество греков, насильно переселенных из Киликии, и варваров, которых постигла та же судьба – адиабенцев, ассирийцев, гордиенцев, каппадокийцев, родные города которых Тигран разрушил[742] ... Тигранакерт изобиловал сокровищами и дорогими приношениями богам, ибо частные лица и правители наперебой украшали город, желая угодить царю"[743]. Впрочем, многое в новой столице было не доделано, и Страбон называет ее "наполовину законченным сооружением"[744].

Римляне без труда взяли и разграбили неукрепленный загородный дворец Тиграна. Хранившиеся там ценности составили добычу полководца, что дало одному из его

---

[735] *Plut.Luc.*,24
[736] *App.Mithr.*,84. Ср. также: *Plut.Luc.*,25
[737] *Cic.Arch.*,IX (19)
[738] *App.Mithr.*,84; *Plut.Luc.*,25
[739] *Plut.Luc.*,25
[740] 23 метра
[741] *App.Mithr.*,84
[742] Г.Х.Саркисян, опираясь на свидетельства средневековых армянских историков Фавста Бузанда и Мовсеса Хоренаци, полагает, что среди насильственно переселенных в Тигранакерт были также иудеи (Саркисян Г.Х. Тигранакерт. М.,1960. С.53-56). Согласно Мовсесу Хоренаци (*Мовс.Хор.*,II,14) много иудеев было захвачено во время осады Птолемаиды
[743] *Plut.Luc.*,26
[744] *Strabo*, XI,14,15

политических противников в Риме основания сказать: Лукулл действует, будто его послали грабить царей, а не воевать с ними[745]. Сам город и соседняя цитадель, где были укрыты жены и сокровища Тиграна, упорно держались в течение четырех с половиной месяцев, применяя против осаждающих, среди прочего, зажженную нефть[746].

Посланному "царем царей" отряду даже удалось прорваться в окруженное римлянами пригородное укрепление и вывезти оттуда царские сокровища и жен. Армянские воины "обстрелом закрыли выходы из лагеря римлян и ночью отправили из укрепления наложниц и наиболее ценные сокровища. Когда же наступил день, римляне вместе с фракийцами храбро бросились на врага, произошла резня многих армян и не меньше попало в плен"[747].

Рисунок 78. Афродита-Анаит из Сагалы (Малая Армения). Британский музей.

Тигран, собирая во внутренних областях Армении войско, наконец-то встретился с Митридатом Эвпатором[748]. Армянский царь, "устыдившись, допустил его к себе, встретил с блестящей роскошью и принимал по-царски. В течение трех дней он тайно беседовал с ним, а затем, доказав свое расположение блестящими пиршествами, дал десять тысяч конницы и отправил в Понт"[749]. Митридат после почти двух лет томительного ожидания и вынужденного бездействия, когда судьба, казалось, поставила точку в его биографии, вновь вернулся к политической деятельности.

---

[745] *Plut.Luc.*,33
[746] *Dio Cass.*,XXXVI, 1b, 1
[747] *Memn.*,56,2-3. Ср.: *App.Mithr.*,85
[748] О том, что Митридат впервые после бегства из Понта встретился с Тиграном во время осады Тигранакерта, прямо пишет Аппиан (*App.Mithr.*,85). У Мемнона рассказ о встрече помещен перед известием о вторжении Лукулла в Армению, однако, он тут же сообщает, что Митридат пробыл в Армении без встречи с Тиграном 1 год и 8 месяцев (*Memn.*,55). Поскольку из Флегонта Тралльского (*FHG*: III,606) известно, что Лукулл зазимовал в Кабейрах, бегство Митридата в Армению следует датировать осенью (октябрем или ноябрем) 71г. до н.э.; отсчитав 20 месяцев вперед, получаем май или июнь 69 г. до н.э., в то время как нападение Лукулла на царство Тиграна произошло в марте - апреле этого года
[749] *Memn.*,55

Сам Тигран II, собрав в течение лета 30 тысяч конницы и свыше 40 тысяч пехоты[750], включавших помимо армян также курдов, атропатенцев, адиабенцев и союзных иберов и албанов (почерпнутые из отчетов Лукулла сенату данные о имевшихся под началом Тиграна 225 и даже 300 тысячах человек[751] явно недостоверны), направился, сопровождаемый царями Мидии Атропатены и Адиабены, а также полководцем Митридата Эвпатора Таксилом, на помощь своей осажденной столице.

Рисунок 79. Мушская долина. Современный вид.

Митридат в письмах и Таксил лично советовали Тиграну уклоняться от сражений и силами конницы блокировать подвоз римлянам продовольствия. Однако, при дворе армянского царя по мере сбора войск брала верх самонадеянность. Рассказывали даже, будто Тигран "жаловался своим друзьям на великую досаду, охватывающую его при мысли, что придется померяться силами с одним Лукуллом, а не со всеми римскими полководцами сразу" [752]. Кроме того, у Тиграна были более весомые причины не следовать советам Митридата: затягивание войны неизбежно привело бы к распаду Переднеазиатской державы и переходу многих из подданных "царя царей" под римские знамена.

В начале октября 69 г. до н.э. вблизи Тигранакерта появились основные силы Тиграна. По численности они в 5-6 раз превосходили римлян[753], и царь, завидев противника, будто бы сострил: "Для посольства их много, а для войска мало"[754]. Лукулл с тем, чтобы преградить армянам дорогу, с 24 когортами (около 10 тысяч человек) отступил от стен города

---

[750] *Phleg.*,fr.12 (*FHG*: III,606). Мемнон (*Memn.*,57,1) приводит близкие к этой цифре Флегонта данные о численности войска Тиграна в 80 тысяч человек . Согласно Евтропию Тигран имел 7,5 тысяч конников и 100 тысяч "стрелков" (*Eutr.*,VI,9,1)
[751] *App.Mithr.*,85; *Plut.Luc.*,26
[752] *Plut.Luc.*,26
[753] Т.Ливий (*Plut.Luc.*,28) писал, что на каждого легионера приходилось более двадцати неприятелей, но это обычное римское литературное творчество
[754] *App.Mithr.*,85; *Dio Cass.*, XXXVI,16; *Memn.*,57,1; *Plut.Luc.*,27

и занял позицию ниже впадения Нимфея в нынешнюю реку Батман-Су.[755] Ранним утром в канун октябрьских нон (6 октября) римляне переправились через реку и атаковали построенную на правом крыле царского войска броненосную конницу – наиболее боеспособную часть тиграновой армии. Первая атака фракийской и галатской конницы Лукулла результатов не принесла, и она отступила для перегруппировки. Преследуя ее, армянские тяжеловооруженные всадники оказались в чрезвычайно невыгодном положении: на небольшом пространстве у подножия плоского холма высотой 180 - 200 метров. Римский командующий, заметив это, занял с двумя когортами его вершину и сверху ударил армянам во фланг. Закованные в броню конники, вооруженные только копьями, неповоротливые и скученные на узком пространстве глубиной в четыре стадия (около 800 метров), оказались совершенно беззащитными перед мечами римских легионеров и были разбиты. Нужно заметить, что античные всадники, не знавшие стремян[756], а потому неспособные наносить с коня рубящие удары, не могли противостоять вооруженным мечами пехотинцам. Через 21 год при Фарсале точно такая же атака пеших легионеров против конницы Помпея принесет Цезарю победу в гражданской войне и власть над Римом[757].

Разгромленная тяжеловооруженная конница обратилась в бегство, сминая центр и левый фланг армии "царя царей". Увидев поражение главной опоры Тиграна, остальные части его многоплеменного воинства побежали, так и не вступив в бой. Хотя потери армян в живой силе были не слишком большими – от 5 до 10 тысяч человек[758], – последствия битвы оказались для Тиграна катастрофой. Царской армии более не существовало, римляне захватили весь армянский обоз, в числе их трофеев оказалась царская тиара. Когда Тигран бежал с поля боя с несколькими всадниками, то, "увидев, что сын делит с ним его беду, он снял со своей головы корону и ... вручил ему, приказав спасаться другой дорогой, используя любую возможность. Но юноша не осмелился надеть корону и отдал ее на хранение самому надежному из слуг. Случилось так, что этот слуга попал в плен, и таким образом корона Тиграна была присоединена к остальной военной добыче"[759].

При известии о поражении царского войска среди оборонявших Тигранакерт греческих наемников начались волнения. Манкей приказал их разоружить; в ответ греки, возглавляемые какими-то "стратегами Митридата", сдали Лукуллу часть городских укреплений[760]. Римляне захватили в городе огромные богатства: доля полководца составила 8 тысяч талантов монеты, каждый солдат получил по 800 драхм; среди добычи Лукулла оказались актеры, которых "царь царей" собрал для открытия театра, и которых Лукулл использовал для игр и представлений по случаю своей победы[761]. Желая закрепить за собой репутацию друга эллинов и вообще всех завоеванных Тиграном народов, Лукулл объявил, что все насильственно переселенные туда жители могут вернуться восвояси, так что на месте прежней столицы осталось маленькое поселение[762].

---

[755] Описание битвы при Тигранакерте, восходящее к общему источнику, вероятно отчету Лукулла, содержится в: *App.Mithr.*,85; *Front.*,II,1,14; II,2,4; *Memn.*,57,1-2; *Oros.*,VI,3,6-7; *Plut.Luc.*,27-28. Плутарх сообщает, что ее описывали также Антиох Аскалонский, Тит Ливий и Страбон в "Исторических записках"

[756] Конноли П. Ук. соч. С.236-238

[757] См.: *Caes.Bell.civ.*,III,93-94

[758] Цифру в 5 тысяч павших со стороны Тиграна приводит Флегонт (*FHG*: III,606), Плутарх называет 10 тысяч (*Plut.*Reg.,87,2). Содержащиеся в плутарховой биографии Лукулла данные о более чем ста тысячах убитых римлянами под Тигранакертом противников (*Plut.Luc.*,28) фантастичны: около пятнадцати тысяч лукулловых воинов физически не могли убить за день такого количества людей холодным оружием, не говоря о том, что основная часть войска Тиграна обратилась в бегство, не вступив в бой. Сам Плутарх несколькими строками выше приводит высказывание неизвестного источника, что "без пролития крови было разбито столь огромное войско"

[759] *Plut. Luc.*,28; *Dio Cass.*,XXXVI, 1b, 3; *Oros.*,VI,3,7

[760] *App.Mithr.*,86; *Memn.*,57,2. Согласно Плутарху (*Plut.Luc.*,29) и Диону Кассию (*Dio Cass.*, XXXVI,2) "в Тигранакерте греческое население восстало против варваров"

[761] *Plut.Luc.*,29

[762] Ibid.; *Strabo*,XI,14,15. Село Фаркин (в средневековье город Мартирополь, а затем Майяфаркин) на месте Тигранакерта существует в Турции до сих пор, однако поселение на этом месте больше никогда не достигало размеров и блеска, какие оно имело между 77 и 69 гг. до н.э. (см.: Саркисян Г.Х. Ук. соч. С.49-74)

С падением Тигранакерта рассыпалась и Переднеазиатская держава Тиграна. Ближневосточные царьки, за исключением правившего в Мигдонии брата Тиграна Гура и царского зятя Митридата Атропатенского, поспешили засвидетельствовать победителю свое почтение и получить от него подтверждение владельческих прав. Первыми к Лукуллу явились царь Коммагены Антиох и вождь арабского племени рамбеев Аль-Хайдамн (Алхавдоний), за ним правители Софены и Кордуэны, независимость приобрели владетель Эмесы и Аретузы Сампсикерам, Триполи – Кинир, Библа – Дионисий, Лизии на Оронте – иудей Сила и прочие[763]. Наконец, вследствие Тигранакертской битвы возродилось казалось навсегда ушедшее в небытие царство Селевкидов: антиохийцы изгнали тигранова сатрапа Магадата, провозгласив царем сына Клеопатры Селены Антиоха XIII Эвсебия Филадельфа (Азиатского), скрывавшегося в 71 - 69 годах в горной Киликии и получившего власть над остатками царства предков милостью Лукулла[764].

Митридат Эвпатор узнал об исходе битвы при Тигранакерте по пути на встречу с армянским войском. Он принялся разыскивать Тиграна, и вскоре два царя опять встретились. Найдя зятя "всеми покинутым и жалким, Митридат не стал напоминать ему былых обид, – напротив, он сошел с коня и начал вместе с ним оплакивать их общее горе, а затем предоставил в его распоряжение слуг из собственной свиты и стал ободрять его надеждами на будущее"[765]. Теперь, когда Митридат превосходил Тиграна не только опытом борьбы против римлян, но и имевшейся в его распоряжении военной силой, армянский царь должен был уступить ему главенство в совместной войне против Лукулла[766]. Митридат Эвпатор вновь приобрел полномочия суверенного правителя: в Армении от его имени были отчеканены монеты, датированные 228 годом понтийской эры (октябрь 69 – октябрь 68 г. до н.э.)[767].

Характер войны в Армении после Тигранакерта изменился. Теперь римляне угрожали не великодержавным претензиям Тиграна и его окружения, а независимости страны. Митридату удалось поднять на войну с Лукуллом "почти всех армян", как отмечает источник Аппиана[768]. То же подтверждает и Цицерон, когда говорит, что "среди варваров был пущен устрашающий слух, сильно взволновавший их, будто наше войско введено в эту страну с целью разграбления их богатейшего и благоговейно чтимого храма. И вот, многие сильные племена поднимались, охваченные небывалым ужасом и страхом"[769]. Красноречивейший из квиритов, конечно, чуть лукавил в народном собрании: от страха и ужаса бегут, поднимаются от гнева и возмущения, – однако, то, что война стала делом многих, он сказал верно.

Еще Т.Моммзен вынужден был заметить, что в это время война царей превратилась в войну народа[770].

Отобрав из числа "набранных по всем городам" ополченцев 70 тысяч пехотинцев и 35 тысяч конников, Митридат занялся их обучением по римскому образцу в размещенных во внутренних областях страны лагерях; кроме того, ему удалось сохранить союз с иберами, мардами и атропатенцами[771].

Тем временем Лукулл, не без оснований рассчитывая, что его противники не смогут в ближайшее время предпринять активных боевых действий, отправился на зимовку 69/68 годов

---

[763] *Dio Cass.*,XXXVI,2,5; Ios.Fl.Ant.,XIV,4,2; *Plut.Luc.*,29; *Strabo*, XVI,2,10
[764] Iust.,XL,2,1-3
[765] *Plut.Luc.*,29
[766] *App.Mithr.*, 87
[767] Перл Г. Ук. соч. С.59
[768] *App.Mithr.*,87
[769] *Cic.Man.*, IX (23)
[770] Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.61
[771] *App.Mithr.*, 87; *Plut.Luc.*,31

в Сарейсу, резиденцию царей дружественно настроенной к римлянам Кордуэны. Там легионеры обнаружили 3 миллиона медимнов зерна, много золота и серебра, которые не преминули разграбить. "Лукулл заслужил всеобщее восхищение тем, что вел войну на средства, приносимые ею самою"[772].

Римский полководец, однако, и после Тигранакерта не считал нужным недооценивать неприятеля, и попытался возродить римско-парфянское сотрудничество против Армении, тем более что вступивший в 70 г. до н.э. на престол Аршакидов Фраат III прислал в Сарейсу "посольство вежливости"[773]. Для ведения переговоров в Ктесифон был послан командующий конницей Секстилий[774].

Рисунок 80. Фраат III. Парфянская монета.

Одновременно переговоры с Фраатом завязал и Митридат Эвпатор, предлагая союз против римлян. Саллюстий приводит письмо Митридата к парфянскому царю. Обычно оно считается чисто литературным вымыслом, однако, римскому историку могла стать известной дипломатическая переписка понтийского царя из захваченного Помпеем архива. Митридат якобы писал: "Все те, кого в счастливые для них времена просят принять участие в войне, должны подумать, будет ли им тогда дозволено сохранить мирные отношения, а затем – достаточно ли справедливо, безопасно, достославно или же бесчестно то, что у них испрашивают. Что касается тебя, то если бы тебе было дозволено наслаждаться постоянным миром, если бы злейший враг не был вблизи твоих границ и если бы разгром римлян не должен был бы принести тебе необычайную славу, то я не осмелился бы просить тебя о союзе и понапрасну не надеялся бы связать свои несчастья с твоими счастливыми обстоятельствами. Но то, что тебя, по-видимому, может остановить – гнев на Тиграна, вызванный последней войной, и мое затруднительное положение, если ты захочешь здраво оценить его, побудит тебя более всего. Ибо Тигран, находящийся в опасном положении, на союз согласится на условиях, какие ты пожелаешь; мне же судьба, многое отняв у меня, даровала опыт, позволяющий давать хорошие советы, и я, не будучи особенно силен, служу для тебя примером, благодаря которому ты (для людей процветающих это желательно) можешь разумнее вести свои дела... Или ты не знаешь, что римляне, после того как Океан преградил им дальнейшее продвижение на запад, обратили оружие в нашу сторону и что с начала их

[772] *Plut.Luc.*,29
[773] *App.Mithr.*,87; *Dio Cass.*,XXXVI,3,1-2; *Plut.Luc.*,30
[774] Согласно Диону Кассию (*Dio Cass.*, XXXVI, 3, 1) Лукулл отправил посла к Фраату после того, как узанл о его переговорах с Митридатом и Тиграном

существования все, что у них есть, ими похищено – дом, жены, земли власть, что они, некогда сброд без родины, без родителей, были созданы на погибель всему миру? Ведь им ни человеческие, ни божеские законы не запрещают ни предавать, ни истреблять союзников, друзей, людей, живущих вдали и вблизи, ни считать враждебным все, ими не порабощенное, а более всего – царства. Ибо если немногие народы желают свободы, то большинство – законных властителей. Нас же они заподозрили в том, что мы их соперники, а со временем станем мстителями. А ты, владеющий Селевкией, величайшим из городов, и Персидским царством с его знаменитыми богатствами, чего ждешь ты от римлян, как не коварства ныне и не войны в будущем? Они держат оружие наготове против всех. Больше всего они ожесточены против тех, победа над кем сулит им огромную военную добычу; дерзая, обманывая и переходя от одной войны к другой, они и стали великими. При таком образе действий они все уничтожат или падут. Это вполне возможно, если ты, пройдя через Месопотамию, а мы – через Армению, окружим войско, не имеющее ни припасов, ни вспомогательных сил и доныне невредимое по милости Удачи, точнее, из-за наших промахов. Ты же стяжаешь славу тем, что выступив на помощь великим царям, истребишь разбойников, грабящих народы. Настоятельно советую тебе так и поступить, а не предпочесть ценою нашей гибели отдалять свою, вместо того, чтобы благодаря союзу с нами стать победителем"[775]. Митридат и Тигран обещали в качестве платы за помощь Месопотамию[776].

Фраат тайно посулил помощь обоим сторонам, на самом деле собираясь выжидать. Между тем, Секстилий стал проявлять чрезмерный интерес к войску Аршакидов, был обвинен в шпионаже и вынужден был спешно покинуть Ктесифон[777]. Лукулл был не на шутку встревожен возможностью союза Митридата с парфянами и решил упредить выступление Фраата, напав на его владения в Двуречье. Он приказал расквартированному в Понте легиону Сорнатия передислоцироваться в Месопотамию, но тут столкнулся с новым и неожиданным противником. Солдаты Сорнатия, успевшие обзавестись в бывшем царстве Митридата имуществом и заняться торговлей, отказались выступить в поход. Командиры "ни лаской, ни строгостью ничего не могли добиться от солдат, которые громко кричали, что даже и здесь они не намерены оставаться и уйдут из Понта, бросив его без единого защитника"[778]. Хуже того, когда о происшедшем в легионе Сорнатия стало известно в войске, находившемся под непосредственным командованием Лукулла, легионеры назвали расквартированных в Понте товарищей "настоящими мужчинами и стали говорить, что этот пример достоин подражания"[779].

В разгар лета 68 г. до н.э. без желанного союзника, с тремя легионами, в которых среди солдат распространялись сомнительные настроения, Лукулл выступил в поход в Великую Армению.

Его целью было овладение долиной Аракса, которая не была еще затронута войной, отличалась плодородием и где располагались такие важнейшие армянские города как старая столица государства Артаксата (Арташат), Арксата, Армавир, Еруандашат[780].

Стратегический замысел Митридата состоял в том, чтобы, избегая крупных сражений, измотать римскую армию, которая, поднявшись вверх по Нимфею и, перевалив Восточный Тавр, двигалась по торговому пути параллельно Арацани к Артаксате[781]. Вместо решительных битв с уступающим в обученности противником и захвата добычи легионеры

---

[775] *Sall.Orat.*,VI,1-4,17-23
[776] *Plut.Luc.*,30
[777] Ibidem; *Dio Cass.*,XXXVI,2,2-3
[778] *Plut.Luc.*,30
[779] Ibidem
[780] *Strabo*, XI,14,4; Древнейшие государства Кавказа...., 1985: 37, 60-61
[781] Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.153. Я.А.Манандян на основе "Певтингеровых таблиц" (копии римской дорожной карты II-III вв. н.э.), следующим образов восстанавливает маршрут пхода Лукулла: от Тигранокерта к Гиподизе, оттуда к Патрансавне, Баставне, Догневану, Елегакану, Цумбу, Арахте, Дидиме (Там же. С.150-159)

должны были тащиться по высушенной солнцем Мушской долине, мимо селений, напоминавших большие скопления кротовых жилищ[782], каждое из которых таило в себе опасность, растрачивая силы в мелких стычках за продовольствие и карательных операциях, которые Лукулл в отчетах сенату старался представить великими победами[783]. На самом деле на то, чтобы пройти 250 километров, Лукулл потратил больше двух месяцев, преодолевая в день меньше 4-5 километров[784]. Наконец, в середине сентября 68 г. до н.э. на переходе между Дидимой и Багавной римская армия подошла к укрепленному лагерю в верховьях Арацани, где находился Митридат. Тит Ливий, а за ним Плутарх, опираясь на отчеты Лукулла, красочно расписывают сражение, в котором "три царя участвовали против Лукулла, и постыднее всех бежал ... Митридат Понтийский, который не смог выдержать даже боевого клича римлян", и в котором "римляне ... устали не только рубить, но даже брать пленных и собирать добычу"[785]. В это можно было бы поверить, с поправками на стилистические особенности римского историописания, если бы после столь славной победы Лукулл, вместо того, чтобы вторгнуться в долину Аракса, не остановился у озера Балак, а затем и не повернул на юго-восток.

Если исходить из сохранившихся в источниках фактических данных, ход сражения выглядит следующим образом. Когда римляне оказались вблизи укрепленного лагеря Митридата, Лукулл с 12 когортами атаковал выстроившихся перед ним мардийских конных лучников и иберийских копейщиков. Однако, памятуя уроки Тигранакерта, Митридат Эвпатор не допустил, чтобы они вступили в рукопашную схватку с легионерами, и отвел к лагерю (этот маневр в лукулловом отчете вероятно и превратился в "постыдное бегство"). В это время на горизонте появилась конница Тиграна и Митридата Атропатенского, Лукулл вынужден был прекратить преследование Митридата Понтийского и обратить против них сначала конницу, а затем и пехоту. Однако, и Тигран с атропатенцами уклонились от боя с тяжелой римской пехотой. Понеся от стрел армянских и мидийских лучников большие потери ранеными, Лукулл прошел мимо царского лагеря к Багавне у нынешнего озера Балак, примерно в десятке километров к северо-востоку от места битвы[786].

Долгожданное сражение не принесло Лукуллу решающего успеха и не привело к уничтожению армий Митридата и Тиграна. Больше того, исход боя не позволил римлянам даже обеспечить себя необходимым количеством продовольствия, зато в легионах появилось большое число раненых[787]. А всего через несколько дней после битвы легионеры Лукулла отказались продолжать поход.

В дальнейшем Луций Лициний Лукулл не жалел ораторского и литературного таланта, чтобы убедить современников и потомков в том, какие у него оказались алчные, ленивые и неблагодарные солдаты. Это ему в немалой степени удалось, и репутация рвачей закрепилась за легионерами Лукулла даже в римской поэзии. Гораций впоследствии писал:

Нам говорят, что один из лукулловых воинов, ночью заснувши,
Был обокраден, и денег лишился за долгую собранных службу.

---

[782] Любопытно, что подземные армянские жилища мало менялись со времен Ксенофонта до начала XX столетия. Ксенофонт на рубеже V/IV веков до н.э. описывает их следующим образом: "дома там были подземные, с проемами вроде колодца, но внизу просторные. Для скота были прорыты проходы, а люди спускались по лестницам" (Xen.Anab.,IV,5,25). А.С.Пушкин, посетивший центральную часть Армении в 1829 году, вспоминает: "Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли и отправился к ним. В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли" (Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // А.С.Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах. Т.VII. М.,1981. С.314). Бекгульянц, путешественник начала XX века, в свою очередь пишет: "Все села Мушской долины до однообразия похожи друг на друга. Повсюду дома-землянки наподобие больших кротовых жилищ" (Бекгульянц. По Турецкой Армении. Ростов-на-Дону, 1914. С.46)
[783] См.: *Plut.Luc.*,31
[784] Манандян Я.А. Тигран II и Рим С155
[785] *Plut.Luc.*,31
[786] *App.Mithr.*,87; *Dio Cass.*,XXXVI,5-6; *Plut.Luc.*,31
[787] *App.Mithr.*,88; *Dio Cass.*,XXXVI,6

После, себя и врага проклиная, по-волчьи оскаливши зубы,
Он в одиночку из крепости целый отряд неприятельский выбил –
Прежде твердыня была неприступной, напасть на нее не решались.
Славой увенчанный, он получил не одни лишь почетные знаки:
Двадцати тысяч сестерциев для него не пожалел полководец.
Римлянам путь преграждая, еще одна крепость стояла поодаль,
Звал командир отличившегося совершить тот же подвиг повторно
Словом, которое доблесть в сраженьи вселило бы даже и в труса:
"Ждет тебя слава, смельчак, и награда, поболее прежней! Иди же!"
Тот, хотя был из деревни, ответил начальнику красноречиво:
"В битву, в которую ты призываешь, пойдет кошелек потерявший!"[788]

Цицерон, более осторожный в выражениях, с немалой долей ехидства говорил, что "наше войско, хоть и овладело городом в царстве Тиграна и выиграло несколько сражений, все же стало испытывать тревогу из-за необычайной отдаленности этих мест, тоскуя по своим близким"[789]. Он не объяснял, правда, почему лукулловы легионеры не тосковали в отдаленных местностях ранее, когда одерживали победы. Самому Лукуллу мотив солдатской тоски казался неубедительным, поэтому он делал ударение на погодных условиях Оказывается, уже в пору осеннего равноденствия в Армении "почти беспрестанно сыпал снег, а когда небо прояснялось, садился иней и ударял мороз", страшнее того, "во время переходов их (воинов) заваливало снегом, а на привалах они мучились, ночуя в сырых местах"[790]. Действительно, зимы в горных долинах Армении бывали суровыми. Страбон сообщал, что "здесь в горных перевалах при сильном снегопаде целые караваны гибнут в снегу"[791]. Климат в I в. до н. э., кажется, был холоднее, чем сейчас, и поэтому ранние заморозки в конце сентября в Армении могли случиться, хотя навряд ли они были долгими (в описаниях Плутарха центральная часть Армении выглядит как таймырская тундра).

Однако лукулловы легионеры могли бы укрыться в городах долины Аракса или, на худой конец, в лагерях, построенных противником. Не сделали они этого по одной простой причине – их туда не пустили воины Митридата и Тиграна. Пресловутые холода оказываются все теми же старыми знакомыми "генералами Зимой и Морозом", которых Луций Лукулл запустил на страницы военной истории задолго до Наполеона и Гудериана[792].

Зачинщиками волнений в войске Лукулла выступили солдаты бывших "фимбрианских" легионов, а их вожаком – двадцатичетырехлетний шурин Лукулла Публий Клодий Пульхр, младший брат посланника к Тиграну и брат-близнец Клодии, которую обессмертил в своих стихах влюбленный в нее великий поэт Катулл. Правда, даже ослепленный любовью, он как-то назвал ее "поганой подстилкой, порожденьем подлейшего разврата", написавши:

Как узнать ее, спросите? По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей,
По бесстыдной, разнузданной походке[793].

Братец, которого молва настойчиво обвиняла в кровосмесительной связи с Клодией, был по всеобщему мнению еще хуже. Правда, в речах Цицерона Клодий, ставший к тому времени непримиримым и смертельным врагом оратора, приобретает черты обобщенного

---

[788] *Horat.Epist.*,II,2,26-40
[789] *Cic.Man.*,IX (23)
[790] *Plut.Luc.*,32
[791] *Strabo*, XI,14,4
[792] Несостоятельность "метеорологических" объяснений Лукулла показана на материалах климатологии Р.Булином (Bulin R. K. Untersuchungen zur Politik und Kriegfüchrung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt a. M.; Bern, 1983. S. 86f)
[793] *Catul. Carm.*,XLII

образа разнузданного зла, "для кого уже не существовало ни закона, ни гражданского права, ни границ владений"[794], и доверять им не стоит. В любом случае, то, что мы знаем о Клодии, позволяет охарактеризовать его как типичного представителя римский "золотой молодежи", честолюбивого, дерзкого, умевшего привязывать к себе чернь и начисто лишенного каких-либо моральных ограничений. Плутарх пишет, что это был "человек наглый и преисполненный величайшей заносчивости и самонадеянности"[795]. Юноша чувствовал себя обиженным: на правах свойственника Лукулла он рассчитывал на обычное в таких случаях покровительство полководца, но на их отношения все больше ложилась тень скандальной римской славы Клодии, и они становились день ото дня хуже.

В своей вражде к зятю Клодий играл на самый сокровенных, самых чувствительных струнах легионерских душ. Он говорил, что "войнам и мукам не видно конца, что до последнего дыхания их заставляют биться со всеми народами, сколько их ни есть, и гоняют по всей земле, между тем как достойной награды за все эти походы им нет, а вместо этого приходится сопровождать повозки и мулов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях". "Уж если нам, – делал Клодий вывод, – приходится нести службу без отдыха и срока, почему бы нам не поберечь остаток сил и жизни для такого вождя, который видит для себя высшую честь в обогащении своих солдат?"[796]

После битвы на Арацани сторонники Клодия уже не ограничивались словами. Бунтовщики стали лагерем на берегу озера Балак и потребовали немедленно покинуть Армению. Ввиду явного сочувствия им всего войска, Лукуллу ничего не оставалось как повернуть обратно.

Пройдя неразграбленные, но неприветливые армянские области к востоку от озера Ван, римляне перешли Тигр и направились в северо-восточную Месопотамию, в область Мигдонии. Чтобы умерить недовольство войска и сгладить впечатление от неудачного армянского похода, Лукулл осадил столицу тигранова брата Гура Антиохию Мигдонийскую (Нисибис), где Тигран поместил часть своих сокровищ. "Лукулл подошел к городу летом, и хотя он направил на него свои атаки отнюдь не робким образом, ничего не достиг. Стен, сделанных из кирпича, двойных и большой толщины, с глубоким рвом между ними, никто нигде не мог ни пробить, ни сделать под них подкоп, и сам Тигран по этой причине не помогал осажденным. Но, когда настала зима, и варвары стали беспечнее, как будто бы они взяли верх и чуть было не ждали, что римляне отступят, Лукулл дождался безлунной ночи, когда там была жестокая буря с грозой и дождем, так что противник, неспособный увидеть перед собой что-либо или услышать какой-нибудь звук, оставил внешние укрепления – все, за исключением немногих – и ров между ними и внутренними. Тогда он подошел к стене во многих местах, поднявшись на нее без труда с холмов, и легко обошел стражу, оставшуюся позади него, так как она была малочисленна. Этим путем он засыпал часть рва, так как варвары ранее разрушили мосты, и пересек его, так как под ливнем никакие стрелы и никакой огонь не могли повредить ему. Он тотчас захватил почти все, так как внутреннее укрепление не было таким же мощным по причине доверия внешней постройке вокруг него. Некоторые, однако, бежали в цитадель, среди них брат Тиграна, но позже он заставил их сдаться"[797]. В Нисибисе римский полководец встретил Каллимаха, тремя годами ранее возглавлявшего осаду Амиса. На нем консуляр выместил злобу, приказав заключить в оковы, с Гуром же обошелся милостиво[798].

Впрочем, захваченная в Нисибисе добыча не удовлетворила Лукулловых солдат. В расположившихся там на зимовку 68/67 года легионах усиливалось недовольство полководцем. Тучи над головою Лукулла все сильнее сгущались и в Риме. Его оптиматские сторонники и покровители в сенате вынуждены были сами больше защищаться: в 70 году, в

---

[794] *Cic.Mil.*,XXVII (74)
[795] *Plut.Luc.*,34
[796] *Plut.Luc.*,34
[797] Ibidem; *Dio Cass.*, XXXVI, 6-7
[798] *Plut.Luc.*,32

консульство Гнея Помпея, избранного на высшую в республике должность вопреки Корнелиеву закону, минуя магистратуру претора, и на 6 лет ранее достижения установленного возраста, была восстановлена в полном объеме урезанная Суллой власть народных трибунов и внесен принятый в следующем году Аврелиев закон, который устранил исключительное право сенаторов заседать в судах[799]. Уже в 69 г. до н.э. народные трибуны обвинили Лукулла в умышленном затягивании войны, а в 68 году, когда стали очевидны его военные неудачи, претор Луций Квинкций вновь обвинил Лукулла в затягивании войны из побуждений корыстолюбия и властолюбия. Квинкцию удалось добиться решения сената не продлевать истекавшие со следующего года наместнические полномочия Лукулла в провинциях и передать Киликию консулу 68 года Квинту Марцию Рексу, а Азию одному из преторов. За Лукуллом с 1 января 67 года оставалось только командование в войне, да и то многим его легионерам разрешили покинуть службу[800].

[799] *Plut.Pomp.*,22
[800] *Plut.Luc.*,33

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сердце, сердце, грозным строем встали беды пред тобой,
Ободрись, и встанем грудью, и ударим на врагов …

Архилох

Едва римляне осенью 68 г. до н.э. покинули Армению, Митридат Эвпатор, предоставив дальнейшую войну с Лукуллом Тиграну и Митридату Атропатенскому, вторгся с 4 тысячами понтийских изгнанников и 4 тысячами армян в пределы своего царства[801].

За три года, проведенные на чужбине, царь стал мудрее, в его характере исчезают появившиеся было в конце 70-х годов старческая капризность и стремление видеть в желаемом действительное, зато усиливаются целеустремленность и поразительная для шестидесятишестилетнего возраста энергия. В то же время Митридат становится более жестким – не жестоким, когда причинение зла другим доставляет удовольствие (таким Митридат Эвпатор не был никогда), а жестким, когда к злу без колебаний прибегают во имя достижения цели. Он уже никому не доверял и все, что можно, старался делать сам.

Рисунок 81. Митридат Эвпатор. Инталия. Эрмитаж.

Население Понта, вполне вкусив "прелести" римского владычества – именно во время похода Лукулла цена раба в римском лагере упала до 4 драхм[802] – встречало Митридата Эвпатора как освободителя[803].

Для римлян появление Митридата в его царстве оказалось полной неожиданностью. Легионеры Адриана и Сорнатия успели уже привыкнуть к мирной жизни, часть их "исполняла личные поручения командиров, другая, отлучившись, занималась торговлей" [804]. Расквартированный в Понте флот Гая Валерия Триария римляне использовали для борьбы против пиратов, которые к тому времени сделали море "совершенно недоступным для мореходства и торговли"[805].

---

[801] *App.Mithr.*,88
[802] Ibidem. 78; *Plut.Luc.*,14. Эта цена в 50-100 раз меньше обычной
[803] *Dio Cass.*,XXXVI,9,1
[804] *Sall.Hist.*,V,fr.9
[805] *Plut.Pomp.*,25

Митридат Эвпатор прошел через Малую Армению, где еще оставались верные ему крепости, в долину Лика и приближался к тем местам, где осенью 71 года пережил наибольшее в своей жизни унижение. Застав Фабия Адриана врасплох, Митридат в первой же стычке обратил его в бегство, убив 500 неприятелей. Фабий освободил и вооружил для войны всех рабов, бывших у него в лагере[806], но в длившейся целый день новой битве воевавшие у римлян фракийцы и понтийцы толпами перешли на сторону царя[807]. Победа казалась близкой, однако в гуще боя Митридат был ранен камнем в колено и стрелою под глаз, и его пришлось поспешно вынести с поля битвы[808].

Пока скифы-агары лечили раны Митридата Эвпатора змеиным ядом, Фабий Адриан заперся в Кабирах, призывая на помощь Лукулла и Триария. Последний, прервав операции против пиратов в Эгейском море, в начале 67 года высадился в Понте. Вместе с легионом Сорнатия ему удалось снять осаду с Кабир и соединиться с Адрианом, приняв командование над всеми римскими войсками в стране. Митридат отступил к Комане, за реку. Он рассчитывал частью сил напасть на римлян на марше, а другую переправить по близлежащему мосту им в тыл. Однако, мост под тяжестью воинов обвалился, и царский замысел не удался[809]. На этом, однако, успехи Триария кончились. Считая Кабиры недостаточно укрепленными, Триарий без боя оставил их Митридату. Царь настиг отступавших на северо-запад римлян на горной дороге. Оба войска выстроились друг против друга для сражения, но его не произошло, так как "поднялся такой ураган, какого не помнят, сорвал у того и у другого палатки, подхватил груз и вьючный скот и из людей некоторых сбросил в пропасть"[810]. Триарий с войском заперся в Газиурах[811].

Тем временем, Тигран зимой 68 – весной 67 года вошел в Малую Армению. В одной из приграничных крепостей он осадил дважды изменника Луция Фанния, перебежавшего сначала от римлян к Митридату, а потом от Митридата к Лукуллу. В крепости находились немалые сокровища, поэтому Лукуллу наконец-то удалось уговорить легионеров покинуть Месопотамию и выступить на помощь товарищам. При приближении римлян Тигран снял осаду и вернулся в свое царство[812]. Лукулл вновь вступил в Понт.

Понтийский царь, между тем, осадил крепость Дадасы, куда легионеры Адриана и Сорнатия посвозили имущество. Узнав об этом, а также о приближении Лукулла, стоявшие в Газиурах солдаты, опасаясь, как бы их пожитки не достались Митридату или лукулловым легионерам, заставили Триария дать сражение. Ночью Гай Триарий вышел из крепости по направлению к Зеле, где находились царские сторожевые отряды[813]. Местность представляет собой равнину, на которой находится много высоких холмов, отделенных друг от друга глубокими долинами[814]. На одном из этих холмов расположен город Зела, а другой, самый высокий, называли горой Скотия. Здесь Митридат Эвпатор ранним утром и принял бой с римлянами. "Долгое время сражение было нерешительным; тогда царь усиленным натиском на своем участке решил исход битвы и, рассеяв неприятелей, запер их пехоту в болотистой низине, где они погибли, не имея возможности выстоять. Конницу же он преследовал на равнине, энергично стараясь использовать счастливый поворот судьбы, пока какой-то римский центурион, бежавший около него, как раб, не нанес ему в бедро глубокой раны мечом, не надеясь, что сумеет поразить его в спину из-за панцыря. Ближайшие к Митридату

---

806 *App.Mithr.*,88
807 *Dio Cass.*,XXXVI,9,3-4
808 *Dio Cass.*,XXXVI, 9, 5–6; App. Mithr.,88
809 *Dio Cass.*,XXXVI,10,2-3
810 *App.Mithr.*,88
811 *Dio Cass.*,XXXVI, 10
812 *Dio Cass.*, XXXVI,10,1
813 App. Mithr., 89; *Dio Cass.*, XXXVI, 12
814 *Caes.alior.Alex.*,72

тотчас убили его, Митридат же был унесен в тыл, и его друзья поспешно отозвали войско назад, несмотря на блестящую победу.

Рисунок 82. Римский военный трибун. Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр.

Среди сражающихся возникло смятение и недоразумение при такой бессмысленной команде об отступлении, возник страх, нет ли чего ужасного с другой стороны. Узнав, наконец, в чем дело, воины окружили Митридата на равнине и шумели, пока врач Тимофей, остановив кровь, не показал его с возвышенного места... Как только Митридат поднялся, он стал тотчас упрекать тех, кто отозвал войско из боя, и в тот же день вновь повел армию на римский лагерь, но римляне в страхе уже успели бежать из него"[815]. Такого разгрома римское войско не знало четыре десятилетия, со времен Аравзиона. Потери армии, насчитывавшей два легиона и флотские команды, составили более 7 тысяч человек, то есть около 70 процентов общего числа, при этом погибло 150 центурионов и 24 военных трибуна – практически весь командный состав[816]. Трупы римлян остались на поле боя и только через три года были похоронены Помпеем[817]. Позже Цицерон, патетически восклицал на форуме о битве при Зеле: "Позвольте мне здесь, квириты, по примеру поэтов, излагающих историю Рима, умолчать о нашем несчастье, которое было столь тяжелым, что полководцу принес эту весть не гонец с поля битвы, а молва"[818]. Победа Митридата Эвпатора была тем более славной, что он

[815] *App.Mithr.*,89
[816] Ibidem; *Dio Cass.*,XXXVI,12-13; *Plut.Luc.*,35. Цифры потерь римского командного состава вызывают определенные сомнения: в двух легионах, участвовавших в битве, всего было 12 военных трибунов и 120 центурионов. Возможно, в бою принимали участие не только действующий, но и бывшие, но сохранявшие свои звания военные трибуны и центурионы
[817] *Plut.Pomp.*,39
[818] *Cic.Man.*,IX (25)

сражался с войском, примерно равным по численности его собственному; чтобы обойти это обстоятельство, римские историки попросту замалчивают число понтийских воинов под Зелой. Однако, успех не вскружил царю голову. Узнав о приближении Лукулла, Митридат уклонился от боя с ним и ушел в Малую Армению, к Талаврам, ожидая там подхода Тиграна. По дороге царь либо забирал с собой запасы продовольствия, либо уничтожал их, заранее оставляя Лукулла без провианта[819]. Одновременно Митридат Атропатенский, зять Тиграна, вторгся в Каппадокию[820].

Рисунок 83. Равнина у Зелы. Современный вид.

Через несколько дней после сражения под Зелой Лукулл встретился в долине Лика с остатками войска Триария, которого ему пришлось прятать от разъяренных солдат. Лукулл решил преследовать Митридата Эвпатора в Малой Армении, но, пройдя несколько дней по стране и не находя провизии, "фимбрианцы" вновь взбунтовались. "Нет такого унижения, – пишет Плутарх, – которому не подверг бы себя тогда Лукулл: он уговаривал каждого из солдат поодиночке, с малодушными слезами ходил и палатки в палатку, некоторых даже брал за руку. Но солдаты отталкивали его руку, швыряли ему под ноги пустые кошельки и предлагали одному биться с врагами – сумел же он один поживиться за счет неприятеля!"[821]. В конце концов полководцу, играя на противоречиях между "фимбрианцами" и солдатами своего третьего легиона, удалось уговорить солдат прослужить еще лето с условием, что они будут уволены, если за это время не появится неприятель, чтобы дать им сражение.

Лукулл прибегал к отчаянным мерам, чтобы исправить положение в свою пользу. Он направил просьбу о помощи свояку, проконсулу Киликии Квинту Марцию Рексу, появившемуся в марте 68 года в Ликаонии с тремя легионами, однако при Рексе находился Публий Клодий (в дальнейшем Рекс назначил Клодия командующим флотом), и под его влиянием наместник Киликии Лукуллу отказал[822].

Между тем, на жизнь Митридата было подготовлено покушение. В его свите находился некий Аттидий, бывший римский сенатор, по суду изгнанный из Италии, нашедший убежище у понтийского царя и введенный в число его "друзей". Этот Аттидий замыслил убить Митридата, в заговор был вероятно вовлечен также полководец Митридата Менемах. Заговор, однако, был раскрыт, Менемах сумел бежать к Марцию Рексу[823], а Аттидия "царь казнил ..., не считая справедливым подвергнуть пытке человека, бывшего некогда римским сенатором; замешанных же вместе с ним в этот заговор, он подверг страшнейшим мучениям. Вольноотпущенников же, которые были соучастниками Аттидия в этом замысле, он отпустил невредимыми, говоря, что они служили своему господину"[824]. Источники не сообщают, что стояло за заговором Аттидия и Менемаха, но это вполне могли быть деньги и посулы Лукулла, готового хотя бы таким способом закончить войну.

---

[819] *App.Mithr.*,90; *Dio Cass.*,XXXVI,14,2; *Plut.Luc.*,35
[820] *Dio Cass.*,XXXVI, 14, 2
[821] *Plut.Luc.*,35
[822] *Dio Cass.*,XXXVI, 15, 1; 17, 2–3
[823] *Dio Cass.*,XXXVI,17,2
[824] *App.Mithr.*,90

Однако, вскоре по Лукуллу был нанесен окончательный удар в Риме. После Зелы его противники провели в народном собрании законы об отстранении Луция Лициния Лукулла от командования и о предоставлении легионерам, срок службы которых истек, отпуска. Ведение войны поручалось Манию Ацилию Глабриону, консулу 67 года, получившему вифинское наместничество[825].

Как только известия об этом достигли лагеря Лукулла, его солдаты потребовали оставить Малую Армению и уйти в Галатию. Там полководец и стал с войском, которое понемногу от него расходилось[826].

После этих событий к лету 67 года до н.э. Митридат Эвпатор возвратил почти все свое царство. Сопротивление ему оказал лишь Эвпаторий на Ирисе, им же и основанный, и в наказание разоренный[827], кроме того вне власти Митридата остались Синопа и Амис, заселенные переселенцами из Греции.

Вероятно тогда же Митридат восстановил власть над Колхидой, послав туда в качестве наместника уцелевшего родственника Дорилая Моаферна, дядю матери историка и географа Страбона[828].

Одновременно Тигран завоевал всю Каппадокию[829]. Ариобарзан в очередной раз бежал из своего царства и римские магистраты отсылали его как надоедливого просителя один к другому[830]. Каппадокия была передана Митридату Эвпатору, в стране между октябрем 67 и октябрем 66 года до н.э. была отчеканена его монета[831]. Сам Митридат, расположившись на границе с Вифинией, опустошал ее восточные районы[832].

Можно было подумать, само время отступило на семь лет назад под натиском Митридата. Однако, на самом деле многое изменилось, и изменилось не в его пользу. Если в 73 году Митридат Эвпатор располагал ресурсами богатейшей страны Восточного Средиземноморья, то к началу 66 года до н.э. в его разоренном царстве начался голод, если в 73 году понтийский царь имел более чем стотысячную армию и флот в сотни кораблей, то через семь лет он мог противопоставить римлянам лишь 30 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников, да и то отличавшихся в большинстве своем низкой дисциплиной и плохой выучкой[833], а кораблей не имел вовсе.

В начале 66 года расстроился союз с Тиграном II. После ухода из Армении Лукулла там разгорелась борьба за власть, царь обвинил в заговоре и казнил одного из своих сыновей, внуков Митридата Эвпатора, подозревая его в подготовке покушения на свою жизнь во время охоты[834]. Когда Тигран зимой 67/66 годов находился на войне в Каппадокии, в Армении против него восстал третий сын, царевич Тигран Младший. Старый Тигран прервал поход и отправился в свое царство на подавление мятежа. Выступление царевича Тиграна было подавлено, сам он бежал в Ктесифон, где женился на дочери Фраата III. До Тиграна-отца дошли сведения, что царевича подстрекал Митридат Эвпатор, и двадцативосьмилетнему союзу между двумя царями пришел конец[835].

Не позднее середины 66 года до н.э. короткая мирная передышка, которую Митридат Эвпатор получил вследствие внутриполитической борьбы в Риме, закончилась. По предложению народного трибуна Гая Манилия главнокомандование в войне против понтийского царя было предоставлено сорокалетнему Гнею Помпею.

---

[825] Ibidem; *Cic.Man.*,IX (26); Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.89-90
[826] *App.Mithr.*,90; *Plut.Luc.*,36; Idem.*Pomp.*,30
[827] *App.Mithr.*,115
[828] *Strabo*,XI,2,18; XIII,3,33
[829] *Cic.Man.*,II (5); *Dio Cass.*,XXXVI,17,1; *Plut.Luc.*,35
[830] *Dio Cass.*,XXXVI, 17, 1
[831] Reinach Th. Op.cit. P.376
[832] *Cic.Man.*,II (5)
[833] *App.Mithr.*,97
[834] *App.Mithr.*,104
[835] *Dio Cass.*,XXXVI, 50, 1; 51,1

Рисунок 84. Гней Помпей. Венеция, Археологический музей.

О Помпее написано очень много, главным образом как о неудачливом сопернике Цезаря. Немало красноречия потратил на него, например, Т.Моммзен, писавший, что Помпей – "самый скучный и неуклюжий из всех претендентов в великие люди", "истинно оптиматская и истинно римская посредственность", "всегда снедаемый честолюбием, он пугался собственный целей" [836]. Однако, такие оценки, как и большинство данных Моммзеном, предвзяты и несправедливы. Гораздо более соответствует истине мнение С.Л.Утченко: "Это был крупный римский вельможа, в меру образованный и просвещенный – его последняя фраза, обращенная к жене и сыну за несколько минут до трагической гибели, была цитатой из Софокла – и, видимо, с ранних лет воспитанный в духе аристократического уважения к римским законам и обычаям. Его наиболее характерной чертой было отсутствие авантюризма, то есть того качества, которое весьма импонирует многим историкам, как древним, так и новейшим... Помпей ... как и многие военные люди, имел определенное понятие (и чувство!) долга, был человеком дела, а не дальних политических расчетов и комбинаций. Он поступал в каждый данный момент "как должно", и, вероятно, мало задумывался над тем, что из этого воспоследует для будущего"[837].

Как и многие другие римские деятели I в. до н.э. Помпей, если перелицевать для древности известное выражение середины XX века, "вышел из тоги Суллы". Его родственник Квинт Помпей Руф состоял с Суллой в свойстве[838], его отец Гней Помпей Страбон погиб от удара молнии, обороняя Рим от Мария и Цинны, сам Гней Помпей приобрел боевой опыт и славу главным образом сражаясь в гражданской войне 83-81 годов на стороне Суллы, и даже был короткое время женат на его падчерице Эмилии, а затем в течение шести лет воевал в

[836] Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.14
[837] Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С.84, 85
[838] *App. Bell.Civ.*, I,56

Испании с Серторием; именно Помпей настоял на проведении торжественных похорон диктатора и руководил ими[839]. В то же время, как и Лукулл, к которому Помпей с молодости ревновал и с которым соперничал, он не был замешан в сулланских злоупотреблениях; больше того, незадолго до смерти Суллы вопреки ему поддержал на консульских выборах Лепида, за что был обойден в завещании Суллы (правда, уже в следующем году Помпей подавил восстание Лепида против сената). Именно Помпей через восемь лет после смерти Суллы в свое консульство с другим сулланцем, Марком Лициниием Крассом, ликвидировал остатки сулланского режима. Помпей был не чужд и некоторых совершенно удивительных для римского политического деятеля взглядов: он, например, был убежден, что "по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству"[840]. При всем при том, сравнивая сделанное Помпеем и сказанное о нем, трудно расстаться с впечатлением, что он всегда более казался, чем был, и не только окружающим, но и самому себе, а потому не раз случалось, что "гордыня и великая радость овладевали Помпеем и вытесняли все разумные соображения об истинном положении дел"[841]. Римский историк писал, что Помпей "с тех пор как он впервые приступил к государственным делам, не мог видеть рядом с собой равного, и там, где ему должно было быть первым, всегда хотел быть единственным ... Неумеренный в поисках почетных должностей, а при исполнении их в высшей степени сдержанный, он вступал в них с тем же удовольствием, с каким равнодушием их завершал"[842].

В конце 70-х начале 60-х годов Помпей всячески подчеркивал свою роль политического вождя всадников и, даже будучи консулом, демонстративно явился на проводимый ценз (перепись граждан) с конем, как то требовалось от римского всадника[843]. Всадники и немалая часть плебса всячески стремились расширить полномочия Помпея, видя в этом способ ослабить влияние оптиматского, в большинстве своем не желавшего забывать времена Суллы сената.

Уже в 67 году до н.э. по предложению народного трибуна Авла Габиния (того самого, что в молодости ездил мирить Митридата с Ариобарзаном) Помпей, несмотря на противодействие сенаторов, получил в народном собрании чрезвычайные и неслыханные ранее в республиканском Риме полномочия: командование всем военным флотом, неограниченную власть в прибрежной полосе всех провинций, право назначать себе легатов (обычно это делал сенат), распоряжаться казной, доходами провинций, набором войск и снаряжением флота[844].

По Манилиеву закону, который отстаивали в числе прочих Гай Юлий Цезарь и Марк Туллий Цицерон, в качестве претора произнесший на сходке граждан особую речь в его поддержку, Помпей приобрел еще большую власть. Сохраняя все полномочия, предоставленные для борьбы с пиратами, он получил в свое распоряжение все провинции и войска, во главе которых ранее стоял Лукулл, а кроме того неограниченную высшую власть во Фригии, Ликаонии, Галатии, Каппадокии и даже в Армении и Колхиде, которые предстояло завоевать. Недовольные говорили, что Помпей голосованием получил почти такую же власть, какой Сулла добился от государства войной и насилием[845].

Получив командование в войне с понтийским царем, Помпей некоторое время оставался в Киликии, где с ним попытался завязать переговоры Митридат.

Помпей ответил через перешедшего к римлянам бывшего царского полководца Метрофана, что мир может быть заключен, если Митридат выдаст перебежчиков и передаст

---

[839] *Plut.Pomp.*,15; Idem. *Sylla*,38
[840] *Plut.Pomp.*,28
[841] Ibidem, 57
[842] *Vel.Pat.*, I, 33,3
[843] *Plut.Pomp.*, 22
[844] *App.Mithr.*, 94; *Dio Cass.*,XXXVI, 23–25; *Plut.Pomp.*, 25
[845] *Dio Cass.*,XXXVI, 42; *Plut.Pomp.*, 30

себя в руки римлян. Царь отверг эти заведомо неприемлемые условия, слух о которых едва не вызвал мятеж в его войске[846].

Сам Помпей отправил посольство к Фраату III, обещая ему за помощь, как ранее Лукулл, Месопотамию. Парфянский царь, который вместе с Тиграном Младшим готовил поход в Армению, благосклонно отнесся к римскому предложению и пообещал сотрудничество[847].

Для сбора войск Помпей остановился в Галатии, у крепости Данале в области трокмов. Недалеко отсюда располагался с остатками своей армии Лукулл. Помпей демонстративно изменял распоряжения Лукулла, "отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался показать сторонникам Лукулла, что тот не имеет уже никакой власти"[848]. Лукулл принес жалобу на это в сенат. Друзья организовали встречу двух полководцев, чтобы помирить их.

Сначала все обстояло благопристойно, но затем посыпались взаимные обвинения. Помпей заявлял, что Лукулл, мол, "сражался с театральными и призрачными царями, ему же предстоит борьба с настоящим войском, научившимся воевать на неудачах", на что Лукулл возражал, что Помпей, "привык, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужою рукою и разрывать в клочья останки войны. Так, Помпей приписал себе победы над Серторием, Лепидом и Спартаком, которые принадлежали, собственно, Крассу, Метеллу и Катулу. Поэтому неудивительно, что человек, сумевший присоединиться к триумфу над беглыми рабами, теперь всячески старается присвоить себе славу армянской и понтийской войны". Попытка примирения кончилась тем, что Помпей запретил солдатам подчиняться Лукуллу, оставив последнему только тысячу шестьсот легионеров, которых "из-за строптивого нрава считал для себя бесполезными, а для Лукулла опасными"[849].

Вскоре Луций Лукулл уехал в Италию; на этом закончилась военная карьера одного из самых талантливых римских полководцев, воевавших с Митридатом.

Помпей вторгся в Понт летом 66 года до н.э.[850] Приграничные районы страны были опустошены, не хватало продовольствия, в царском войске началось массовое дезертирство. "Тех, кого Митридат ловил, он вешал, выкалывал глаза и сжигал"[851]. Драконовскими мерами царь приостановил разложение войска, однако, в конце концов, вынужден был отступить в менее разоренную Малую Армению, где были сосредоточены значительные запасы оружия, продовольствия и ценностей[852].

Там его нагнал Помпей. В первом сражении римский полководец ложным отступлением своих всадников заманил несколько отрядов царской конницы в засаду, а затем обратил в бегство, рассчитывая вместе с ними ворваться в лагерь понтийцев. Однако Митридат вовремя вывел из лагеря пехоту и сорвал замысел Помпея[853].

Уступая противнику в численности, обученности и дисциплинированности войска, Митридат решил использовать против Помпея апробированную стратегию изматывания

---

[846] *App.Mithr.*,98; *Dio Cass.*,XXXVI,45,2-5
[847] *Dio Cass.*,XXXvi,45,3
[848] *Plut.Pomp.*,31; *Strabo*, XII,3,33
[849] *Plut.Pomp.*,31
[850] Источники не указывают численности войск Помпея. Т.Рейнак полагает, что под его началом находилось 60 тысяч легионеров (Reinach Th. Op.cit. P.382), Т.Моммзен (Моммзен Т. История Рима. Том 3. С.104) и Я.А.Манандян (Манандян Я.А. Тигран II и Рим … . С.174-175) – 50 тысяч
[851] *App.Mithr.*,97
[852] *Strabo*, XV,5,2; Манандян Я.А. Маршруты понтийского похода Помпея и отступления Митридата в Колхиду // Вестник древней истории. 1940, №3-4. С. 89
[853] *App.Mithr.*,98; *Front.*,II,5,33; *Liv.Per.*,100. Дион Кассий (*Dio Cass.*, XXXVI,47, 3-4) относит этот эпизод ко времени осады Помпеем лагеря на горе Дастрака

неприятеля. Понтийцы отошли в область Анголисена и стали укрепленным лагерем на горе Дастрака в районе Дастир (нынешний Достал) на Евфрате[854]. Помпей окружил лагерь Митридата укреплениями и рвами, хотя в целом его действия были безуспешны. Но римлянину, "при помощи некоторых людей", удалось подчинить себе соседнюю Акилисену (Анаиту), отрезав Митридата от Великой Армении, кроме того, из Киликии на помощь ему вышли три дополнительных легиона. Ввиду этого на 45 или 50-день осады царь решил незаметно для римлян вывести войско из укрепления под Дастирами[855]. "Чтобы скрыть свое намерение он произвел фуражировку на более широком пространстве, вплоть до равнин, примыкающих к расположению неприятеля; он также назначил на следующий день прием многим лицам, чтобы отвлечь подозрение, и распорядился развести по всему лагерю побольше огней; затем, во вторую ночную смену он провел свое войско мимо самого неприятельского лагеря"[856].

Помпей настиг шедшего по направлению к приморским областям Митридата только с наступлением дня; царь уклонялся от сражения, лишь его всадники вели арьергардные бои с противником. На ночь Митридат укрыл армию в густом лесу, а затем продолжил движение на север.

В конце дня царское войско подошло к холму с крутыми склонами в лесистой местности у Лика (на месте позднейшего Никополя, ныне Пюрк), на котором стало лагерем[857]. Помпей подошел туда только следующим вечером. Митридат, понимавший, что в открытом бою его плохо подготовленному и недисциплинированному войску не взять верх над легионами, начал выстраивать свою армию для нового отступления. "Помпей ..., заметив приготовления врагов, опасался пойти на такое рискованное дело, как битва в темноте, считая, что достаточно только окружить врагов со всех сторон, чтобы они не могли бежать; днем же он надеялся неожиданно напасть на царя ... Но старшие начальники войска Помпея пришли к нему с настоятельной просьбой и советом немедленно начать атаку. Действительно, мрак не был непроницаемым, так как Луна на ущербе давала еще достаточно света, чтобы различать предметы... Луна была за спиною у нападавших римлян, и так как она уже заходила, тени от предметов, вытягиваясь далеко вперед, доходили до врагов, которые не могли правильно определить расстояние. Враги думали, что римляне достаточно близко от них, и метали дротики впустую, никого не поражая. Когда римляне это заметили, они с криком устремились на врагов"[858]. Первый удар помпеевы легионеры обрушили на выстроившийся в низине понтийский обоз. "Римляне принялись бросать в них с высоты камни, метать стрелы и дротики со всех сторон, неизбежно раня часть по причине их числа, и они довели их до последней крайности, варвары были построены не для битвы, а для марша, и как мужчины, так и женщины двигались рядом с конями, верблюдами и всеми видами поклажи, одни ехали верхом, другие на колесницах, крытых повозках или телегах, в беспорядке и замешательстве, и так как некоторые уже были ранены, а другие опасались быть ранеными, они впали в смятение, и вследствие этого были тем более легко избиты, что сгрудились вместе. Они претерпели это, еще когда были атакованы на расстоянии. Но когда римляне, израсходовав свои метательные снаряды, спустились к ним, ближайшие ряды неприятелей были истреблены, одного удара было достаточно для их гибели, так как большинство было безоружным, а в центре давили друг друга, так как все по причине опасности со всех сторон ринулись туда. Так они погибли, толкая повсюду и затаптывая друг друга, неспособные

---

[854] *Oros.*,VI, 4,3. Я.А.Манандян указывает, что принятая рядом исследователей локализация Дастир в Акилисене основана на ошибочном восстановлении текста Страбона (*Strabo,* XII,3,28), предложенном еще в XVI веке Ксиландром (Манандян Я.А. Маршруты понтийского похода Помпея… . С. 90)

[855] *App.Mithr.*,99; *Plut.Pomp.*,32. Плутарх пишет, будто перед уходом из лагеря царь приказал убить всех неспособных носить оружие и больных, но из текста Аппиана следует, что Митридат, "страдая от недостатка продовольствия, велел убить всех вьючных животных, сделав исключение только для коней", то есть, убиты были непригодные для боя животные, а не люди

[856] *Front.*,I,1,7, ср.: *Dio Cass.*,XXXVI,48,2

[857] *App.Mithr.*,99

[858] *Plut.Pomp.*,32

защитить себя или проявить хоть какую-то отвагу по отношению к неприятелю"[859]. Римские авторы отмечали необычайное ожесточение этой битвы[860]. В передовых отрядах понтийцев сражалось некоторое число всадников, которые, "спешившись без приказания, стали помогать своим ... Когда же против них появилось большее число римских всадников, то вышедшие без коней всадники Митридата всей толпой бросились в лагерь, чтобы сесть на коней и сразиться с нападающими римлянами при равных условиях". В лунном свете "те, которые вооружались еще наверху в лагере, увидев, что они бегут с криком, не зная, что случилось, и, полагая, что они обратились в бегство и что их лагерь взят с обеих сторон, бросили оружие и стали убегать. Так как это место не имело выхода, то они сталкивали друг друга, бросаясь в разные стороны, пока не свалились на острые камни кручи... Остальное для Помпея было уже легким делом: он принялся убивать и захватывать еще невооруженных и запертых на месте, окруженном крутыми скалами"[861]. На Лике пало или было пленено 10 тысяч понтийцев[862].

Митридат Эвпатор бежал из лагеря с восьмьюстами всадниками. По дороге отряд рассеялся и царь остался с двумя телохранителями и наложницей Гипсикратией. Это была женщина, "всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем"[863]. Вчетвером они достигли крепости Синорега в 22 километрах от Евфрата. Там вскоре собралось три тысячи пехотинцев и несколько сот конников[864]. Митридат заплатил воинам жалованье за год вперед и раздарил своим спутникам хранившиеся в сокровищнице драгоценные одежды. Кроме того, "каждого из своих друзей царь снабдил смертоносным ядом, чтобы никто против своей воли не попался в руки врагов"[865].

Из Синореги Митридат Эвпатор отправил посольство к Тиграну, но тот заключил митридатовых послов под стражу, а за его голову назначил награду в 100 талантов[866]. Узнав об этом, Митридат быстро, насколько позволял груз в 6 тысяч талантов, прошел вверх по Евфрату и через четыре дня пересек его истоки, оказавшись в армянских владениях. Здесь он дал своему отряду трехдневный отдых, а затем, отбив нападение подвластного Тиграну населения Хордзены и, преодолев сопротивление иберов, достиг Колхиды[867].

---

[859] *Dio Cass.*, XXXVI, 49, 1-6
[860] *Cic.Pro Mur.*,XVI (34)
[861] *App.Mithr.*,100
[862] *App.Mithr.*,100; *Dio Cass.*,XXXVI,48-49; *Plut.Pomp.*,32. Об этом сражении см. также: *Eutr.*,VI,12,2 (он определяет понтийские потери в 40 тысяч человек, однако, речь вероятно идет о потерях во всей войне); *Flor.*,III,5,22-24; *Front.*,II,1,12; *Liv.Per.*,101;*Oros.*,VI,4,3-7
[863] *Plut.Pomp.*,32; *Val.Max.*,IV. 6, ext.2
[864] *App.Mithr.*,101; *Eutr.*,VI,12,3
[865] *Plut.Pomp.*,32. Ср.: *App.Mithr.*,101
[866] *Dio Cass.*,XXXVI,50; *Plut.Pomp.*,32
[867] *App.Mithr.*,101; *Dio Cass.*,50,2; *Plut.Pomp.*,32; *Strabo*,XII,3,28; Манандян Я.А. Маршруты понтийского похода Помпея … . С.94-95

КАВКАЗ

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряхи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Руставели

Колхида, богатая продовольствием и лесом, осенью 66 г. до н.э. оставалась последней частью бывшей Черноморской державы, над которой Митридат Эвпатор сохранял власть. Прибыв в Фасис, понтийский царь занялся строительством флота, сбором войска и развернул энергичную дипломатическую деятельность. Главные усилия он направил на достижение союза с иберами и албанами, закрывавшими Помпею путь в страну колхов.

Иберия и расположенная восточнее Кавказская Албания располагали значительными военными ресурсами. Страбон указывал, что иберы "в случае каких-либо тревожных обстоятельств ... выставляют много десятков тысяч воинов как из своих, так и из числа скифов и сарматов", а об албанах, что "войско они выставляют более многочисленное, чем иберы: именно, они вооружают 60 тысяч пехотинцев и 22 тысячи всадников"[868].

Обе страны еще сохраняли к тому времени массу архаических черт. В Иберии существовал кастовый строй, население делилось на четыре сословия. "Одно сословие – сообщал Страбон, – самое главное из него они выбирают царей, старших по родству и по возрасту; следующее по значению лицо – это верховный судья и полководец. Второе сословие – это жрецы, ведающие, кроме прочего, тяжбами с соседями. Третье сословие состоит из воинов и земледельцев. Наконец четвертое – простой народ; это царские рабы, которые выполняют все работы по добыванию жизненных средств. Имущество у них общее в роде, заведует им и хранит имущество старший" [869]. В Албании, где жили двадцать шесть разноязычных племен, сохранялись обычаи человеческих жертвоприношений Луне. "Того из них, кто, став одержимым божеством, в уединении скитается по лесам, жрец приказывает схватить и, связав священной цепью, пышно содержать весь год. Затем приготовленного в жертву богине умащают благовониями и вместе с другими жертвами подвергают закланию ... Кто-то из толпы, хорошо знакомый с этим делом, выступает со священным копьем в руке, которым по обычаю можно совершать человеческое жертвоприношение, и вонзает его сбоку в сердце жертвы. Когда жертва валиться наземь, они получают известные предзнаменования по способу ее падения и объявляют всем. Затем приносят тело в известное место, где все топчут его ногами, совершая обряд очищения"[870].

Навряд ли достижение союза с горными царствами было для Митридата легким делом, тем более, что с иберами по пути в Колхиду ему даже пришлось сражаться. Подробности переговоров Митридата Эвпатора с иберами и альбанами неизвестны, однако, как свидетельствуют последующие события, они оказались вполне успешными.

Когда Помпей после битвы на Лике, не задерживаясь в Малой Армении, где продолжали сопротивляться отдельные понтийские гарнизоны, по следам Митридата вышел к границам Колхиды[871], у Куры дорогу ему неожиданно преградило семидесятитысячное войско иберов и албанов во главе с царями Артоком и Орозом[872]. В ожесточенной битве римлянам удалось окружить в подожженном лесу часть войска противника и уничтожить его, после чего

---

[868] *Strabo*,XI,3,3;4,5
[869] Ibidem,XI,3,6
[870] Ibidem,XI,4,7
[871] *Dio Cass.*,XXXVI,50,3
[872] *App.Mithr.*,103; Джавадов И.Ш. О сражении кавказских албанцев и иберов против римлян в 66 г. до н.э. // Вестник древней истории. 1973, №1. С.155

остальные отступили. Однако, идти вперед Помпей не решился и отступил в Великую Армению.

Рисунок 85. Античный алтарь в Армазисхеви (Гармозике).

К этому времени Фраат III и Тигран Младший, заставив Тиграна II уйти в горы, окружили Артаксату, но во время затянувшейся осады между зятем и тестем возникли разногласия, в результате которых парфянский царь возвратился восвояси. Этим не преминул воспользоваться Тигран-старший, наголову разгромивший сына у стен столицы. Мятежный царевич собрался обратиться за помощью к Митридату Эвпатору, но, узнав о поражении и бегстве понтийского царя, адресовал свою просьбу его победителю[873].

Оценив положение и возможность без потерь подчинить Армению, Гней Помпей прервал преследование Митридата и по долине Аракса подошел к Артаксате на расстояние 12 километров. Престарелый Тигран II, чье царство не могло сопротивляться двойному нападению, вынужден был явиться в римский лагерь и униженно просить Помпея о мире. Римский полководец сохранил за Тиграном престол и провозгласил "другом и союзником римского народа". Под его властью была оставлена Великая Армения, ему же передавались восточные районы Малой Армении, Помпей также подтвердил, нарушая условия заключенного в начале года договора с Парфией, право Тиграна II на титул "царь царей" и на области Северной Месопотамии с Кордуэной. Со своей стороны Тигран брал на себя обязательства, связанные со званием "друга и союзника римского народа". Он выплатил Помпею дань в 6 тысяч талантов серебра, а кроме того раздал каждому легионеру по 50 драхм, центурионам – по тысяче драхм, а легатам и начальникам конницы – по таланту[874]. Тигран Младший оказался в обиде: ему была дана только Софена, да и за счет той должна была выплачиваться часть дани[875]. Царевич попытался очередной раз сменить покровителя, но был заключен Помпеем под стражу. Согласно источнику Плутарха причиной этого будто бы стала оброненная царевичем на пиру фраза, что он, "не нуждается в таких почестях со стороны Помпея, ибо может найти себе другого римлянина"[876]. После того как хранители подчиненной Тиграну Младшему крепости отказались выдать сокровища, Помпей приказал заключит пленника в оковы[877].

---

[873] *Dio Cass.*, XXXVI,51,2-3
[874] *App. Mithr.*, 104; *Dio Cass.*,XXXVI, 52; *Plut.Pomp.*, 33; *Strabo*,X,14,10
[875] *Dio Cass.*,XXXVI, 53, 2-3
[876] *Plut.Pomp.*,33
[877] *Dio Cass.*,XXXVI,53,4

Успешно устроив римские дела в Армении и оставив там легион Луция Афрания, Помпей вновь выступил в направлении Колхиды[878]. С тремя легионами он стал на Куре в районе Анаиты[879].

В канун праздника Сатурналий (17 декабря 66 г. до н.э.) римляне оказались атакованными сорокатысячным войском албанов. Ороз потерпел поражение и на этот раз принял предложение Помпея о мире и пропуске римских войск; но путь в Колхиду лежал не через Албанию, а через Иберию, царь которой Арток согласия на проход римлян не дал[880].

Рисунок 86. Тигран II. Монета Великой Армении.

Выступить против иберов зимой Помпей не рискнул и только по весне 65 года вторгся во владения Артока. Путь к крепости Гармозика (Армазисхеви), где находилась царская ставка, прикрывал Севсамор (Цицамури), "Акрополь у горного ущелья". Пока Помпей осаждал эту крепость, Арток ушел за Куру и сжег мост. Римлянам удалось нанести поражение нападавшим из-за реки иберийским отрядам, после чего Помпей стал готовиться к переправе через Куру. Арток запросил мира и в знак доброй воли восстановил мост, но когда помпеевы легионы перешли Куру, бежал к реке Пелор. В битве у Пелора иберы потерпели поражение, потеряв 9 тысяч убитыми и 10 тысяч попавшими в плен. Однако, иберийские воины рассеялись по окрестным лесам и нападали на легионеров, стреляя из луков с деревьев. Чтобы обезопасить себя, Помпей приказал вырубать леса. Тогда Арток вновь прислал мирные предложения и дары – золотое ложе, стол и трон, – но Помпей потребовал дать в заложники царских детей. Царь иберов сначала отклонил такое условие и лишь после того, как Помпей перешел через Пелор, выдал требуемых заложников[881].

Пока Помпей воевал то с иберами, то с албанами, Митридат построил в Диоскурии флот и, оставив в Колхиде правителем некоего Орхоза[882], отплыл на Боспор с военными силами, которые Аппиан называет "значительными"[883].

Когда летом 65 г. до н.э. помпеевы легионы наконец прошли Сурамский перевал и, преодолевая сопротивление Орхоза, разбитого и оттесненного в горы, вышли к побережью Понта Эвксинского, Митридата Эвпатора ни в Фасисе, ни в Диоскурии уже не было[884].

---

[878] *Plut.Pomp.*,34
[879] Манандян Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье // Вестник древней истории. 1939, №4. С.72
[880] *Dio Cass.*,XXXVI,54,1; *Plut.Pomp.*,34
[881] *Dio Cass.*, XXXVII, 1–2; *Plut.Pomp.*,34
[882] Орхоз упоминается Флором как побежденный Помпеем "царь колхов" (*Flor.*,XL,3,28)
[883] *App.Mithr.*,102

Помпей вызвал в Фасис командующего флотом Сервилия[885], намереваясь продолжить погоню за Митридатом по морю, но в это время войну ему вновь объявили албаны, колебания стали проявлять иберы, и римский военачальник спешно оставил Колхиду. Боясь углубляться в Иберию, он избрал окружной путь в Албанию через Армению.

Рисунок 87. Холм Багинети. Современный вид.

Форсировав Куру и преодолев устроенные албанами у переправ деревянные заграждения, римляне прошли вглубь страны. На реке Абант (Алазань) произошло сражение с многочисленной – 60 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников, – но плохо вооруженной албанской армией, которой командовал брат царя Коз[886]. Битва была настолько ожесточенной, что самому Помпею пришлось сражаться врукопашную и, хотя Коз пал в бою, легионы оказались так потрепанными, что римский командующий пошел на мировую с Орозом и, обменявшись с албанским царем подарками, вернулся в Армению[887]. Оттуда Помпей оповестил сенат о победе над Албанией, а присланные ему Орозом позолоченное ложе и другие безделушки объявил данью. Что же до такой мелочи как чересчур уж стремительный уход из "побежденной" страны, его Помпей с вполне серьезным видом объяснил непреодолимыми препятствиями со стороны ... местных змей[888] (вероятно, говорить о зиме и морозе явно не представлялось возможным, потому пришлось привлечь пресмыкающихся). Не очень удивительно, что Помпею поверили в Риме: те, кто, сваливая Лукулла, расчищал пьедестал для своего кумира, жаждали известий о его победах, гораздо удивительней, что иные современные исследователи без тени иронии пишут, будто Помпей "превратил царства Иберии и Албании в вассалов Рима"[889].

Некоторые историки высказывают мнение, что поход Помпея на Кавказ преследовал цели, выходящие далеко за пределы преследования Митридата: установление контроля над путями движения северопричерноморских кочевников на Ближний Восток и торговым путем в Среднюю Азию и Индию[890]. Однако, факт, что Помпей не предпринял никаких мер для

---

[884] *Dio Cass*,XXXVII,3,1-3; *Flor.*,XL,3,28
[885] *Plut.Pomp.*,34
[886] *Dio Cass.*,XXXVII, 3,4 – 5,1; *Eutr.*,VI,14,1;*Plut.Pomp.*,35; *Strabo*, XI,4,5. Согласно Диону Кассию албанское войско возглавлял сам царь Ороз (Орис)
[887] *Flor.*,XL,3,28; *Plut.Pomp.*,35
[888] *Plut.Pomp.*,36
[889] Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. С.111
[890] Амиранашвили А.И. Иберия и римская экспансия в Азии // Вестник древней истории, 1938, №4. С.166-167; Меликишвили Г.А. Ук. соч., с.324; Ломоури Н.Ю. Грузинско-римские взаимоотношения / Автореф. докт. дисс. Тбилиси:1969. С.20

реального закрепления римского присутствия в Иберии и Албании, противоречит таким предположениям.

Когда легионы Помпея вернулись в Артаксату, Фраат III, осведомленный об их кавказских "успехах" гораздо лучше сената, вдруг "вспомнил" о злоключениях своего несчастного зятя и, заняв под предлогом его заточения северную Месопотамию и Кордуэну, потребовал соблюдения заключенного Суллой и подтвержденного Помпеем соглашения о разграничении сфер влияния по Евфрату[891]. В ответ Помпей заявил, что границе лучше быть не по Евфрату, а по справедливости[892], и, подкрепляя слова делом, заключил союз с враждебными Фраату правителями Элама и Мидии[893], а также выслал против парфян Афрания. Последний успешно дошел до Арбел, но зимой 65/64 годов заблудился в месопотамской степи и лишь при помощи жителей Карр (Харрана) благополучно достиг Сирии, так что его судьба стала известна Помпею только весной 64 года[894].

К этому моменту главнокомандующий на Востоке, перезимовав в Хоспии, находился в Малой Армении, где занимался взятием остававшихся верными Митридату крепостей. В приграничных с Понтом областях три его манипула уничтожили моссинойки (гептакометы). Они "поставили на дорогах сосуды с опьяняющим медом, добываемым из ветвей деревьев, а затем напали на римских солдат, напившихся меду и потерявших сознание, и легко умертвили их"[895]. Но это была, пожалуй, единственная для римлян неприятность. Большинство крепостей сдавалось без боя. В Синореге гарнизон отказался повиноваться дочери Митридата Дрипетиде и открыл ворота легату Помпея Манлию Приску; тогда царевна приказала начальнику гарнизона евнуху Менофилу заколоть ее, а затем покончить жизнь самоубийством[896]. Зато жена Митридата Эвпатора Стратоника, осажденная в Симфорионе, где хранились огромные сокровища, сама сдала римлянам крепость в обмен на гарантию жизни и неприкосновенности ее сыну Ксифару[897]. Однако, тот находился с отцом и его жизнь и безопасность более зависели от Митридата, чем от Помпея. Римский военачальник оставил Стратонике большую часть сокровищ, приняв лишь те из подарков царицы, которые могли служить украшением храмов или годились для триумфа. Других наложниц Митридата, попавших в руки римлян в крепостях малой Армении и происходивших из семей правителей и полководцев, Помпей отправил по домам[898].

В митридатовых твердынях римлянам достались огромные сокровища, оценивавшиеся в двадцать две с половиной тысячи талантов. Среди этих богатств, пронесенных позже в триумфе Помпея, фигурировали «игральная доска с игральными костями, из двух гемм шириной в три фута[899], длиной в четыре фута…, с золотой луной на ней весом 30 фунтов, три триклиниевых ложа, сосуды из золота ..., три золотые статуи – Минервы, Марса, Аполлона, тридцать три жемчужных венца, квадратная золотая гора с оленями, львами, всякого рода плодами и вьющейся вокруг виноградной лозой, жемчужный грот с солнечными часами наверху»[900], а также золотая статуя Митридата высотой в 8 футов и одно из крупнейших в эллинистическом мире собраний гемм, занявшее девять поставцов и посвященное впоследствии в храм Юпитера Капитолийского[901]. В Талаврах были захвачены две тысячи сосудов из оникса, золотые чаши, ритоны и другая драгоценная утварь, на подсчет которых понадобилось тридцать дней[902]. В Кенон Хорион у Кабейр в руки Помпея попал

---

[891] *Dio Cass.*,XXXVII,5,4; *Plut.Pomp.*,36
[892] *Plut.Reg.*,88,8
[893] Аппиан (*App.Mithr.*,106;117) называет правителя Мидии Дарием. По всей видимости, это зависимый от парфян правитель Великой Мидии, а не Мидии Атропатены
[894] *Dio Cass.*,XXXVII,5,5;*Plut.Pomp.*,36
[895] *Strabo*,XII,3,18
[896] *Amm.Marc.*,XVI,7,9-10; *Val.Max.*,I,8,13
[897] *App.Mithr.*,107; *Dio Cass.*,XXXVII,7,5; *Plut.Pomp.*36
[898] *Plut.Pomp.*,36
[899] Римский фут составляет 29,62 см
[900] *Plin.Hist.Nat.*,XXXVII,13-14
[901] *Plin.Hist.Nat.*,XXXVII,V (11)
[902] *App.Mithr.*,115

секретный архив Митридата Эвпатора, включавший "тайные записи" или воспоминания царя, толкования царских сновидений и личную переписку Митридата с Монимой[903]. Среди бумаг царя было найдено обширное собрание медицинских трактатов, в том числе специально для него написанные сочинения Асклепиада из Прусы, травник Кратевы, и самолично сочиненные понтийским царем рецепты лекарств (традиция называет три: "митридатия, "эвпатория" и "скордотис")[904]. Переведенные на латынь вольноотпущенником Помпея Помпеем Ленеем эти сочинения еще через столетие пользовались популярностью среди римских врачей.

Рисунок 88. Помпей. Римская монета.

Закончив к лету 64 г. полное подчинение крепостей Малой Армении, Помпей направился в Амис[905]. Здесь он занялся устройством дел в завоеванных землях. Территорию собственно Понта Помпей разделил: западная часть до Фарнакии в составе 11 областей была объединена в одну провинцию с Вифинией, а восточная с Фарнакией и Трапезунтом – отдана вместе с Малой Арменией получившему царский титул галату Дейотару, сыну Думнорига. В отдельное владение Помпей выделил Коману Понтийскую, назначив в ней верховным жрецом - правителем Архелая, сына Архелая[906]. Расположенный у юго-западных границ Понта Митридатион был передан тетрарху трокмов Богодиатару остальные галатские области Помпей тоже переделил, часть земель тектосагов досталась зятю Дейотара Кастору, сыну Саокондария, еще какое-то владение в Галатии – Домнелею[907]. В Каппадокии римляне в пятый раз восстановили Ариобарзана, в Пафлагонии власть получили Аттал и Пилемен, а правителем Колхиды Помпей назначил некоего Аристарха[908].

Получив в Амисе от Афрания исчерпывающие сведения о положении дел на восточносредиземноморском побережье, где дюжина образовавшихся в результате распада государства Селевкидов и последующего краха Переднеазиатской державы Тиграна слабых, но богатых царств и владений сулили верный и легкий успех, Помпей осенью 64 г. до н.э. выступил в поход на Ближний Восток. Им "овладело бурное стремление захватить Сирию и

---

[903] *Plut.Pomp.*,37
[904] *Plin.Hist.Nat.*, II, XXV, 3; XXIII,VIII (149); Reinach Th. Op.cit. P.285
[905] *Plut.Pomp.*,38
[906] *App.Mithr.*,114; *Eutr.*,VI,14,1; *Strabo*,XII,3,1; XII,3,13: XII,3,3-4
[907] *Strabo*,XII,5,2-3
[908] *App.Mithr.*,114; *Eutr.*,VI,14,1. Эти Пилемен и Аттал были потомками Пилемена, царствовавшего в 96-88 годах.

проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир"[909].

Для борьбы против Митридата, укрепившегося в Северном Причерноморье, Помпей приказал установить морскую блокаду его владений[910].

[909] *Plut.Pomp.*,38
[910] Ibidem,39; *Dio Cass.*, XXXVII, 3, 3

СМЕРТЬ В ПАНТИКАПЕЕ

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат ...

А.С.Пушкин

Оставив в первой половине 65 г. до н.э. Колхиду, Митридат направился по кавказскому побережью Черного моря на северо-запад. Его путь лежал через неприветливые земли племен, живших морским разбоем и работорговлей, а в перерывах между походами обрабатывавших скудные участки в лесах. Первой за нынешней рекой Бзыбь лежала страна гениохов, разделенная между четырьмя «царями». С ними Митридат без особого труда договорился о проходе. Однако уговорить зигов, живших севернее, приблизительно между нынешними Сочи и Туапсе, беглецу не удалось. «От намерения пройти через страну зигов ему пришлось отказаться из-за ее суровости и дикости, лишь с трудом удалось Митридату пробраться вдоль побережья, большую часть пути продвигаясь у моря»[911]. Дальше находилась страна кавказских ахейцев, с которыми Митридат когда-то жестоко воевал. Сведения источников о походе понтийцев через их страну противоречивы. Аппиан сообщает, что Митридат «ахейцев … обратил в бегство и преследовал…», а согласно Страбону именно «при их поддержке царю удалось завершить свое путешествие из Фасиса»[912]. Можно предположить, что ахейцы сначала недружелюбно отнеслись к прежнему противнику, но затем переменили расположение на благоприятное. Минув и их страну, Митридат Эвпатор наконец достиг области меотов, граничившей с азиатским Боспором[913]. Многочисленные правители Меотиды «приняли его, пропустили его и обменялись с ним многими подарками» [914] . Преодолев без остановок почти семисоткилометровый путь, Митридат возвращался в места, где, возможно, провел часть своей юности и где последний раз побывал пятнадцатью годами ранее.

Рисунок 89. Митридат Эвпатор. Инталия из Пантикапея. Эрмитаж.

[911] *Strabo*,XI,2,13
[912] Ibidem; *App.Mithr.*,102
[913] *App.Mithr.*,102; *Strabo*,XI,2,13
[914] *App.Mithr.*,102

Боспором пятый уже год правил в качестве дружественного Риму самостоятельного царя сын Митридата Махар. Он, однако, как оказалось, не приобрел прочной поддержки, и едва у восточных рубежей царства появился Митридат Эвпатор, весь азиатский Боспор признал его власть. Сын послал к Митридату послов с оправданиями, что де "по необходимости служит римлянам", но этим только вызвал у отца крайний гнев[915]. Сжегши свой флот, Махар бежал на европейский берег Боспора Киммерийского, и там был убит приближенными, которым Митридат Эвпатор пообещал прощение и деньги[916].

Рисунок 90. Пританей в Пантикапее. Современный вид.

Вступив в Пантикапей, Митридат направил к Помпею еще одно посольство, соглашаясь на выплату римлянам дани и выдачу заложников. Царские посланники были приняты только в 64 году и привезли ответ, равнозначный отказу: римский полководец требовал личной явки царя[917].

Тогда Митридат приступил к осуществлению созревшего у него грандиозного замысла: он намеревался, заключив союз со скифами, сарматами и кельтами, вторгнуться, пока главные силы римлян заняты на востоке, прямо в Италию[918]. "Будучи деятелен от природы и испытав много неудач, но много и удач, он полагал, что для него нет ничего недостижимого или безнадежного; в случае же неудачи он предпочитал погибнуть вместе со своим царством, сохраняя высоту духа, нежели, лишившись власти, жить в унижении и бесславии. Такими замыслами он укрепил себя, ибо, чем более слабели его физические силы, тем более он укреплялся силою духа, так что даже телесная слабость уменьшалась от высоких помыслов"[919]. Для задуманного похода царь готовил на Боспоре массы оружия, "не щадя ни лесного материала, ни рабочих быков для изготовления тетив"[920] и за полтора года собрал хорошо обученную тридцатишеститысячную армию, "много прочего войска", а также флот[921].

---

[915] Ibidem

[916] *Dio Cass.*,XXXVI,50,2; Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора. С.70-72. Согласно Аппиану (*App.Mithr.*,102) Махар покончил самоубийством

[917] *App.Mithr.*,107

[918] *App.Mithr.*,109; *Dio Cass.*, XXXVII,11,1. Ряд современных исследователей, например, Г.Бенгтсон, считают план "альпийского похода Митридата" плодом позднейших измышлений (Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М.,1982. С.318-319). Единственным источником сведений о нем являются круги, близкие к Помпею, а они были заинтересованы в том, чтобы как можно более преувеличить угрозу, от которой избавил отечество их патрон, чтобы поколебать складывавшуюся у того репутацию "победителя Сампсикерама"

[919] *Dio Cass.*,XXXVII,11,2-3

[920] *App.Mithr.*,107

[921] Ibidem,108

Однако, "подготовка новой войны против Рима, резкое увеличение поборов и реквизиций, набор в царскую армию рабов и прочее, а также расстройство торговли, связанное с блокадой черноморских портов римлянами, вызвали недовольство городов Северного Причерноморья"[922], усиленное последствиями необычайно сильного для этих мест землетрясения 64 года[923]. Антимитридатовские настроения распространились и при дворе, где по мере неудач в войне все более укреплялось стремление охранить оставшиеся владения ценою подчинения Риму, а значит – ценой жертвы Митридатом Эвпатором. Царь "одних уличал и наказывал, других хватал по подозрению до того, как они могли бы что-то совершить, и никому уже не доверял"[924].

Жертвой отца пал сын предательницы Стратоники царевич Ксифар[925]. Впрочем, в истории его смерти много непонятного. Аппиан пишет, что "Митридат убил Ксифара у берега пролива на глазах у матери, смотревшей на это с другого берега, и бросил его тело непогребенным"[926]. Однако, Стратоника в 64 году до н.э. находилась в Малой Армении; совершенно неясно, как и почему она оказалась в Керченском проливе, во владениях враждебного ей мужа. Возможно, царица на оставленные Помпеем деньги снарядила на Боспор корабли для спасения сына, и Ксифар попытался бежать к матери, но был схвачен и погиб.

Рисунок 91. Основание статуи Гипсикратии из Фанагории.

Недовольство Митридатом особенно усилилось зимой 64/63 года, когда во время его болезни клика придворных евнухов стала чинить грабежи и насилия[927]. Валерий Максим, в частности, упоминает о "крестах, которые он (Митридат – *В.Т.*) воздвиг, чтобы распять своих друзей по наущению евнуха Гавра" [928]. Обстановка настолько обострилась, что по выздоровлении царь счел необходимым укрепить гарнизоны важнейших боспорских городов. Правитель Фанагории Кастор, и без того обеспокоенный казнью некоторых своих друзей, узнав, что во главе посланного в город отряда поставлен его личный враг евнух Трифон, решил, что ждать чего-либо доброго ему не стоит, убил Трифона и призвал горожан к

---

[922] Античные государства Северного Причерноморья. С.17

[923] *Dio Cass.*,XXXVII,11,4; *Oros.*, VI, 5,1. Если празднества в честь Деметры, о которых сообщает Оросий, соответствуют греческим тесмофориям, стихийное бедствие произошло в конце октября 64 года до н.э.

[924] *Dio Cass.*,XXXVII,12,1

[925] *App.Mithr.*,107; *Dio Cass.*,XXXVII,7,5;*Oros.*,VI,5,3. В латинской транскрипции Оросия имя царевича записывается как "Эксиподр", а его смерть относится ко времени после восстания фанагорийцев

[926] *App.Mithr.*,107

[927] Ibidem

[928] *Val.Max.*,IX,2,ext.3

восстанию. Фанагорийцы осадили запершихся на акрополе детей Митридата, обстреливали их из катапульт, а после того, как восставшими были подожжены деревянные стены крепости, им сдались царевичи Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр и их сестра Эвпатра, лишь Клеопатра (по всей вероятности не царица Армении, а одноименная ей младшая дочь Митридата) продолжала отчаянно сопротивляться и была вывезена подоспевшими кораблями отца[929]. Во время раскопок на городище Фанагории на месте укрепленной цитадели найдены остатки большого здания, разрушенного сильным пожаром. На основании обнаруженных там монет гибель сооружения датируется I в. до н.э. – весьма вероятно, что это и есть сгоревший дворец, в котором укрывались дети Митридата[930]. Там же, в Фанагории найден еще один интереснейший памятник, возможно, связанный с восстанием, мраморное основание бронзовой статуи с надписью: "Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай". Форма мужского рода, в которой приведено имя, в сочетании со словом "жена" не оставляет сомнений, что речь идет именно об упоминаемой Плутархом митридатовой подруге-амазонке. В.Д. Кузнецов, обнаруживший текст, полагает, что Гипсикратия оказалась в Фанагории во время восстания и погибла, а установление ей надгробной статуи объясняет тем, что восстание было подавлено царскими войсками[931]. Такое развитие событий не исключено, однако, Аппиан говорит не о подавлении восстания, а о том только, что царь, послав на помощь дочери Клеопатре много кораблей, "вырвал ее из рук врагов". Можно допустить, что Гипсикратия укрылась в Фанагории уже после гибели Митридата, умерла и была похоронена там. При этом она или ее дети располагали достаточными средствами, чтобы заказать памятник с надписью, указывавшей на особое отношение к ней Митридата.

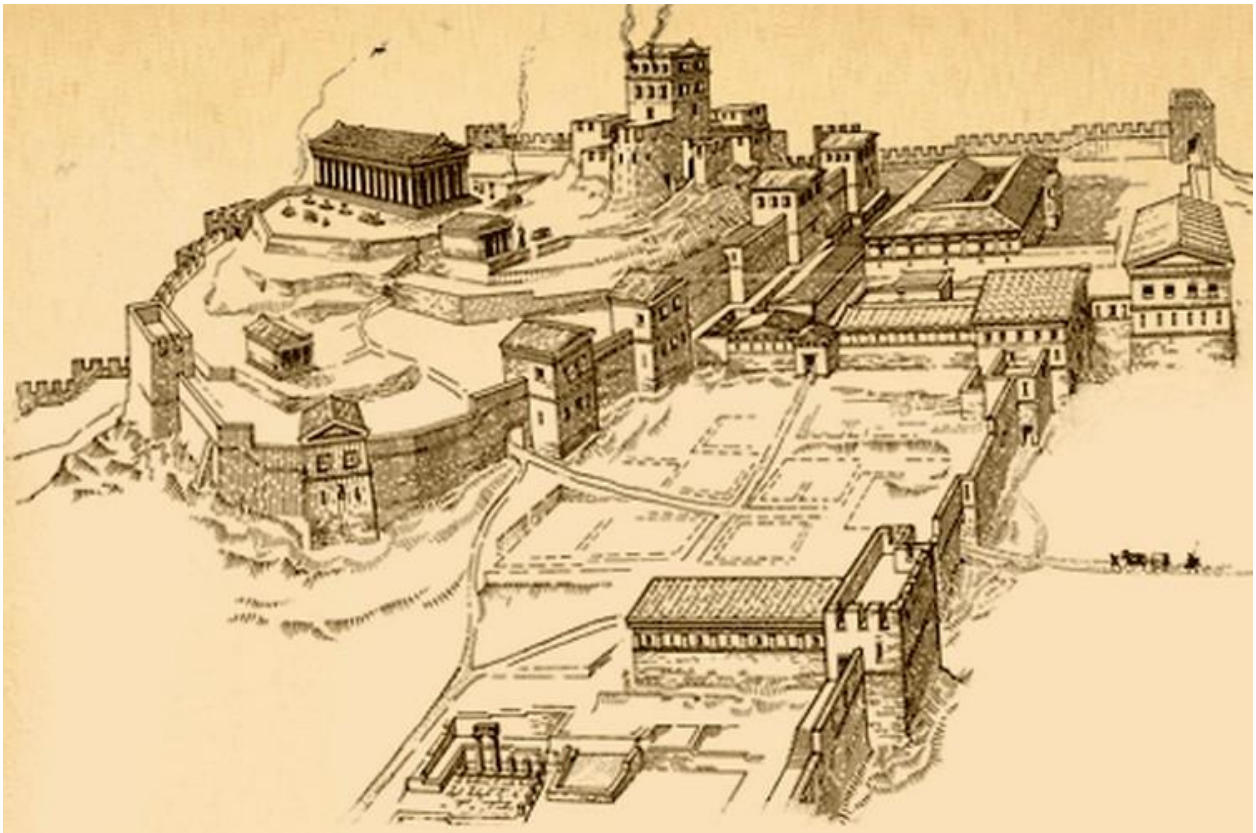


Рисунок 92. Акрополь Пантикапея. Реконструкция В.П. Толстикова.

[929] *App.Mithr.*,108; *Oros.*,VI,5,4-5. В слое пепла на северном раскопе Фанагории археологами обнаружено известковое ядро катапульты – вероятное свидетельство событий 63 г. до н.э. (Античные государства Северного Причерноморья. С.79)

[930] Летягин А.М. Гипсикрат, жена царя Митридата //rian.ru/science/20090805/179876059.html/Aug. 20th, 2009

[448]Кузнецов В. Д. Фанагория: история исследования и новые находки // Российская археология. – 2007:№ 2. С.155–172

Было ли подавлено восстание фанагорийцев или нет, оно послужило примером для городов европейской части Боспора: Нимфея, Феодосии, а затем и Херсонеса[932]. Царь поспешил отправить к скифским вождям предназначенных им в жены дочерей, надеясь усмирить греческие города копьями и стрелами кочевников. Но брожение охватило уже и войско: едва посланный к скифам отряд потерял из вида Пантикапей, охрана, перебив сопровождавших царевен ненавистных евнухов, присоединилась к восставшим грекам; дочери Митридата были отосланы к Помпею[933].

Рисунок 93. Лестница в царском дворце (?) Пантикапея. Современный вид.

Тем не менее, царь решил, не дожидаясь скифов, начать крупную карательную экспедицию против восставших. Это решение окончательно оттолкнуло от Митридата придворные круги. Накануне выступления был раскрыт очередной заговор, во главе которого встал сын и наследник Митридата Фарнак. Его соучастники были схвачены и подвергнуты пыткам. Самого же Фарнака царь, которого видный полководец Менофан убеждал – неизвестно, искренне, или будучи связан с заговорщиками, – что "не следует ему перед самым отплытием подвергать казни все еще любимого им сына, ибо такие перемены ... являются следствием войн и прекращаются с их окончанием", до поры до времени пощадил[934]. Впрочем, Митридат приказал телохранителям задержать сына. Но когда они ночью пришли исполнить приказ, Фарнак без особого труда привлек их на свою сторону[935].

В сопровождении своих сторонников и посланных схватить его царских телохранителей, Фарнак немедля бежал в расположенный у стен Пантикапея лагерь римских перебежчиков. Те весьма легко позволили поднять себя против старого царя. Вслед за ними мятеж охватил моряков и некоторые другие части.

Получив известия о случившемся, Митридат послал к бунтовщикам спросить, чего они хотят. Те без обиняков заявили: "Хотим, чтобы царем был его сын, молодой вместо старого, отдавшегося на волю евнухам, убившего уже многих своих сыновей, военачальников и друзей". Тогда царь сам выехал в лагерь мятежников, рассчитывая переубедить их. К этому времени к мятежу присоединился и кое-кто из пантикапейского гарнизона, но римские перебежчики "не допускали их к себе, пока они в доказательство своей верности не совершат какого-либо решительного поступка". Завидев Митридата, гарнизонные решили, что для

[932] *App.Mithr.*,108
[933] Ibidem
[934] *App.Mithr.*,110
[935] *Dio Cass.*,XXXVII,12,2

такого поступка как раз представился случай, и бросились на царя. Едва отбившись, – под ним был убит конь – старик заперся на акрополе Пантикапея, остальным городом без сопротивления овладели сторонники Фарнака. На площади у подножия цитадели молодого человека провозгласили царем и, за неимением диадемы, повязали голову лоскутом папируса, принесенным из соседнего храма.

Рисунок 94. Фарнак II. Монета Боспора.

Какое-то время спустя Митридат отправил придворных сообщить сыну, что готов передать ему царство в обмен на свободный и безопасный выход. Его посланцы, однако, не возвращались. Тогда, согласно общепринятой версии, царь принял решение покончить с собой. Он отпустил, похвалив за верность, телохранителей и оставшихся верными друзей; некоторых из них мятежники по недоразумению убили, как только те вышли из цитадели. По поводу сына Митридат будто бы сказал: "Так как Фарнак хочет моей смерти, вас, если вы есть, отеческие боги, умоляю, чтобы когда-нибудь и он то же самое услышал от своих детей!"

Митридат и две его дочери, Митридатис и Нисса, поднялись на верхний этаж дворцовой башни, где будто бы выпили смертельное зелье. У женщин вскоре появились признаки смерти, но сам Митридат оставался живым – якобы, сказались противоядия, которые он, опасаясь покушений, принимал в течение всей своей жизни. Дальнейшее описание событий в источниках противоречиво и вызывает сильнейшие подозрения. По версии Тита Ливия - Аппиана царь сам приказал начальнику галатских телохранителей Битойту убить себя. Согласно Аврелию Виктору (к нему близок Оросий) убийцу-галата по имени Ситок послали мятежники; "устрашенный видом царя тот было убежал, но царь вернул его и подтолкнул его дрожащую руку, наносившую ему смертельный удар". В соответствии же с сообщением Диона Кассия, после неудачной попытки отравления Митридат сам попытался заколоться мечом, но "сила удара меча оказалась слишком малой ввиду слабости его рук, причиненной как возрастом, так и принятием яда", и старик, хоть раненый, был жив, когда ворвавшиеся сторонники Фарнака (это были телохранители, посланные ранее царем против сына) убили его своими мечами и копьями. У Диона Кассия, Аврелия Виктора и Оросия Фарнак оказывается прямым виновником не только свержения, но и смерти отца. Зато Битойт, убивающий Митридата по приказу последнего, принимает всю вину на себя. Остается заметить, что о роли Битойта в умерщвлении старого царя мог сообщить только он сам, и тогда, когда находился в полной власти Фарнака. Все это заставляет усомниться в достоверности версии Аппиана. Вымыслом, по всей вероятности, оказывается и самая знаменитая легенда, связанная с именем Митридата: о его якобы невосприимчивости к отраве. Известные в античности яды растительного происхождения не действовали мгновенно, а у

присланных Фарнаком убийц не было ни времени, ни желания ждать, пока принявший зелье старик умрет, и они применили более надежный клинок. Впрочем, мы уже не узнаем, по чьему приказу Митридату Эвпатору была нанесена смертельная рана – его собственному или его сына[936].

Обезображенный труп отца Фарнак, наспех забальзамировав, отослал вместе с телами других погибших членов царской семьи и сокровищами в Амис[937].

Известие о смерти старинного недруга римлян достигло Помпея в далекой Палестине, под Иерихоном, накануне похода на Иерусалим[938]. Занятый войной с иудеями, римский полководец передал приказ похоронить тело Митридата Эвпатора "в Синопе в царской гробнице, восхищаясь его великими подвигами и считая доблестнейшим из царей своего времени"[939].

---

[936] Описание смерти Митридата см.: *App.Mithr.*,111; *Aur.Vict.* Vir.il.,76,7-8; *Dio Cass.*,XXXVII,12-13; *Liv. Per.*, 102; *Oros.*,VI,5,5-64; Reinach Th. Op.cit. P.406-410
События произошли в первой половине 63 г. до н.э.: в речи "Об аграрном законе", с которой Цицерон выступил в январе, он еще говорит о Митридате как о живом (*Cic. Leg.agr.* II, XIX (52)), а в произнесенной в первой половине ноября речи "За Мурену" как об умершем (*Cic.Pro Mur.*,XVI (34)). Из текста Иосифа Флавия (*Ios.Ant.*,XIV,3,2-4) следует, что Помпей о смерти Митридата узнал весной. Поскольку Иосиф никак не упоминает в связи с трехмесячной осадой Помпеем Иерусалима празднования Пасхи можно предположить, что начало похода римлян в Иудею и, соответственно, получение известия о смерти Митридата, имели место после Пасхи, то есть, после 13 апреля 63 г. до н.э.
[937] *Dio Cass.*, XXXVII, 14, 1; *Plut.Pomp.*,42
[938] *Ios.Fl.Ant.*,XIV,3,4; Idem *Bell.Iud.*.I,6,6. Плутарх (*Plut.Pomp.*,41) сообщает, что весть о смерти Митридата застала Помпея в нескольких днях пути от Петры, столицы набатеев, но это не противоречит сведениям Иосифа Флавия, так как согласно последнему Помпей намеревался воевать с набатеями и лишь позже изменил направление похода (*Ios.Fl.Ant.*,XIV,3,3-4)
[939] *App.Mithr.,113*. Ср.: *Plut.Pomp.*, 42. Из присланных Фарнаком личных вещей и сокровищ отца осыпанные драгоценностями ножны меча и царский головной убор-китара по дороге к Помпею были украдены, ножны некий Публий продал царю Каппадокии Ариобарзану, а "изумительной работы" китару "совоспитанник" Митридата Гай, сын Гермея, тайно передал служившему под началом Помпея сыну Суллы Фавсту (*Plut.Pomp.*,42)

В ПАМЯТИ ПОТОМСТВА

Не судите, да не судимы будете, ибо какою мерою вы судите, такою и вас осудят...

Матфей,7,1-2

"Так умер Митридат, в шестнадцатом поколении потомок Дария Гистаспа, а в восьмом – того самого Митридата, который отпал от македонян и захватил власть над Понтом. Он прожил 68 или 69 лет[940], из них 57 был царем. Власть к нему перешла, когда он был сиротой.

Он подчинил себе варваров, и из скифов ему повиновались многие. С римлянами он упорно сорок лет вел войну, в течение которой часто овладевал Вифинией и Каппадокией, он совершил вторжение в Азию, Фригию, Пафлагонию, Галатию и в Македонию; напав на Элладу, он совершил много великих деяний, над морем он властвовал от Киликии до Ионического... Он вступал в сражения с лучшими из предводителей; хотя он и потерпел поражения от Суллы, Лукулла и Помпея, но часто и над ними имел большие преимущества и победы...

Духом он, даже в несчастиях, был велик и не поддавался отчаянию. Он не оставлял ни одного пути, чтобы не попытаться напасть на римлян, даже будучи побежденным. Раненный часто врагами или по злому умыслу кем-то другим, он даже в этом случае не останавливался, хотя и был уже стариком...

Он был склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем; он убил свою мать и брата ... и трех сыновей и трех дочерей.

Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, посланному в Немею и Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог метать копья и проезжать в день, меняя коней, 1600 стадий[941]. Он правил колесницей, запряженной сразу шестью[942] лошадьми.

Он любил эллинство, знал и исполнял эллинские обряды, любил и музыку. Будучи столь благоразумен и вынослив, он имел только одну слабость – в наслаждениях с женщинами"[943]. Такой эпитафией Аппиан завершает свое повествование о войнах римлян с Митридатом Эвпатором.

Удар меча на акрополе Пантикапея завершил двухсотлетнюю цепь событий, берущую начало с Первой Пунической войны. После успеха в ней господство Рима в Средиземноморье стало вероятным, после побед над Ганнибалом и Антиохом оно оказалось очевидным, разгром Македонии и разрушение Карфагена сделали его прочным, с гибелью Митридата Эвпатора античный мир окончательно и бесповоротно превратился в римский мир. Последующие полтысячелетия этот мир теснил варварскую периферию в Галлии, Германии, Британии и Дакии, сдвигалась в ту или другую сторону его граница с парфянским Востоком, но в Средиземноморье соперничали только римляне с римлянами.

Был ли у Митридата Эвпатора шанс на успех? Пожалуй, нет. Система эллинистических монархий с ее соединением разнородных элементов, непредсказуемостью царственного произвола и политической неупорядоченностью, сводившими на нет преимущества объединения, задолго до Митридата VI продемонстрировала свою слабость в

---

[940] Данные Аппиана неточны. Правильный возраст: 72 года – называют Евтропий (*Eutr.*,VI,12,3) и Оросий (*Oros.*,VI,5,7)

[941] Более 280 километров

[942] Исправление по тексту Аврелия Виктора (*Aur.Vict.Vir.il.*,76,1). У Аппиана написано неправдоподобное "шестнадцатью"; впрочем, Светоний пишет, что Митридат правил упряжкой в десять лошадей (Suet. Nero,24,2)

[943] *App.Mithr.*,112

сравнении с римским, пусть бездушным и жестоким, но все-таки порядком. Митридат Понтийский в этом смысле "поздно встал и на дороге настигнут ночью был", ночью мира преемников Александра.

Рисунок 95. Гора Митридат в Керчи. Современный вид.

Возможность выбора у Митридата Эвпатора была, в конечном счете, невелика: повторить путь Аттала III, Никомеда IV или Птолемея XII, то есть, уступать, заискивать, угождать, стараться выглядеть слабым, или пройти тот, которым он прошел, оплаченный кровью и жизнями сотен тысяч людей, в том числе его шестерых детей и его собственною. Человек может подчиняться обстоятельствам, он может пытаться подчинять обстоятельства. Митридат Эвпатор следовал второму. В этом причина его трагедии и его исторического обаяния.

Нельзя, впрочем, сказать, что полувековая деятельность Митридата Эвпатора оказалась совсем бесследной. Именно "варвар" Митридат заставил римлян в лице наиболее дальновидных деятелей республики, таких как Лукулл и Помпей, считаться с греками Востока. Даже само Понтийское царство победители не решились упразднить, и в урезанном виде, первые два десятилетия – под другим названием, под властью посаженных римлянами правителей оно просуществовало после Митридата Эвпатора еще сто двадцать шесть лет, до 63 г. н.э. На Боспоре династия Тибериев Юлиев, потомков внучки Митридата Динамии, царствовала до IV века н.э.

Всего через несколько месяцев после гибели понтийского царя римский консул Марк Туллий Цицерон, обращаясь к влиятельнейшему сенатору Марку Порцию Катону-младшему, говорил: "Если ты хорошенько подумаешь, каково было могущество Митридата, что он совершил и каким он был человеком, то ты, бесспорно, поставишь этого царя выше всех других царей, с которыми римский народ вел войны"[944]. Через два поколения другой римлянин, Помпей Трог, внук одного из ветеранов III Митридатовой войны, не замалчивая жестокостей Митридата Понтийского, тем не менее писал о нем: "Он превзошел могуществом всех царей не только своего времени, но и всех прежних времен; в течение сорока шести лет он вел с переменным счастьем войну против римлян. Хотя его побеждали величайшие полководцы Сулла, Лукулл и другие, наконец, Гней Помпей, но он вновь поднимался на бой, еще более могучий и славный, становясь после неудач еще более грозным. Он скончался, уже будучи стариком, не вражеской силой побежденный, а сам наложив на себя руки, в дедовском царстве, оставив наследником сына"[945].

---

[944] *Pro Mur.*,XV (32)
[945] *Iust.*,XXXVII,1,7-9

Похожая характеристика содержалась и в официозной "Истории от основания Города" Тита Ливия (закончена во втором десятилетии I в. н.э.), по крайней мере излагавший ее позднеримский автор Евтропий так подытоживает жизнь Митридата: "Муж был весьма благоразумный и энергичный"[946], а у писавшего полтора - два десятилетия после Тита Ливия Веллея Патеркула мы встречаем уже настоящий панегирик понтийскому царю: "Митридат …, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем невнимательно, в войне изощренный, великий в доблестях, иногда в воинском счастье, в бою – воин, замыслами – вождь..."[947].

Конечно, в возвеличении побежденного противника содержалась немалая доля лести самим себе. Греческие провинциальные авторы, старавшиеся угодить римскому хозяину, такие как Плутарх и Мемнон, и через полтора -два столетия после смерти Митридата не жалели для него черной краски. Именно они, стараясь оправдать участие греков в войнах Митридата с римлянами на стороне царя, запустили на страницы исторических сочинений представление о Митридате - "варваре", обольстившем де и запугавшем простодушных эллинов, которые по собственной воле против благодетеля - Рима воевать бы не стали (справедливости ради заметим, что это жалкое холуйство было свойственно не всем грекам – у александрийца Аппиана ничего похожего не встречается).

Однако, чем более жизнь и деятельность Митридата Эвпатора становились историей, тем более он превращался в "своего" для греко-римского мира. Нерон упоминал его в одном из своих стихотворений. Сидоний Аполлинарий, латинский поэт V века, сообщает, что еще видел в одной из вилл в далекой от Понта Эвксинского Галлии мозаику с изображением Митридата, приносящего в жертву белых коней.

Рисунок 96. Митридат и Гипсикратия. Миниатюра из рукописи "Le livre de femmes nobles et renomées", Северная Франция, ок. 1440, Британская библиотека.

[946] *Eutr.*,VI,12,3
[947] *Vel.Pat.*,I,18,1

Следует иметь в виду, что в случаях, подобных истории Митридата, когда документальных свидетельств о событиях не осталось или почти не осталось (надписей, освещающих его деятельность, в большинстве своем очень кратких, не наберется двух десятков, а монеты сами по себе мало говорят о событийной стороне прошлого), наш современник, хочет он того или нет, зависит от древних писателей.

В Понтийском царстве вероятно были свои историки: традиция даже сохранила некоторые имена – Диофант, Тевкр, Гипсикрат Амисский, – но от их сочинений ничего не осталось.

Гораздо больше повезло свидетельствам с римской стороны. В Риме II - I веков до н.э. историческое повествование было весомым орудием в политической борьбе, так что острое соперничество партий и деятелей породило обилие литературы на соответствующие темы. Сулла и Авл Габиний сами описали свои деяния, в том числе в части, связанной с Митридатом. Лукулл нанял профессиональных греческих сочинителей Архия (род ок. 125 г. до н.э.) и Антиоха Аскалонского, а Помпей обратился к услугам Теофана Митиленского и знаменитого философа-стоика Посидония Апамейского (ок. 135 - 51 гг. до н.э.). Немало внимания Митридату уделил Гай Саллюстий Крисп (86 - 35 гг. до н.э.), который в "Истории" и "Биографии Лукулла" старался во имя развенчания Помпея, вождя и кумира своих политических противников, показать действительную роль его предшественника в победе над Понтом.

Впрочем, источники этого круга имеют по меньшей мере два серьезных недостатка. Во-первых, подчинение потребностям политической борьбы крайне неблагоприятно сказывалось на достоверности описания событий. Когда у Суллы мы читаем, что в битве при Херонее противников погибло сто тысяч человек, тогда как сам он не досчитался только четырнадцати легионеров, да и из тех двое к вечеру вернулись, у кого-то из лукулловых биографов находим сведения, что под Тигранакертом погибло пять римлян и сто тысяч воинов Тиграна, а из Теофана Митиленского узнаем, что при Никополе Помпей уничтожил 40 тысяч митридатова войска, потеряв при этом 20 рядовых и 2 центурионов, ясно, что это невозможно, потому что этого не могло быть никогда. Второй недостаток этих сочинений: от них сохранилось не более, чем упоминания, цитаты и фрагменты.

Однако, они составили основу обобщающих трудов, пришедших во время успокоения политических бурь при Августе на смену прежним памфлетам на злобу дня. Среди тех, где значительное место отводилось Митридату Понтийскому, следует назвать сочинения мавретанского царя Юбы II (умер ок 25 г. н.э.), по замечанию Плутарха "одного из самых ученых греческих писателей", и "Исторические записки" Страбона (64/63 г. до н.э. - 23/24 г. н.э.), у которого имелся личный интерес к теме – его мать состояла в родстве с Дорилаем, молочным братом и одним из ближайших сотрудников Митридата Эвпатора. Не обошли Митридата вниманием грандиозные "История от основания Города" Тита Ливия, "История" воспитателя детей Антония и Клеопатры, затем секретаря Ирода Великого Николая из Дамаска (род. в 64 г. до н.э.), "Историческая библиотека" Диодора Сицилийского (ум. 23 г. до н.э.), "Истории Филиппа" Помпея Трога.

Увы, и они до нас полностью не дошли. При этом одной из основных причин утраты оказалось то, что на наш взгляд относится к их главным достоинствам: широта охвата событий и обстоятельность изложения. Для публики времен Империи, видевшей в исторических сочинениях средство утешения и развлечения, колоссальные по объему труды времен Августа (Николай Дамасский – 144 книги, Ливий – 142 книги, Помпей Трог – 44 книги, Диодор Сицилийский – 40 книг) было дорого переписывать и скучно читать. Поэтому от 76 - 102 книг Ливия, описывавших события Митридатовых войн, остались только оглавления, цитаты и краткие изложения Флора, Евтропия и Оросия, от XXXVIII - XL книг Диодора, сочинений Николая Дамасского, Юбы, "Исторических записок" Страбона – лишь фрагменты.

Их заменили написанные во времена Антонинов и Северов сокращенные пересказы и тематические выборки. Именно к ним принадлежать наши наиболее подробные источники знаний о Митридате – "Сравнительные жизнеописания" и "Моралии" Плутарха Херонейского (ок. 46 - 130 гг.), "Войны с Митридатом" (XII книга "Римской истории") Аппиана

Александрийского (ум. ок. 170 г.), сокращение Помпея Трога, написанное во II в. н.э. Юстином, XXXVI - XXXVII книги "Истории римлян" Диона Кассия Коккейяна (ок. 155 - после 229 гг.).

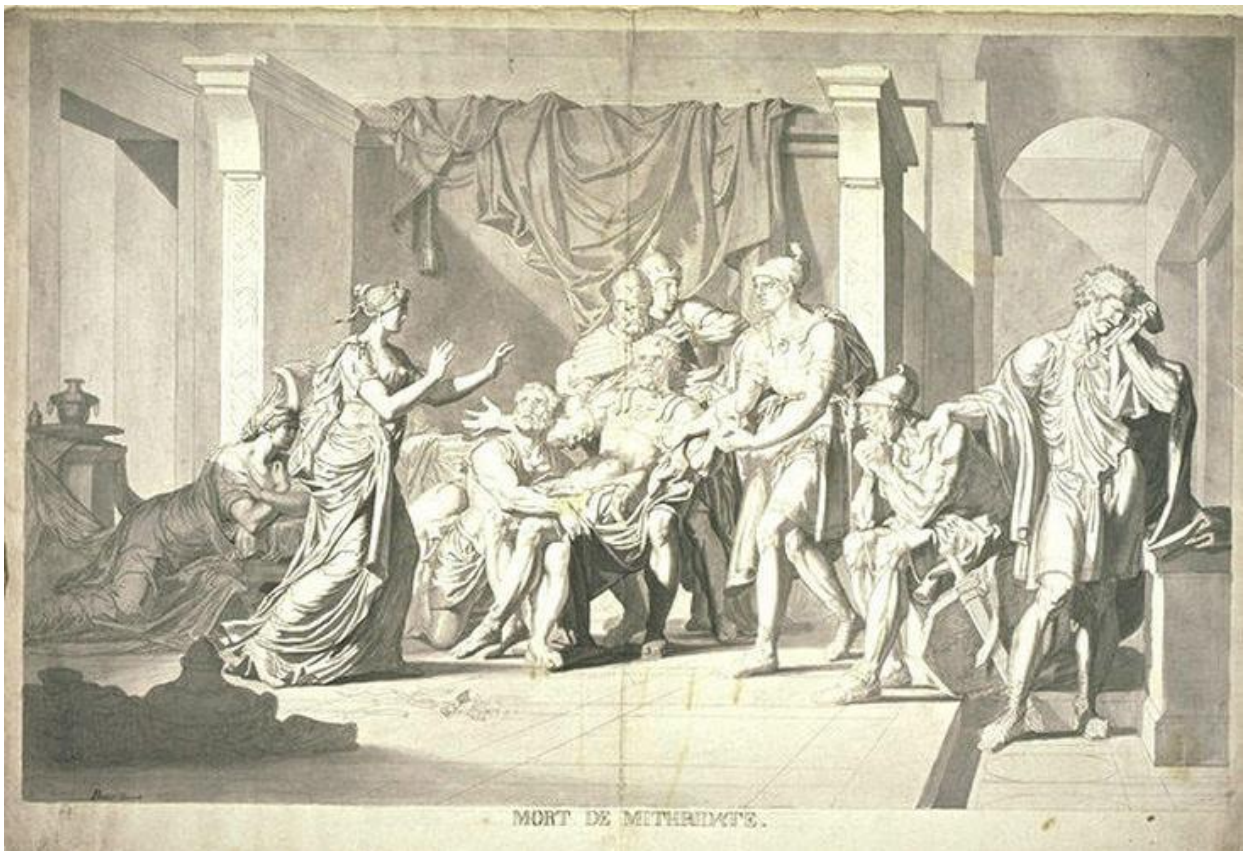


Рисунок 97. Ф. Боэр. Смерть Митридата. Рисунок конца XVIII в., Лувр.

Плутарх сам называет свои источники – это Сулла и Юба при описании I Митридатовой войны, Саллюстий, Ливий, Страбон, Антиох Аскалонский – похода Лукулла, Теофан Митиленский – войн Помпея, хотя навряд ли перечисление является исчерпывающим. Тем же авторам следовал и Аппиан. Фактически в 28 - 54 главах сочинения Аппиана и 12 -24 плутарховой биографии Суллы мы читаем Суллу, а в главах 70 - 104 Аппиана, 37 - 46 Мемнона и 6 - 36 плутархова "Лукулла" – более или менее сокращенный греческий перевод Саллюстия. Плутарх в ряде случаев отступал от Саллюстия в пользу других авторов: так, битву при Тигранакерте он описывает на основании Антиоха Аскалонского, Ливия и Страбона. Главы 10-27 аппиановых "Войн с Митридатом" по всей видимости основаны на Страбоне (имеются совпадения между ними и цитатой из Страбона у Иосифа Флавия), его же вероятно использовал при описании III Митридатовой войны Мемнон (у обоих совпадают данные о численности митридатова войска). События 66 - 63 годов Аппианом и Дионом Кассием изложены на основе посидониевой "Биографии Помпея". Посидонию же, только не "Жизнеописанию Помпея", а "Истории" следует при описании начального периода правления Митридата Помпей Трог.

С падением античности Митридат Эвпатор на долгое время был полузабыт. На средневековом Западе историю Рима и, как часть ее – войны с Митридатом – знали главным образом по сокращенным изложениям позднеримских авторов, прежде всего, Евтропия (закончено около 367 г.) и Павла Оросия (написано между 417 и 420 гг.), да и с теми был знаком узкий круг владевших латынью и имевших доступ к старинным манускриптам книжников. За пределами этого круга Митридат Эвпатор, в отличие, скажем, от Александра Великого или героев Троянской войны, был почти неизвестен. При этом, как ни странно, интерес он вызывал не столько у историков, сколько у врачей и фармацевтов как изобретатель лекарств и противоядий. В некоторых западноевропейских языках от имени понтийского царя

даже были образованы медицинские термины: английское «mithridate» – «противоядие» и французское «mithridatiser» – «делать невосприимчивым к яду».

В Византии античную историю знали несравненно лучше, но и там ее изучение, помимо знакомства с источниками, сводилось к более или менее краткому пересказу древних писателей в "Хронографиях" от сотворения мира, таких как своды Иоанна Малалы (ок. 573г.), Георгия Амартола (ок. 867) или Иоанна Зонары (ок. 1159). Из переводов Георгия Амартола и Иоанна Зонары о Митридатовых войнах по всей видимости узнали в восточнославянских странах. Пишет о Михрдате, зяте Тиграна "Среднего", и "отец армянской историографии" Мовсес Хоренаци (конец V века). Правда, его передача древнегреческих писателей местами достаточно причудлива, например, Лукулл оказывается "разбойником Вайкуном", а Помпей, "убивает Михрдата ядовитым зельем при посредстве отца Понтийца Пилата"[948].

Рисунок 98. Памятник Митридату в Керчи.

Образ Митридата почему-то не особенно привлекал внимание гуманистов эпохи Возрождения. Великий эрудит Мишель де Монтень конечно упоминает его в своих "Опытах", но в три раза меньше, чем Сципиона Эмилиана, в одиннадцать раз меньше, чем Александра Великого и в семнадцать раз – чем Юлия Цезаря.

Действительный интерес к Митридату Понтийскому пробудился у европейцев в любившую драматические эффекты и античные образы эпоху классицизма XVII века. В 1635 году второстепенный французский драматург Ля Кальпренед поставил трагедию "Смерть Митридата". Однако, по-настоящему знаменитым образ понтийского царя сделал Жан Расин, в 1673 году опубликовавший и поставивший трагедию "Митридат". Следует отметить, что Расин внимательно проштудировал почти все доступные тогда во Франции источники по истории Митридата Эвпатора, среди которых сам называет Аппиана, Диона Кассия, Плутарха и Флора. В предисловии к своей драме поэт заявлял: "Немного есть имен, более известных, нежели имя Митридата". Там же он перечислил "чувства и нравы", которые на его взгляд в

[948] *Мовс.Хор.*,II,14-15

наибольшей степени характеризуют понтийского царя: "неистовую ненависть к римлянам, великое мужество, острый ум, скрытность и, наконец, столь присущую ему ревность ..."[949].

В век Просвещения появились первые попытки научного исследования истории Митридата Понтийского. Французский нумизмат Ж.-Ф. Фуа-Вэйян отвел ему несколько глав в напечатанной в 1725 - 1728 годах работе, посвященной древним государствам Малой Азии[950]. В увидевших свет в 1734 г. "Размышлениях о причинах величия и упадка римлян" Ш.Л. де Монтескье уделил Митридату целую главу (правда, небольшую), где характеризовал его: "Великий духом царь, который в своих несчастьях, подобно льву, видящему свои раны, еще более свирепеет". Монтескье одним из первых попробовал объяснить причины долгой борьбы Митридата с римлянами и его конечного поражения: "Хотя Митридат мог легко возмещать свои потери, однако при неблагоприятном положении дел, когда полководец больше всего нуждается в послушных и дисциплинированных солдатах, его варварские отряды покидали его. Если он обладал искусством возбуждать народы и поднимать мятежи в городах, то ему в свою очередь изменяли его полководцы, его дети и жены. И, наконец, если, с одной стороны, он имел дело с неспособными римскими военачальниками, то, с другой стороны, против него посылали в разное время Суллу, Лукулла и Помпея"[951].

Несомненным признаком популярности образа античного царя среди просвещенной части общества XVIII века является факт, что пятнадцатилетний В.-А. Моцарт одну из первых своих опер назвал "Митридат, царь Понтийский"; поставленная в 1771 г. в Милане она выдержала пятнадцать представлений подряд. Интерес к Митридату Эвпатору не угас и в начале следующего столетия: его единственного из деятелей древности вспоминает в связи со своим путешествием по Крыму А.С.Пушкин.

По мере развития интереса к античности ее деятели из героев трагедий становятся объектами научных исследований. В первой половине XIX века во Франции и Германии появляется несколько работ, посвященных Митридату Эвпатору [952], которые, правда, впоследствии Т.Рейнак назвал "повествовательными и незрелыми опытами". В России во второй половине XIX века отдельные эпизоды истории Митридата Эвпатора освещались одесскими и крымскими краеведами[953].

Первым, не потерявшим до известной степени значения по сегодняшний день, обобщением истории Митридата Эвпатора на основе научной критики письменных источников стала знаменитая "Римская история" Теодора Моммзена, увидевшая свет в Берлине в 1854 - 1857 годах (события, связанные с Митридатом, излагаются во 2 и 3 томах)[954]. Однако, Т.Моммзен подошел к освещению проблемы с позиций заранее выработанных модернизаторских схем. Митридатовы войны для него – это "новый тур борьбы между

---

[949] Расин Ж. Митридат // Расин Ж. Сочинения. Том 2. М., 1984. С.74. По свидетельству Вольтера эту трагедию очень любил Карл XII

[950] Foy Vaillant J. Achaemenidorum imperium, sive regnum Ponti, Bospori et Bithiniae…. Parisiis, 1725 - 1728

[951] Монтескье Ш.Л. Размышления о причинах величия и падения римлян. // Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С.299

[952] Woltersdorf. Commentario vitam Mithridatis. Lipsiae, 1813; Frandsen. Mithridates V Eupator, König von Pontus. [S.l.], 1847; Volpert F. J. De regno Pontico eiusque principibus ad regem usque Mithridatem VI. Munster, 1853. К ним же примыкает: Sourias. Histoire abrégée de Mithridate. Saint Martin, 1878

[953] Бурачков П.О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // Записки Одесского общества истории и древностей, IX. Одесса, 1881; Юргевич В.Н. Псифизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // Записки Одесского общества истории и древностей, XII. Одесса, 1881; Ребец Ф. Крым во время Митридата Евпатора // Известия Таврической ученой археологической комиссии, 6. Симферополь, 1888

[954] Русский перевод: том 2 –1937 год; том 3 – 1941 год . В последние годы русский перевод труда Моммзена по крайней мере дважды переиздан: в серии "Историческая библиотека" (Моммзен Т. История Рима. Т.2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. Спб., 1994; Моммзен Т. История Рима. Т.3. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. Спб., 1995) и ростовским издательством "Феникс" (Моммзен Т. История Рима. В 4 т. Ростов-на-Дону, 1997)

Западом и Востоком, которая унаследована нашим поколением от мировой битвы и ... будет еще продолжаться тысячелетиями"[955] (не следует забывать, что это было написано во время Крымской войны), где Митридату Эвпатору отводилась роль "типичного представителя Востока: грубого, сладострастного, суеверного, вероломного и беспощадного"[956]. Однако, понтийский царь не укладывался в прокрустово ложе моммзеновской схемы, и тот вынужден был прийти к выводу, что "трудно с точностью определить преобладающий в них (действиях Митридата Эвпатора – В.Т.) национальный элемент"[957]. В конечном счете Моммзен должен был признать: "Как бы мы не судили об этом царе, он является замечательной, в полном смысле слова всемирно-исторической фигурой"[958].

Известным итогом в изучении жизни и деятельности Митридата VI стала вышедшая в 1890 г. в Париже основательная книга Т.Рейнака "Митридат, царь Понтийский"[959]. Ее автор соглашается с предшественниками, что, хотя "Митридат больше и лучше, чем просто султан, но именно султан составляет основу его характера. Это в его ужасающем гневе, в его пламенной, необузданной, неожиданной чувственности, которая требует себе удовлетворения немедленно. Спесь его необъятна и, ломая на пути все преграды, он ничего не считает для себя невозможным"[960]. Впрочем, Т.Рейнак пытается разносторонне и без очевидной предвзятости оценить своего героя, хотя в конечном счете дает ему отрицательную характеристику: "Несмотря на его многочисленные дарования, несмотря на его неутомимую деятельность, несмотря на его героический конец, чего-то не хватает Митридату, чтобы стать в один ряд с действительно великими историческими деятелями: я хочу сказать о высшем идеале, который искренне задумывают и которому следуют с постоянством ... Митридат был на самом деле только чудом честолюбия и эгоизма, царем из трагедии, играющим Олимпом и Авестой, памятью Александра и реликвиями Дария, деспотизмом и демагогией, варварством и цивилизацией как инструментами царствования, как средствами обольщать и увлекать за собою людей, никогда глубоко не разделяя возбуждаемых им страстей и оставаясь спокойным среди вызываемых им бурь"[961].

Книга Т.Рейнака, несмотря на полноту и детальность, не исчерпала темы. В 1930-х – 1950-х годах несколько биографических работ, посвященных Митридату VI, вышло в Италии и Германии[962], в 1950-х – 1960-х в Англии, США и СССР[963], в 1970 –1980 годы – в Германии и Голландии[964], в последнее время – в России, Испании и США[965].

Митридат Эвпатор является одной из центральных фигур в исследованиях по истории Понтийского царства[966]. Немалое место уделяется ему в публикациях, посвященных

---

[955] Моммзен Т. История Рима. Том 2. С.253
[956] Там же. С.251
[957] Там же. С.253
[958] Моммзен Т. История Рима. Том 2. С.112
[959] Признаком популярности книги Т.Рейнака являются ее немецкие переиздания 1895 (Leipzig) и 1975 (Hildesheim) годов
[960] Reinach Th. Op.cit. P.280
[961] Ibidem: 299-300
[962] Geyer F. Mithridates // Real-Encyclopaedie der Classische Altertumwissenschaft. Bd.XV, 2. Hbd.30, 1932; Zankan P. Mithridate Eupatore // Atti del Reale Instituto Veneto di szienze, lettere ed arti. Classe di szienza morali e lettere. 1933/1934: №93; Castagna M. Mithridate VI Eupator, re del Ponto. Portici, 1938; Calderini A. Mithridate VI Eupatore, re del Ponto. Milano: 1950
[963] Duggan A. He Died Old Mithridate Eupator, King of Pontos. London, 1958; Duggan A. King of Pontus: The Life of Mithridate Eupator N.Y., 1963; Гозалишвили Г.К. Митридат Понтийский. Тбилиси, 1965 (на груз яз.)
[964] Mithridates VI und Rom // Abhandlungen der Nordrhein-Westfalenischen Akademie der Wissenschaften: 1972, Bd.I. T.1; McGing B.Op.cit.
[965] Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995; Ballesteros Pastor L. Op.cit.; Mayor A. The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy Princeton University Press, 2009; Matyszak Ph. Mithridates the Great: Rome's Indomitable Enemy, Pen & Sword Military, 2009.
[966] Meyer E. Op.cit.; Максимова М.И.Ук. соч.; Olshausen E. Zum Hellenisierunprozess am pontischen Königshof // Ancient Society: 1974, Vol.5; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство.; Макгинг Б. Ук. соч.; Гуленков К.Л. Матримониальная политика Митридата VI Евпатора //

античному прошлому Северного Причерноморь[967], стран Кавказа[968], истории эллинистической Греции[969], отдельным проблемам международных отношений в античности[970]. Не обходят Митридата Эвпатора вниманием и обобщающие работы по истории эллинистической эпохи и позднереспубликанского Рима[971]. Наконец, понтийский царь стал героем художественных романов[972]. Объясняя интерес к нему, американский исследователь Ф. Мэтайшек замечает: "Писать хронику жизни Митридата было захватывающим опытом, и я сильно подозреваю, что даже два тысячелетия спустя непокорный царь понтийского воинства все еще будет привлекать новых последователей".

За сто с лишним лет, прошедших после Т.Рейнака, существенно расширился круг источников, освещающих историю Митридата Эвпатора, исследователями использованы многочисленные вновь открытые древние надписи, данные нумизматики; изощреннее стали методы научной критики источников. Однако, оценки Митридата у западноевропейских авторов ненамного отличаются от данных Рейнаком.

Средневековая Европа. М., 2000; Его же. Состояние Митридата VI Евпатора // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000

[967] Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства. Симферополь, 1893; Strazzula G. Mithridate VI, gli Sciti e il regno Bosporano fino al 62 d.C. Messina, 1903; Новосадский Н.И. Последние года борьбы Митридата с Римом // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, IV. М.,1929; Wilhelm A. Op.cit.; Каллистов Д.П. Ук.соч.; Жебелев С.А. Ольвия и Мифрадат Евпатор // Ольвия. Ж.I. Киев-Львов,1940; Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Ученые записки МГПИ, XXVIII. М.,1942; Гайдукевич В.Ф. Ук.соч.; Жебелев С.А. Северное Причерноморье.; Оксенюк Р.Н. Роль Северного Причерноморья в борьбе Понта с Римом (II - Iвв. до н.э.). Томск, 1953; Шелов Д.Б. Тира и Митридат Евпатор // Вестник древней истории. 1962, №2; Казакевич Э.Л. Ук. соч.; Молев Е.А. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре // Античный мир и археология. 2. Саратов, 1974; Его же. Митридат Евпатор: создание Черноморской державы; Его же. Черноморская держава Митридата Евпатора.; Немировский А.И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов; Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора; Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Ук.соч.; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический; Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю. Ук.соч.; Крижацький С., Зубар В., Русяєва Л. Античні держави Північного Причорномор'я. К.,1998; Виноградов Ю.А. «Там закололся Митридат…»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI—I вв. до н. э.). СПб. - М., 2004.

[968] Eckhardt K. Die armenischen Feldzüge des Lucullus // Klio.1909-1910. T.IX-X; Манандян Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье; Его же. Маршруты понтийского похода Помпея …; Его же. Тигран II и Рим ...; Бурнадзян Г.С. Армянское войско в борьбе против римских завоевателей в I в. до н.э. Ереван, 1956; Меликишвили Г.А. Ук. соч.; Джавадов И.Ш. Ук. соч.; Лордкипанидзе Г.А. Ук. соч.; Немировский А.И. Колхида, Иберия и держава Митридата; Молев Е.А. Малая Армения и Митридат Евпатор; Немировский А.И. Понтийское царство и Колхида // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980; Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата Евпатора; Тодуа Т.Т. Ук.соч.; Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.

[969] Wilamowitz-Moellendorf U. von. Nordionische Steine // Abhandlung Preussisch. Akadem. d. Wissenschaft. Berlin, 1909; Idem. Athenion und Aristion // Kleine Schriften. Bd.V,T.1. Berlin,1937; Badian E. Rome, Athens and Mithridates // The Assimilation and Resistance to Greco-Roman Culture. Bucuresti – Paris, 1976; Habicht Ch. Zur Geschichte Athens in der Zeit Mithridates // Chiron. 1976, Bd.6; Селецкий Б.П. Источники финансирования Суллы…

[970] Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A. Pontus and its Neighbors: The First Mithridatic War // Cambridge Ancient History. Vol. IX. Cambridge, 1932; Van Ooteghem J. Lucius Licinius Lucullus. Namur, 1959; Glew D.G. Mithridate Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum. 1977,Vol.55; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979; Glew D.G. Between the Wars: Mithridate Eupator and Rome, 85 – 73 B.C. // Chiron. 1981,Bd.,XI; Callataÿ F. de. L'Histoie des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain, 1997.

[971] Ферреро Г. Ук. соч.; Holmes T. The Roman Republic. Vol.1.Oxford, 1923; Ormerod H. A., Cary M. Rome and the East // CAH. 1932. Vol. 9.; Cobban J. M. Senate and Provinces. 78–49 B. C. Cambridge, 1935; Rostovtzeff M.I. Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. II. Oxford, 1941; Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. 1-2. Princeton, 1950; Marsh F. A History of the Roman World from 146 to 30 B.C. London – N.-Y.,1963; Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Pretoria, 1967; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323 – 30 av. J.C.). Vol. 2. Nancy, 1967; Holmes T. R. The Roman Republic and the Founder of the Empire. N. Y., 1968. Vol. 1.Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East, 168B.C. – A.D.I., Norman. Oklahoma, 1984; Бенгтсон Г.Ук.соч.; Cambridge Ancient History/ Edition 2. Vol. V,IX .Cambridge,1994

[972] Немировский А.И. Пурпур и яд; Полупуднев В.М. Митридат. М., 1973

Г.Бенгтсон, например, пишет: "В том, что понтийский царь был исключительной личностью, не сомневались уже в древности, но спрашивается, можно ли его причислить к действительно великим правителям? Вряд ли можно ответить на этот вопрос положительно, ибо для действительно выдающегося правителя ему не хватало очень многого, и, прежде всего, следует помнить, что он не создал ничего прочного" [973]. Правда, во-первых, причисление к лику святых и блаженных – дело папской конгрегации ритуалов, а не исследователя античной истории, во-вторых, почтенный автор по непонятным причинам забывает, что римляне для того более сорока лет и воевали с Митридатом, чтобы не позволить ему "создать нечто прочное".

Очень близкая к рейнаковской характеристика Митридата VI помещена в последних изданиях Британской Энциклопедии, по мнению авторов которой "... многие его черты напоминают восточного деспота, жестокого и чувственного. Его позиция освободителя греков от римского угнетения и, затем, поощрение социальной революции в греческих городах могут быть объяснены, в обоих случаях, как конъюнктурные действия человека, ищущего немедленных политических выгод"[974]. Рецензент на книгу Ф. Мэтайшека "Митридат Великий. Неукротимый враг Рима" пишет, что Митридатовы войны явили "захватывающее количество пиратов, мятежников, перебежчиков и отравителей (хотя, к несчастью, отсутствие героев с незапятнанными побуждениями). Там были решительные сражения, эпические осады, обманное и международного масштаба политическое попустительство, убийства и всеобщее предательство. Среди всего этого история строилась вокруг господствующего характера Митридата, знатока отрав, архиинтригана и стратега, не унывающего в поражениях, дикого и мстительного в победах"[975].

Не изжитым оказывается и моммзеновский вопрос о "преобладающем национальном элементе", то есть о том, считать ли Митридата Эвпатора принадлежащим к абстрактно трактуемому "Востоку" или же к не менее искусственно сконструированному и отвлеченно понимаемому "Западу". Пытаясь ответить на этот вопрос, Б.Макгинг замечает: "В одном обличье Митридат, окруженный греческими придворными и учеными, принявший организацию и стратегию эллинистических монархий, мог выступать ... как защитник азиатских и черноморских греков, как новый Александр, призванный уничтожить варваров-римлян. В другом, столь же убедительном облике, он мог приносить царскую клятву перед великим анатолийским божеством Меном ..., предстать в храме персидских божеств в Зеле, чтобы отправить самые священные обряды, как и его подданные, или устроить жертвоприношение Ахура-Мазде на вершине горы, как его предки Ахемениды, или также подобно им, разделить свою империю на сатрапии. Каким же был при всем этом настоящий Митридат? Несмотря на заключавшиеся из поколения в поколение брачные связи понтийских царей с Селевкидами, трудно избавиться от впечатления, что он не слишком легко принимал греческий элемент и что именно для этого он должен был прилагать наибольшие усилия. Для монарха древнего персидского происхождения восприятие восточных традиций было менее проблематичным". Однако, понимая вымученность предположений и полную неубедительность приводимых аргументов (на сатрапии свое царство делили и чистокровные македонцы Селевкиды, малоазийским богам к тому времени поклонялись и в самом Риме), добросовестный исследователь приходит к выводу: "Митридат был столь крупной и экзотической фигурой, что, возможно, он сам верил, будто должен превзойти все это. Если он и не мог властвовать над всеми людьми во всех обстоятельствах, то, по крайней мере, он властвовал над собой"[976].

Дело, однако, не в фигуре Митридата: само противоположение "Запада" и "Востока", лежащее в основе таких построений, отражает реалии, сложившиеся только в новое время, а потому применять его к событиям рубежа нашей эры анахронично и заведомо бесплодно. В начале I в. до н.э. греческие города в Понте, Месопотамии и Бактрии были частью той же цивилизации, что и в Аттике или на Пелопоннессе. В то же время, германцы, кельты или

[973] Бенгтсон Г. Ук. соч. С.319 - 320
[974] Encyclopaedia Britannica. Macropaedia. Vol.XII. London.- N.Y., 1984. P.288
[975] http://www.amazon.com/MITHRIDATES-THE-GREAT-Romes-Indomitable/dp/1844158349
[976] Макгинг Б. Ук. соч. С.111

бритты были ничуть не менее экзотическими с точки зрения греко-римского мира варварами, чем сарматы, колхи или тохары. Митридат и его царство принадлежали к тому же "культурному кругу", что и Греция, и Рим, потому то они и не смогли сохранить самостоятельность в интеграционном процессе, охватившем Средиземноморье, неотъемлемой частью хозяйственной, политической и культурной системы которого были. Не принадлежавшие к этой системе Армения, Иберия или даже маленькая Адиабена в конечном счете остались вне "римского мира".

Достаточно неожиданная оценка Митридата Эвпатора была дана в советской историографии 1930-х годов. Там господствовала не менее модернизаторская, чем доктрина "вековой борьбы Запада и Востока", теория "революции рабов". В соответствии с ней главное содержание античной истории по крайней мере со II в. до н.э. составляла борьба рабов в союзе с варварами против греческих и римских рабовладельцев. В ходе этой борьбы последним был нанесен ряд последовательных ударов, приведших в конечном счете к падению рабовладельческого строя в Европе. Как эпизоды одного из таких ударов рядом исследователей толковались социальные мероприятия Митридата в конце первой войны с Римом и особенно его план "альпийского похода". Д.П.Каллистов, например, писал: "Справедливая слава имени Митридата, как исторического деятеля первой величины, может и заключается в том, что под конец жизни у него хватило решимости повернуть ... в сторону тех, за кем было историческое будущее", – отмечая, впрочем: "Эпопея Митридата закончилась трагически ... так как в его время "варварское" общество еще не было в состоянии противопоставить себя античным рабовладельцам"[977]. Заметим, что теория "революции рабов" настолько не соответствовала фактическим данным, что уже с середины 1950-х годов была отвергнута.

С другой стороны, историки СССР оказались несвободными и от влияния моммзеновской концепции "борьбы Запада и Востока", только, в противоположность западным последователям Моммзена трактовали Митридата Эвпатора как "своего", противостоявшего "чужим" римлянам. Это подчас приводило к некоторой идеализации образа понтийского царя, заметной, скажем, у Я.А.Манандяна. Однако, не случайно, наверное, русский перевод книги Я.А.Манандяна о войне Митридата VI и Тиграна II с римлянами вышел в свет в 1943 году: Митридат воевал и в XX веке.

Как видно, оценки сложной, противоречивой и трагической фигуры понтийского царя во многих случаях оказывались зависимы от сиюминутных политических интересов тех, кто их давал. Между тем, один из самых блестящих историков XX века, Марк Блок, справедливо предостерегал: "Все учителя, которым приходилось исправлять работы студентов, знают, как трудно убедить этих юношей, чтобы они с высоты своей парты не разыгрывали роль Миносов или Осирисов. Тут особенно уместно замечание Паскаля: "Все играют в богов, творя суд: это хорошо, а это плохо". При этом забывают, что оценочное суждение оправдано только как подготовка к действию и имеет смысл лишь в отношении сознательно принятой системы нравственных рекомендаций. В повседневной жизни необходимость определить свою линию поведения вынуждает нас наклеивать ярлыки, обычно весьма поверхностные. Но в тех случаях, когда мы уже не в силах что-либо изменить, а общепринятые идеалы глубоко отличны от наших, там эта привычка только мешает. Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев? ... История, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями"[978].

---

[977] Каллистов Д.П. Ук. соч. С.281

[978] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.,1986. С.80

Каждый вправе давать нравственную оценку другим людям, в том числе деятелям прошлого. Но делать это он должен сам и, прежде чем судить – понять: что за человек был Митридат Эвпатор, и что он сделал.

Сокращения упоминаемых источников

Ael. – Claudi Aeliani Varia Historia – Клавдий Элиан. Пестрые истории
Amm.Marc. – Ammiani Marcellini Res Gestae. – Аммиан Марцеллин. История
Apoll. – Apollodori Bibliotheca – Аполлодор. Мифологическая библиотека
App. Bell. Civ. – Appiani Alexandrini Bella Civilia – Аппиан. Гражданские войны
App. Hisp. – Appiani Alexandrini Bella Hispanica – Аппиан. Войны в Испании
App. Illyr. – Appiani Alexandrini Bella Illyrica – Аппиан. Войны в Иллирии
App. Mithr. – Appiani Alexandrini Bella Mithridatica – Аппиан. Войны с Митридатом
App. Syr. – Appiani Alexandrini Res Syricae – Аппиан. Сирийские события
Athen. – Athenaei Naucratitae Deipnosophistae – Афиней. Пир мудрецов
Aur. Vict. Epit. – Sexti Aureli Victoris Epitomae – Секст Аврелий Виктор. Сокращенная история
Aur. Vict. Vir. il. – Sexti Aureli Victoris Liber de viris illustribus urbis Romae – Секст Аврелий Виктор. Знаменитые мужи Рима
CIA – F.W. Dittenberger. Corpus inscriptionum Atticarum. – Berolini: 1882 – Корпус аттических надписей
Caes. Bell.civ. – Cai Iuli Caesaris Commentario de bello civili – Гай Юлий Цезарь. Записки о гражданской войне
Caes. alior. Alex. – Cai Iuli Caesaris alioruinque scriptorum Commentario de bello Alexandrino – Продолжатели Гая Юлия Цезаря. Записки об Александрийской войне
Catul.Carm. – Cai Valeri Catulli Carmina – Гай Валерий Катулл. Стихотворения
Cic. Ad Att. – Marci Tulli Ciceronis Ad Atticum libelli – Марк Туллий Цицерон. Письма к Аттику
Cic. Ad Quint. fr. – Marci Tulli Ciceronis Ad Quintum fratrem libelli – Марк Туллий Цицерон. Письма к брату Квинту
Cic. Arch. – Marci Tulli Ciceronis Pro Archia poeta oratio– Марк Туллий Цицерон. За поэта Архия
Cic. De off. – Marci Tulli Ciceronis De officiis – Марк Туллий Цицерон. Об обязанностях
Cic. De orat. – Marci Tulli Ciceronis De oratore– Марк Туллий Цицерон. Об ораторе
Cic. Dom. – Marci Tulli Ciceronis De domo sua oratio – Марк Туллий Цицерон. О своем доме
Cic. Leg. agr. – Marci Tulli Ciceronis De lege agraria Servi Rulli orationes – Марк Туллий Цицерон. Об аграрном законе Сервия Рулла
Cic. Man. – Marci Tulli Ciceronis Pro lege Manilii oratio – Марк Туллий Цицерон. За закон Манилия
Cic. Pro Flacco – Marci Tulli Ciceronis Pro Flacco oratio– Марк Туллий Цицерон. За Флакка
Cic. Mil. – Marci Tulli Ciceronis Pro Milone oratio – Марк Туллий Цицерон. За Милона
Cic. Pro Mur. – Marci Tulli Ciceronis Pro Murena oratio– Марк Туллий Цицерон. За Мурену
Cic. Pro Sest. – Marci Tulli Ciceronis Pro Sestio oratio– Марк Туллий Цицерон. За Сестия
Cic. Verr. – Marci Tulli Ciceronis Contra Verrem orationes – Марк Туллий Цицерон. Против Верреса
CIG – Corpus inscriptionum Graecarum – Berolini: 1825–1877 –Корпус греческих надписей
CIL – Corpus inscriptionum Latinarum – Berolini: 1863–1943– Корпус латинских надписей
Dio Cass. – Cassii Dionis Cocceiani Historia Romanorum – Дион Кассий Коккейян. История римлян
Diod. – Diodori Siculi Bibliotheca historica – Диодор Сицилийский. Историческая библиотека
Eus.Chron. – Eusebii Caesariensis Chronicon Armeniacum, Graecum et Latinum. – Venetiae: 1818 – Евсевий Кесарийский. Хроника на древнеармянском, древнегреческом и латинском языке
Eutr. – Eutropii Breviarium ab urbe condita – Евтропий. Сокращение истории от основания Рима
FHG – Fragmenta historicorum Graecorum / Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit, indicibus instruxit C.Muellerus – Parisiis: 1841–1872 – Фрагменты греческих историков/ Подбор, упорядочение, примечания и вступление К.Мюллера
Flor. – Luci Annaei Flori Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri II – Луций Анней Флор. Извлечения из Тита Ливия обо всех войнах за семьсот лет
Front. – Iuli Frontini Strategematon libri quattuor – Юлий Фронтин. Военные хитрости
Gell. – Auli Gelli Noctes Atticae – Авл Геллий. Аттические ночи
Herod. – Herodoti Historia – Геродот. История
Horat. Epist. – Quinti Horati Flacci Epistolae – Квинт Гораций Флакк. Послания
Horat. Satur. – Quinti Horati Flacci Satirae – Квинт Гораций Флакк. Сатиры
IG – Inscriptiones Graecae (1873 –) – Греческие надписи
Ios.Fl. Ant. – Iosephi Flavi Antiquitates Iudaeicae – Иосиф Флавий. Иудейские древности
Ios.Fl. Bell.Iud. – Iosephi Flavi Bellum Iudaeicum – Иосиф Флавий. Иудейская война

IosPE – Inscriptiones antiqua orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae – Древние греческие и латинские надписи Северного Причерноморья
Iust. – Marci Iuniani Iustini Epitome Historiarum Philippicarum Pompei Trogi – Марк Юниан Юстин. Сокращение «Историй Филиппа» Помпея Трога
Liban. Orat. – Libanii Orationes – Либаний. Речи
Licin. – Granii Liciniani Fragmenta – Граний Лициниан. Отрывки
Liv. – Titi Livi ab Urbe condita – Тит Ливий. История Рима от основания города
Liv. Per. – Titi Livi Periochae – Тит Ливий. Оглавление
Memn. – Memnoni de Heracleia – Мемнон. О Гераклее
Nic. Dam. – Nicolai Damasceni Historia – Николай Дамасский. История
OGIS – F.W. Dittenberger. Orientis Graecae inscriptiones selectae. – Lipsiae; 1903–1905 – Ф.-В.Диттенбергер. Избранные греческие надписи
Oros. – Orosi Pauli Historiae adversum paganos – Павел Оросий. История против язычников
Paus. – Pausanias Descriptio Helladis – Павсаний. Описание Эллады
Phleg. – Phlegontis Tralliani Olympiades – Флегонт Тралльский. Олимпиады
Plin. Hist. Nat. – Cai Caecili Plini Secundi Maiori Historia Naturalis – Гай Цецилий Плиний Секунд Старший. Естественная история
Plut. Aem.Paul. – Plutarchi Chaeronensis Vita Aemili Pauli – Плутарх. Эмилий Павел
Plut. Caes. – Plutarchi Chaeronensis Vita Caesaris– Плутарх. Цезарь
Plut. Crass. – Plutarchi Chaeronensis Vita Crassi– Плутарх. Красс
Plut. De fort. rom. – Plutarchi Chaeronensis Scripta Moralia. De fortuna romanorum – Плутарх. Моралии. Об удаче римлян
Plut. De virt. mul. – Plutarchi Chaeronensis Scripta Moralia. De virtute mulierum– Плутарх. Моралии. О женской доблести
Plut. Dem. – Plutarchi Chaeronensis Vita Demetrii– Плутарх. Деметрий
Plut. Fab. – Plutarchi Chaeronensis Vita Fabi– Плутарх. Фабий
Plut. Luc. – Plutarchi Chaeronensis Vita Luculli– Плутарх. Лукулл
Plut. Mar. – Plutarchi Chaeronensis Vita Mari– Плутарх. Марий
Plut. Pomp. – Plutarchi Chaeronensis Vita Pompei – Плутарх. Помпей
Plut. Reg. – Plutarchi Chaeronensis Scripta Moralia. Apophthegmata regum et imperatorum – Плутарх. Моралии. Изречения царей и полководцев
Plut. Sert. – Plutarchi Chaeronensis Vita Sertori – Плутарх. Серторий
Plut. Sylla – Plutarchi Chaeronensis Vita Syllae – Плутарх. Сулла
Plut. Symp. – Plutarchi Chaeronensis Scripta Moralia. Symposiacae – Плутарх. Моралии. Застольные беседы
Plut. Thes. – Plutarchi Chaeronensis Vita Thesei – Плутарх. Тесей
Plut. Gracch. – Plutarchi Chaeronensis Vita Gracchorum – Плутарх. Гракхи
Plut. Tit. – Plutarchi Chaeronensis Vita Titi Quinti – Плутарх. Тит Квинкций
Plut.Quom. adult. – Plutarchi Chaeronensis Scripta Moralia. Quomodo adultorem ab amico internosse – Плутарх. Моралии. Как отличить друга от льстеца
Pol. – Polyaeni Strategematon– Полиэн. Военные хитрости
Polyb. – Polybii Megalopolitae Historia Universa – Полибий. Всеобщая история
Posid. – Posidonii Historia – Посидоний. История
Sall. Iug. – Cai Sallusti Crispi Bellum Iugurthinum – Гай Саллюстий Крисп. Югуртинская война
Sall.Hist. – Cai Sallusti Crispi Historia – Гай Саллюстий Крисп. История
Sall.Orat. – Cai Sallusti Crispi Historia. Orationes et libelli – Гай Саллюстий Крисп. История. Речи и письма
SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum – Греческое эпиграфическое дополнение
Strabo – Strabonis Geographica – Страбон. География
Suet.Div.Iul. – Cai Suetoni Tranquilli Vita divi Iuli – Светоний. Божественный Юлий
Suet.Nero – Cai Suetoni Tranquilli Vita Neronis – Светоний. Нерон
Syll. – Sylloge inscriptionum Graecarum / F.Hiller von Gaertringen et alii. – Lipsiae: 1915 – 1924 – Свод греческий надписей
Tac.Ann. – Cai Corneli Taciti Annales – Гай Корнелий Тацит. Летопись
Tac.Hist. – Cai Corneli Taciti Historia – Гай Корнелий Тацит. История
Val.Max. – Marci Valeri Maximi Facta et dicta memorabilia – Марк Валерий Максим. Достопамятные события и речи

Varro. Apol. – Marci Terenti Varronis Apologi – Марк Теренций Варрон. Апология
Vel. Pat. – Cai Vellei Paterculi Historiae romanae ad Marcum Vinicium consulem libri duo – Гай Веллей Патеркул. Две книги римской истории для консула Марка Виниция
Xen. Anab. – Xenophontis Anabasis – Ксенофонт. Анабасис

Мовс.Хор. – Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер., введ., примеч. Г.Саркисяна. – Ереван: 1990

Приложение

1. Основные эры, принятые во II – I вв. до н.э.
136 г. до н.э. – 64 г. до н.э.

Олимпиада*	Год вифино-понтийской эры**	Год эры Селевкидов**	Год эры Аршакидов***	Год до н.э.
161	162	177	112	136
162	166	181	116	132
163	170	185	120	128
164	174	189	124	124
165	178	193	128	120
166	182	197	132	116
167	186	201	136	112
168	190	205	140	108
169	194	208	144	104
170	198	213	148	100
171	202	217	152	96
172	206	221	156	92
173	210	224	160	88
174	212	229	164	84
175	218	233	168	80
176	222	237	172	76
177	226	241	176	72
178	230	244	180	68
179	234	249	184	64

* Соответствующая олимпиада приходилась на лето указаного года до н.э.

** Соответствующие годы вифино-понтийской эры и эры Селевкидов начинались в октябре указаного года до н.э.

** Соответствующие годы эры Аршакидов начинались в марте/апрелеуказаного года до н.э.

Таким образом, 161 олимпиада приходилась на 161 год вифино-понтийской эры, 176 год эры Селевкидов, 112 год эры Аршакидов или лето 136 года до н.э.

2. Соответствие афинских и македонских месяцев юлианскому календарю в 87-86 гг. до н.э.

Афинские месяцы[979]	Македонские месяцы[980]	Даты юлианского Календаря
Гекатомбеон	Лой	07.08. – 04.09.87
Метагейтнеон	Горпай	05.09. – 04.10.
Боэдромеон	Гиперберетай	05.10.- 02.11.
Пианопсион	Дий	03.11. – 02.12.
Маймактерион	Апеллай	03.12. – 31.12.
Посейдеон	Авдиной	01.01. – 30.01.86
Гамелион	Перитий	31.01.– 28.02.
Антестерион	Дистр	01.03.– 30.03.
Элафеболион	Ксантик	31.03. – 28.04.
Мунихион	Артемисий	29.04. – 27.05.
Таргелион	Даисий	28.05. – 25.06.
Скирофорион	Панем	26.06. – 25.07.

3. Римские консулы 134 – 63 гг. до н.э.

134 г. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африкан (II)[981]; Гай Фульвий Флакк
133 г. Публий Муций Сцевола; Гай Кальпурний Писон Фруги
132 г. Публий Попиллий Ленат; Публий Рупилий
131 г. Публий Лициний Красс Муциан; Луций Валерий Флакк
130 г. Луций Корнелий Лентул; Марк Перперна
129 г. Гай Семпроний Тудитан; Маний Аквилий
128 г. Гней Октавий; Тит Анний Руф
127 г. Луций Кассий Лонгин Равилла; Луций Корнелий Цинна
126 г. Марк Эмилий Лепид; Луций Аврелий Орест

---

[979] Кроме собственно Афин, аттический календарь использовался в ряде северопричерноморских городов, в частности, в Ольвии.
[980] Македонский календарь употреблялся в государстве Селевкидов, в Понтийском и Боспорском царствах
[981] Римская цифра в скобках указывает номер неоднократного консульства

125 г. Марк Плавтий Гипсей; Марк Фульвий Флакк
124 г. Гай Кассий Лонгин; Гай Секстий Кальвин
123 г. Квинт Цецилий Метелл Балеарик; Тит Квинкций Фламинин
122 г. Гней Домиций Агенобарб; Гай Фанний
121 г. Луций Опимий; Квинт Фабий Максим
120 г. Публий Манилий; Гай Папирий Карбон
119 г. Луций Цецилий Метелл Далматик; Луций Аврелий Котта
118 г. Марк Порций Катон; Квинт Марций Рекс
117 г. Луций Цецилий Метелл Диадемат; Квинт Муций Сцевола
116 г. Гай Лициний Гета; Квинт Фабий Максим Эбурн
115 г. Марк Эмилий Скавр; Марк Цецилий Метелл
114 г. Маний Ацилий Бальб; Гай Порций Катон
113 г. Гай Цецилий Метелл Капрарий; Гней Папирий Карбон
112 г. Марк Ливий Друз; Луций Кальпурний Писон Цесонин
111 г. Публий Корнелий Сципион Насика; Луций Кальпурний Бестия
110 г. Марк Минуций Руф; Спурий Постумий Альбин
109 г. Квинт Цецилий Метелл Нумидик; Марк Юний Силан
108 г. Сервий Сульпиций Гальба; Квинт Гортенсий. *Дополнительный*: Марк Эмилий Скавр (II)
107 г. Луций Кассий Лонгин; Гай Марий
106 г. Гай Ацилий Серран; Квинт Сервилий Цепион
105 г. Публий Рутилий Руф; Гней Манлий Максим
104 г. Гай Марий (II); Гай Флавій Фимбрия
103 г. Гай Марий (III); Луций Аврелий Орест
102 г. Гай Марий (IV); Квинт Лутаций Катул
101 г. Гай Марий (V); Маний Аквилий
100 г. Гай Марий (VI); Луций Валерий Флакк
99 г. Марк Антоний; Авл Постумий Альбин
98 г. Квинт Цецилий Метелл Непот; Тит Дидий
97 г. Гней Корнелий Лентул; Публий Лициний Красс
96 г. Гней Домиций Агенобарб; Гай Кассий Лонгин
95 г. Луций Лициний Красс; Квинт Муций Сцевола
94 г. Гай Целий Кальд; Луций Домиций Агенобарб
93 г. Гай Валерий Флакк; Марк Геренний
92 г. Гай Клавдий Пульхр; Марк Перперна
91 г. Луций Марций Филипп; Секст Юлий Цезарь
90 г. Луций Юлий Цезарь; Публий Рутилий Луп
89 г. Гней Помпей Страбон; Луций Порций Катон
88 г. Луций Корнелий Сулла; Квинт Помпей Руф
87 г. Гней Октавий; Луций Корнелий Цинна. *Дополнительный*: Луций Корнелий Мерула
86 г. Луций Корнелий Цинна (II); Гай Марий (VII). *Дополнительный*: Луций Валерий Флакк
85 г. Луций Корнелий Цинна (III). Гней Папирий Карбон
84 г. Луций Корнелий Цинна (IV). Гней Папирий Карбон (II)
83 г. Луций Корнелий Сципион Асиатик; Гай Норбан
82 г. Гай Марий; Гней Папирий Карбон (III)
81 г. Марк Туллий Декула; Гней Корнелий Долабелла
80 г. Луций Корнелий Сулла (II); Квинт Цецилий Метелл Пий
79 г. Публий Сервилий Ватия Исаврик; Аппий Клавдий Пульхр
78 г. Марк Эмилий Лепид; Квинт Лутаций Катул
77 г. Децим Юний Брут; Мамерк Эмилий Лепид Ливиан
76 г. Гней Октавий; Гай Скрибоний Курион
75 г. Луций Октавий; Гай Аврелий Котта
74 г. Луций Лициний Лукулл; Марк Аврелий Котта
73 г. Марк Теренций Варрон Лукулл; Гай Кассий Лонгин
72 г. Луций Геллий Попликола; Гней Корнелий Лентул Клодиан
71 г. Публий Корнелий Лентул Сура; Гней Авфидий Орест
70 г. Гней Помпей; Марк Лициний Красс
69 г. Квинт Гортенсий Гортал; Квинт Цецилий Метелл Кретик

68 г. Луций Цецилий Метелл; Квинт Марций Рекс. *Дополнительный*: Публий Сервилий Ватия Исаврик (II)
67 г. Гай Кальпурний Писон; Маний Ацилий Глабрион
66 г. Маний Эмилий Лепид; Луций Волькаций Тулл
65 г. Луций Аврелий Котта; Луций Манлий Торкват
64 г. Луций Юлий Цезарь; Гай Марций Фигул
63г. Марк Туллий Цицерон; Гай Антоний Гибрида

4. Правители важнейших государств – современники Митридата Эвпатора

Великая Армения

Кон. II в. до н.э. Тигран I
до 95 Артавазд I
95 – 55 Тигран II

Вифиния

149 – 127 Никомед II Эпифан
127 – 94 Никомед III Эвергет
94 – 74[982] Никомед IV Филопатор
92-89 (?) Сократ Хрест

Египет

145 – 116 Птолемей VIII Эвергет II (Фискон) [983]
116 – 107 Клеопатра III и Птолемей IX Сотер II (Латир)
116 – 107 Клеопатра III и Птолемей IX Сотер II (Латир)
116 – 109 Клеопатра III и Птолемей X Александр I
109 – 107 Птолемей IX Сотер II (Латир)
107 – 101 Клеопатра III и Птолемей X Александр I
101 – 88 Птолемей X Александр I и Клеопатра Береника
88 – 80 Птолемей IX Сотер II (Латир)
80 Клеопатра Береника и Птолемей XI Александр II
80 – 58 Птолемей XII Неос Дионис (Авлет)

Иберия Кавказская

ок. 162-112 Мириан I
ок. 112-93 Фарнадзем
ок. 93-81 Аршак I
ок. 81-63 Артаг (Арток)

Иудея

134 – 104 Иоанн Гиркан
104 – 103 Аристобул I
103 – 76 Йаннай Александр
76 – 67 Саломея Александра
67 – 63 Аристобул II

---

[982] С перерывом в 88 – 85 гг. до н.э., в 92-89 гг. до н.э. – на части территории.
[983] В круглых скобках указаны неофициальные прозвища

Каппадокия

163 – 130	Ариарат V Эвсеб Филопатор
130	Лаодика
130 – 116	Ариарат VI Эпифан Филопатор
116 – 100	Ариарат VII Филометор
100 – 86[984]	Ариарат VIII Эвсеб Филопатор
96	Ариарат IX
95 – 62 [985]	Ариобарзан I

Коммагена

162 – 130	Птолемей
130 – 100	Сам II Теосебий Дикэй
100 – 70	Митридат I Каллиник
70 – 35	Антиох I Теос Дикэй Эпифан

Парфия

139 – 129	Фраат II
128 – 124	Артабан I
124 – 88/87	Митридат II
90 – 80	Готарз I
80 – 78	Ород I
77 – 70	Синатрук
70 – 58	Фраат III

Селевкиды

138 – 129	Антиох VII Эвергет (Сидет)
129 – 126	Деметрий II Никатор
128 – 124	Александр II Теос Эпифан Никефор (Забина)
126 - 125	Клеопатра Тея
125	Селевк V
125 – 121	Клеопатра Тея и Антиох VIII Эпифан Каллиник Филометор (Грип)
121 – 96	Антиох VIII Эпифан Каллиник (Грип) *(со 105 г. до н.э. в Северной Сирии и Киликии)*
115 – 95	Антиох IX Филопатор (Кизикен) *(со 105 г. до н.э. в Келесирии и Финикии)*
96 – 95	Селевк VI Эпифан Никанор
95 – 92	Антиох X Эвсеб *(Сирия)*
95 – 94	Антиох XI Филадельф *(Киликия)*
95 – 89\88	Деметрий III Филопатор Сотер (Эвкер) *(с 95 г. до н.э. в Дамаске, с 92г. до н.э. также в Антиохии)*
95 – 83	Филипп I Филадельф *(до 89/88 г. до н.э. в Киликии, с 89/88 г. до н.э. – также в Сирии)*
88 – 84	Антиох XII Дионис *(Дамаск)*
69 – 64	Антиох XIII Эвсеб Филадельф
69 – 57[986]	Филипп II Филопатор Филоромэй

---

[984] Фактически царствовал в 100 – 96 гг. до н.э.
[985] С перерывами в 93 – 92, 90 – 89, 88 – 85, 74 – 72 и 67 – 66 гг. до н.э.
[986] По другим сведениям правил до 64 г. до н.э.

5. Генеалогия Митридата

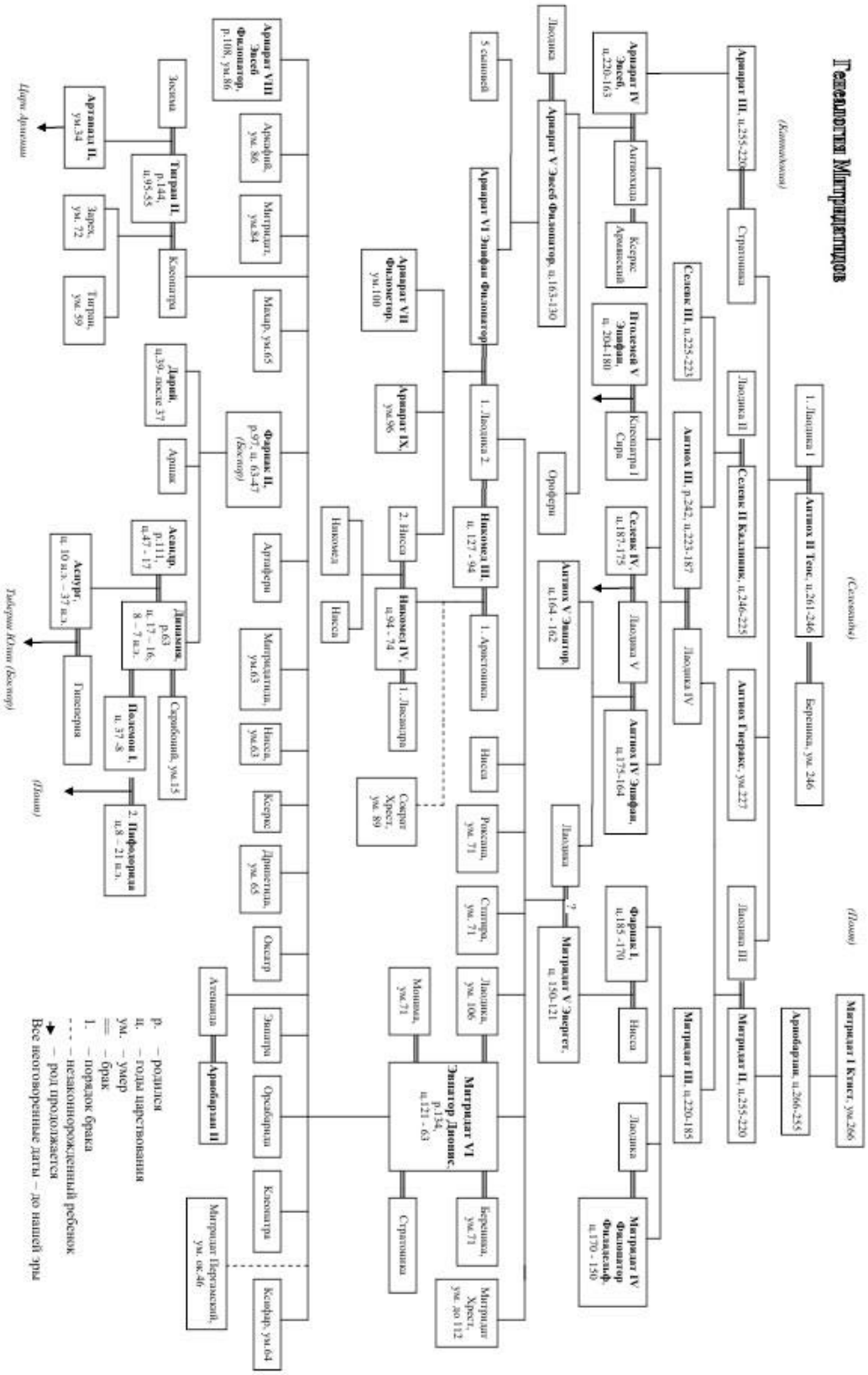


Рисунок 99. Генеалогия Митридата.

Список иллюстраций

Рисунок 1. К. Боссоли. Вид на гору Митридат в Керчи в первой трети XIX в. 5
Рисунок 2. Каппадокийцы. Рельеф из Персеполя. 9
Рисунок 3. Фарнак I Понтийский. Монета. 9
Рисунок 4. Щит с именем царя Фарнака. Музей Гетти, Лос-Анджелес. 10
Рисунок 5. Понтийское царство. 12
Рисунок 6. Амасья (древняя Амасия). Общий вид города. 13
Рисунок 7. Амасья. Цитадель. Современный вид. 14
Рисунок 8. Синоп (древняя Синопа). Снимок из космоса. 15
Рисунок 9. Процессия в честь Кибелы. Блюдо из Парабьяго. Милан, Археологический музей. 16
Рисунок 10. Монета Савлака Колхидского. 20
Рисунок 11. Перисад IV, царь Боспора (150-125 до н.э.) 21
Рисунок 12. Скилур и Палак. Рельеф из Неаполя Скифского (слепок, оригинал утрачен). 22
Рисунок 13. Знатный римлянин в уборе понтифика ("Старец Кьярамонти"). Музей Кьярамонти, Ватикан. 23
Рисунок 14. Римский патриций с портретами предков ("Тогатус Барберини"). Рим, Палаццо Консерваторе. 24
Рисунок 15. Жертвоприношение в знатной римской семье. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр. 26
Рисунок 16. Митридат Эвергет. 30
Рисунок 17. Митридат Эвпатор – юноша. Тетрадрахма. 31
Рисунок 18. Митридат Эвпатор в молодости. Тетрадрахма. 34
Рисунок 19. Скифский всадник. Рельеф из Неаполя Скифского (утрачен). 36
Рисунок 20. Перисад V. Монета Боспора. 37
Рисунок 21. Херсонесский декрет в честь Диофанта. Эрмитаж, Санкт-Петербург. 38
Рисунок 22. Голова Митридата Эвпатора из Пантикапея. Эрмитаж. 41
Рисунок 23. Митридат Эвпатор. Тетрадрахма. 43
Рисунок 24. Никомед III. Монета Вифинии. 45
Рисунок 25. "Памятник Митридата" на Делосе. Реконструкция Э. Шапутье (E. Chapoutier). 47
Рисунок 26. Митридат-Александр. Лувр. 48
Рисунок 27. Митридат II Парфянский. Монета Парфии. 48
Рисунок 28. Ариарат VII. Монета Каппадокии. 49
Рисунок 29. Ариарат VIII. Монета Каппадокии. 50
Рисунок 30. Тигран II. Монета Армении. 52
Рисунок 31. Ариобарзан I. Монета Каппадокии. 53
Рисунок 32. Луций Корнелий Сулла – Геркулес. Римская монета. 54
Рисунок 33. Сократ Хрест. Монета Вифинии 56
Рисунок 34. Митридат Эвпатор. Монета. 57
Рисунок 35. Никомед IV. Монета Вифинии. 60
Рисунок 36. Воины в малоазийском вооружении. Рельеф из Пергама. 61
Рисунок 37. Боевой конь. Малоазийский рельеф (т. наз. "Погребальный памятник Митридата"). 62
Рисунок 38. Западная часть Малой Азии в I в. до н.э. 63

Рисунок 39. Митридат Эвпатор в военном облачении. Слепок с инталии. Эрмитаж. 64
Рисунок 40. Митридат Эвпатор. Золотой статер. 67
Рисунок 41. Улица в Эфесе. Современный вид. 68
Рисунок 42. Колоннада гимнасия в Пергаме. Современный вид. 69
Рисунок 43. Митридат-Геракл, освобождающий Прометея. Пергамон-Музей. 70
Рисунок 44. Порт Родоса. Современный вид. 72
Рисунок 45. Понтийское царство при Митридате Эвпаторе. 74
Рисунок 46. Митридат-Геракл. Лувр. 75
Рисунок 47. Кратер Митридата. Капитолийские музеи. Рим. 79
Рисунок 48. Парфенон в Афинах. 80
Рисунок 49. Легионеры. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр. 82
Рисунок 50. Сулла-консул. Римская монета. 83
Рисунок 51. Арарат Эвсебий Филопатор. 85
Рисунок 52. Статуя Афины из Пирея. Пирей, Археологический музей. 86
Рисунок 53. Поле Херонеи. Современный вид. 87
Рисунок 54. Акрополь Пергама. Реконструкция. Пергамон-Музей. 91
Рисунок 55. Митридат Эвпатор. Гемма, Археологический музей этрусков, Флоренция. 92
Рисунок 56. Сулла. Глиптотека, Мюнхен. 94
Рисунок 57. Митридат Эвпатор. Тетрадрахма. 98
Рисунок 58. Каппадокия. 100
Рисунок 59. Ариобарзан I. Монета Каппадокии. 103
Рисунок 60. Боспорские воины. Прорисовки рельефов из Пантикапея (по Б. Г. Петерсу). 106
Рисунок 61. Митридат. Голова статуи. Одесский археологический музей. 109
Рисунок 62. Митридат Эвпатор. 113
Рисунок 63. Гавань в Бандырма (древний Кизик). Современный вид. 115
Рисунок 64. Легионеры. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр. 119
Рисунок 65. Римский военный корабль. Римская монета. 120
Рисунок 66. Нос римского военного корабля. Остия. 121
Рисунок 67. Митридат Эвпатор. Статер. 124
Рисунок 68. Долина Ириса. Современный вид. 125
Рисунок 69. Римский всадник. "Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр. 126
Рисунок 70. Воин в малоазийском вооружении. Рельеф из храма Афродиты Левкофриены, Лувр. 127
Рисунок 71. Долина Лика. Современный вид. 128
Рисунок 72. Укрепления Синопа. Современный вид. 130
Рисунок 73. Самсун (древний Амис). Современный вид. 131
Рисунок 74. Переднеазиатская держава Тиграна II. 135
Рисунок 75. Тигран II. Гемма. 136
Рисунок 76. Золотой медальон из Сисиана. Армения. I-е века до н.э. 138
Рисунок 77. Майяфаркин (древний Тигранакерт). Фотография 1911 г. 139
Рисунок 78. Афродита-Анаит из Сагалы (Малая Армения). Британский музей. 141
Рисунок 79. Мушская долина. Современный вид. 142
Рисунок 80. Фраат III. Парфянская монета. 145

Рисунок 81. Митридат Эвпатор. Инталия. Эрмитаж. 151
Рисунок 82. Римский военный трибун. Алтарь Домиция Агенобарба", Лувр. 153
Рисунок 83. Равнина у Зелы. Современный вид. 154
Рисунок 84. Гней Помпей. Венеция, Археологический музей. 156
Рисунок 85. Античный алтарь в Армазисхеви (Гармозике). 162
Рисунок 86. Тигран II. Монета Великой Армении. 163
Рисунок 87. Холм Багинети. Современный вид. 164
Рисунок 88. Помпей. Римская монета. 166
Рисунок 89. Митридат Эвпатор. Инталия из Пантикапея. Эрмитаж. 168
Рисунок 90. Пританей в Пантикапее. Современный вид. 169
Рисунок 91. Основание статуи Гипсикратии из Фанагории. 170
Рисунок 92. Акрополь Пантикапея. Реконструкция В.П. Толстикова. 171
Рисунок 93. Лестница в царском дворце (?) Пантикапея. Современный вид. 172
Рисунок 94. Фарнак II. Монета Боспора. 173
Рисунок 95. Гора Митридат в Керчи. Современный вид. 176
Рисунок 96. Митридат и Гипсикратия. Миниатюра из рукописи "Le livre de femmes nobles et renomées", Северная Франция, ок. 1440, Британская библиотека. 177
Рисунок 97. Ф. Боэр. Смерть Митридата. Рисунок конца XVIII в., Лувр. 179
Рисунок 98. Памятник Митридату в Керчи. 180
Рисунок 99. Генеалогия Митридата. 195

Содержание

Введение 5
СОПЕРНИКИ 8
НАЧАЛО 30
ЛАБИРИНТЫ ДИПЛОМАТИИ 43
СТОЛКНОВЕНИЕ 56
АПОФЕОЗ 67
ЭЛЛАДА 78
ДАРДАНСКИЙ МИР 90
ВОЙНА С МУРЕНОЙ 98
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МИРА 106
ПОНТИЙСКАЯ КАТАСТРОФА 124
АРМЕНИЯ 135
ВОЗВРАЩЕНИЕ 151
КАВКАЗ 161
СМЕРТЬ В ПАНТИКАПЕЕ 168
В ПАМЯТИ ПОТОМСТВА 175
Сокращения упоминаемых источников 187
Приложение 190
1. Основные эры, принятые во II – I вв. до н.э. 190
2. Соответствие афинских и македонских месяцев 191
юлианскому календарю в 87-86 гг. до н.э. 191
3. Римские консулы 134 – 63 гг. до н.э. 191
4. Правители важнейших государств – современники Митридата Эвпатора 193
5. Генеалогия Митридата 195
Список иллюстраций 196
Содержание 199